

ПУТИ И ОШИБКИ НОВОНАЧАЛЬНЫХ

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ (БЕСЕДЫ В ПАЛОМНИЧЕСКОМ РЕЙСЕ)

Священник Анатолий Гармаев

Издается по благословлению Высокопреосвященнейшего Амвросия, архиепископа Ивановского и Кинешемского.

СОДЕРЖАНИЕ:

- [От редакции](#)
- [Оглашение и воцерковление совершает Господь](#)
- [Может ли Господь нас оставить?](#)
- [Призывающая благодать Божия и греховная натура человека](#)
- [Всех научим. - Не тут-то было...](#)
- [Первый этап - оглашение](#)
 - а) [познавательная часть пути](#)
 - б) [практическое освоение церковных действий](#)
 - в) [два важнейших таинства](#)
 - г) [мирянин, священник, монах](#)
 - д) [как благодать Божия поддерживает человека](#)
 - е) [своенравие воцерковляющихся и оглашение ближних](#)
- [Второй период — промежуточный, от оглашения к воцерковлению](#)
 - а) [общая характеристика](#)
 - б) [где найти образ?](#)
- [Значение периода воодушевляющей благодати](#)
 - а) [размышление над Евангелием, Псалтирью](#)

- [б\) отношение к ближним](#)
- [в\) значение наших ближних](#)
- [Третий период - воцерковление](#)
- [Значение правил церковной жизни](#)
 - [а\) правило по отношению к Богу](#)
 - [б\) правило по отношению к ближним](#)
 - [в\) правило по отношению к самому себе](#)
- [Отход от Церкви в период оскудения веры](#)
- [Периоды обретения человеком отношений с Богом](#)
- [Нрав человеческий и нрав Христов](#)
- [Самомнение, своенравие, своеволие](#)
- [Пять шагов преодоления безнравия](#)
- [Размышления о любви и радости у Гроба Господня](#)
- [Об экстрасенсах, целителях и о том, как относиться к болезням](#)
- [Отношение к болезням и скорбям в католическом и протестантском мире](#)
- [О духовном отце](#)
- [ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ:](#)
 - [О призывающей благодати](#)
 - [О заповедях блаженств](#)
 - [О том, стоит ли делиться впечатлениями о паломничестве](#)
 - [О фотографировании в паломничестве](#)
 - [О молитве за врагов](#)
 - [О молитве за иудеев](#)
 - [О помыслах во время молитвы](#)
 - [О борьбе со сном во время молитвы](#)
 - [Как молиться за отроков и как привести их к вере](#)
 - [Об осуждении](#)
 - [О Святом Причащении](#)
 - [О телесном наказании детей](#)
 - [О воспитании детей в воцерковляющейся семье](#)
 - [О возможности воцерковления взрослых детей](#)
 - [О правильном отношении к животным](#)
 - [О суевериях в церковной жизни](#)
 - [О язычестве в Православии](#)
 - [О "мытьё" после Причастия](#)
 - [О суевериях в церковной практике](#)
 - [О правильном понимании поста](#)
 - [Об отношении к "наглым и бесцеремонным" людям](#)
 - [О любви к Богу и к ближнему](#)
 - [Что значит "враги человеку домашние его"](#)
 - [О телевизоре](#)
 - [О телевизионных новостях](#)
 - [Дети и телевизор](#)
 - [Об употреблении лекарств](#)
 - [О вредных страстях и привычках](#)
 - [Об употреблении спиртного](#)
 - [О жизни христианина в современном мире](#)
 - [О различении воли Божией](#)
 - [О прелести](#)
 - [Об отношении к художественной литературе](#)
 - [О различении периодов воцерковления](#)
 - [Что такое послушание?](#)
 - [О духовной рассудительности](#)
 - [О внешнем поведении](#)
 - [Об использовании косметики](#)
 - [О венчании после нескольких лет супружества](#)
 - [О канонизации Царя-Мученика](#)
 - [О поведении в светском обществе](#)
 - [О жизни христианина и начальствовании](#)

- [И в заключение](#)

Непредвзятому читателю, ревнующему о праведной жизни, о Церкви Христовой, пусть будут к пользе огласительные книги и книги по церковной педагогике иерея Анатолия Гармаева.

(+ Герман, митрополит Волгоградский и Камышинский)

ОТ РЕДАКЦИИ

Выход предлагаемой вниманию читателей книги представляет собой значительное событие. Мы готовили ее выпуск около двух лет. В ее основу легли лекции и беседы, прочитанные священником Анатолием Гармаевым в паломническом рейсе во время посещения святынь Палестины. После расшифровки текстов, они были в значительной мере дополнены автором.

Начинается книга с главы “Оглашение и воцерковление совершает Господь”. В ней повествуется о путях оглашения и воцерковления человека. Нередко к современному пастырю люди обращаются с различными вопросами: “Что такое воцерковление?”, “Как подготовиться к Причастию?”, “Как правильно молиться?”, “Как воцерковить своих ближних?”, “За что меня Господь оставил?” и многими-многими другими.

В последующих главах идет речь о призывающей благодати Божией и противодействующей ей греховной натуре человека, об этапах воцерковления, о том, как, пытаясь воцерковить наших ближних, мы нередко только отталкиваем их от Церкви, становясь для них преткновением на этом пути.

В последней главе под названием “Нрав человеческий и нрав Христов”, повествуется об изменении нрава человеческого по мере воцерковления, о том, насколько в современном христианском мире трудно найти человека, который бы стяжал нрав Христов по слову Серафима Саровского: “Стяжите дух мирен”, носил бы в себе этот драгоценный образ.

Автор также касается вопроса необходимости искоренения тех оснований, которыми падшая человеческая натура противится усвоению нрава Христова: самомнения, своеволия, своеволия.

В силу того, что проблемы экстрасенсорики, целительства, астрологии буквально заполонили в послеперестроечные времена полосы газет, экраны телевизоров и радиозфир, отдельная большая глава посвящена такой животрепещущей теме, как отношение к экстрасенсам, целителям и отношению христианина к телесной болезни. К сожалению, многие люди, посещающие православные храмы, несмотря на предостережения пастырей, нередко пытаются совместить столь несовместимые вещи...

В конце книги приведены ответы на вопросы, которые были заданы автору по окончании этих бесед.

Оглашение и воцерковление совершает Господь

В этой беседе я попробую рассказать о том пути оглашения и воцерковления, который проходит каждый из нас, когда вступает в церковную ограду и обретает отношения с Господом. Всякий раз буду задерживаться на двух вопросах. *Первый* — с чем приходится на этом пути встречаться, и *второй* — над чем нам необходимо работать.

Мы живем в мире, устроенном Богом в определенном порядке и последовательности, в силу чего значит, и в нашем духовном развитии каждый из нас может предположить существование некоторых закономерностей.

Большое счастье родиться в такой семье, в таком роду, где духовное преемство сохранялось непрерывно. Нет ничего более драгоценного, чем живое дыхание Духа Божия, которое совершается в семье, в поступках верующего человека. Те же, кто с детства не были воспитаны в спасительной ограде Православной Церкви, кому не посчастливилось родиться в семье, непрерывно хранившей во многих поколениях христианскую веру, наверное, помнят тот момент своей жизни, когда они впервые обратились к Богу.

Мы много сейчас читаем. По милости Божией ныне издается большое количество книг. В связи с этим для читающего человека открывается возможность узнать об опыте Церкви очень много, от самых простых вещей и до самых глубин сокровенного церковного жительствова. Но узнать об опыте и узнать сам опыт — это разные вещи. Каждый христианин, даже самую малость времени пребывающий в Церкви, знает, что опыт *читаем не берется*. Более того, в каких-то случаях чтение может оказаться даже бесполезным.

Стать действительно церковным человеком — значит стать человеком, несущим в себе Христа, Его нрав, Его характер. Поэтому для того, чтобы жить и действовать по Христу, должно иметь еще что-то помимо книг. Что же? Необходимо *живое участие Бога*, то действие благодати, которым Господь призывает к Себе всякое сердце, пробудившееся к вере, и наставляет его непосредственно Сам. Но, кроме непосредственного благодатного опыта, не менее важны *встречи с живыми людьми*, которые живут этим дыханием духа. Без них порой невозможно узнать, что такое милосердие, или что такое терпение, или что такое великодушие. Это может открыться только благодаря встрече с человеком, много лет пребывающим в Церкви, много потрудившимся в молитве и приобретении Христова нрава.

Много получит тот, кого сподобит Господь встретить человека, имеющего смирение и кротость в своем нраве. *Как он ответит, что* при этом в нем отзовется, *как* произойдет в нем добродетель, услышать и почувствовать можно только своим сердцем. В эту минуту вдруг уразумеешь, что все предыдущие представления о кротости или о смирении, полученные из книг, — это ничто по сравнению с тем, что сейчас, в эту минуту, ты почувствовал от стоящего перед тобой живого человека, несущего в себе благодатное присутствие Божие. И нет ничего дороже в нашем земном общении друг с другом, чем эти откровения, эти краткие минуты неожиданных встреч, которые дарует нам Господь.

На пути оглашения и воцерковления каждого человека такие встречи непременно происходят. Ибо если Господь призвал человека и повел его трудными стезями Своей Любви и Милости, то непременно подаст и встречи, через которые откроет ему, кто есть Его Церковь. Если мы устраиваем своих детей в ту или иную школу и продумываем все возможные средства, чтобы яснее и точнее подать для

усвоения любой материал, будь то математика, литература или история, то тем более Господь, пекущийся о нас, подаст воцерковляющемуся человеку все необходимое для возрастания в церковной жизни.

Мы все — ученики Христовы, и всем нам предстоит учиться жить по Евангелию. Сколько бы человек ни пребывал в Церкви, он никогда не остановится в своем обучении, никогда не может сказать, что время его обучения завершилось, и теперь он может получить "диплом церковного человека".

Бесконечна Милость Господня, и бесконечна всякая добродетель, в одежды которой Господь хочет облечь всякую душу, призванную к Нему. Разве возможно осознать всю эту бесконечность Его Божественного участия в нашей жизни? Каково же должно быть сердечное расположение ученика, которое отличает его на всем пути ученичества как в начале, так и в конце?

Весь опыт Церкви, опыт Святых отцов, стяжавших высокую меру добродетелей и ищущих чрез них стяжать Духа Святаго, показывает, что даже на смертном одре подвижник, много исполнивший трудов и подвигов ради обретения Христа и вместе с ним Его характера и нрава, продолжает в покаянном вопле молиться и просить Бога: *"Боже, милостив буди мне, грешному!"*, *"Боже, без числа согреших, прости мя!"*. Молитвы эти не только для тех, кто начинает свой церковный путь. Их произносят и после многих десятков лет труднейших пустынноческих подвигов угодники Божии. Это означает, что дело обучения, во-первых, имеет одно общее основание, во-вторых, оно *никогда* не останавливается. Никто из нас никогда не может сказать, что его ученичество Христу завершилось. Бесконечно, до самой смерти, человек пребывает в этом учебном делании.

Может ли Господь нас оставить?

Теперь зададимся еще одним вопросом, на который нередко люди отвечают неверно. Может ли Господь человека, нуждающегося в Его помощи, по какой-то причине совсем оставить? Если среди людей такой поступок подлежит суду совести, тем более нельзя ожидать его от Господа. Разве не будет учитель, если есть пред ним ученик, со всею любовью и полнотою своих средств терпеливо наставлять и назидать его? И если этим Учителем является Сам Господь, разве Он оставит попытки приоткрыть для нас глубины Своей Премудрости? Разве для того, чтобы нас вразумить, преобразить, подвигнуть, призвать, воодушевить, не будут использованы Богом различные средства?

Мы знаем, что Господь Всемогущ, Всеведущ, Премудр, Милостив и Вселюбящ. Думать, что Господь ничего не делает для нашего вразумления и спасения, полагать, что *"Господь оставил меня"*, что *"я теперь вообще без Бога хожу, потому что Господь отвернулся от меня"* — мысль абсолютно неправославная. Церковный человек так никогда не думает.

Правда, так бывает в новоначалии, в первые годы церковной жизни мы действительно можем переживать некоторую Богооставленность. Нам кажется, будто Господь отвернулся от нас, отошел от нас, оставил нас. Но возможно ли это? Может ли Господь оставить свое любимое чадо?

Возьмем такой пример: перед нами добрая, хорошая мать. Она выходит со своим маленьким трехлетним ребенком погулять на улицу и отпускает его поиграть. Если она его отпускает, значит ли это, что она его бросила, оставила?

Или другой пример: ребенок вырос, ему уже 18-20 лет. И вдруг он совершает преступление и садится на скамью подсудимых. Какая мать не будет горевать о своем сыне? Разве она скажет: *"Я тебя вскормила, а ты сделал преступление... Теперь я тебе уже не мать..."*? Немало людей попадает на скамью подсудимых, совершив одно, второе, третье преступление. Годами, десятилетиями сидят они в тюрьме. Все их оставили, кроме матерей. Сердце материнское даже при самых ужасных обстоятельствах и поступках сыновей или дочерей продолжает скорбеть о них. Мать будет преданной своему сыну до конца, даже тогда, когда он будет отвергнут всем обществом, всеми презираем... Она готова вместе с ним понести все то, что несет он. Любовь материнская никогда не сможет оставить свое дитя. Я говорю не о каких-то особых матерях, это ведь свойственно любой матери. Откуда это свойство? — От Бога. Господь вложил в нее такой характер и такую способность души. Эта способность свойственна, отчасти, и некоторым отцам. К сожалению, на сегодняшний день в мужчинах это сильно оскудело, но, тем не менее, все-таки и в них она есть.

Любая душа наделена этим свойством любви. А теперь подумайте: если обычный человек может проявлять такую трогательную, жертвенную любовь, то тем паче это совершает Господь... Может ли Господь отвернуться от нас? Нет! Поэтому в Своем учительном радении и попечении о каждом Он совершает хождение за нами непрестанно и ежечасно. Мысль о том, что сейчас обстоятельства жизни стали более суровыми, а все, что вчера было хорошим, вдруг стало очень плохим, потому что Господь отвернулся, будет совершенно неправильной. Это значит отказать Богу в Его любви, в Его учительстве, в Его наставничестве.

Как же Господь может нас наставить, как научить? — Своим Словом. Евангельское Слово и следующее ему слово Святых отцов живительно. Господь научает нас также всеми действиями Церкви — Таинствами, молитвами, богослужением. Но особенно наставничество Божие по отношению к каждому из нас совершается в Его Промыслах, т.е. в устройении обстоятельств нашей жизни, посредством которых Господь учительствует, вразумляет нас. Реальный опыт оглашения и вслед за тем воцерковления, а значит оставления своего и приобретения *Божьего нрава, характера*, мы получаем непосредственно в жизни. Те обстоятельства, через которые мы проходим, те случаи, с которыми мы встречаемся, те люди, которые оказываются на нашем пути: продавщица, нахамившая нам, или начальник, который грубо обошелся с нами, — все они находятся в ведении Вселюбящего Промысла Божия.

Часто приходится слышать: *"Господь от меня отвернулся"*. Как же так? Разве это возможно? Разве может Любовь отвернуться от своего чада? Может ли Господь забыть Свое чадо? Неужели в данный момент Господь занят другими людьми или же другими обстоятельствами на земном шаре? Неужели об этом участочке Земли, на котором я нахожусь со своей скорбью, Он забыл? И именно поэтому меня сейчас кто-то сильно оскорбляет, или мне стало очень худо, очень тяжело? Так думать — значит умалять Всемогущество Божие, умалять Его Вездесущую любовь. А чувствовать и думать, что Господь каждую минуту содержит человека в Своей любви, что все обстоятельства жизни, которые происходят с каждым, совершаются по Промыслу Божьему именно ради каждого из нас и исходят от

Бога научающего, от Бога не только любящего, но в любви Своей наставляющего, учащего, *как жить*, — так полагать и чувствовать будет правильно и православно.

Человеку не нужно бегать от обстоятельств жизни. Ему достаточно просто *встречаться с ними* подобно тому, как любой ученик в школе, придя на урок, принимает все то, что ему говорит учитель. Если он вдруг начинает избегать чего-то или же противиться учителю, мы говорим, что он нерадивый, пытаемся поставить его на место, призвать к тому, чтобы он стал учиться.

Но ведь то же самое происходит и с нами, православными христианами. Что бы ни произошло в нашей жизни — это *учительное обстоятельство*, Промысел Живого Бога, Который в каждую минуту, в каждый момент жизни посредством обстоятельств наставляет нас. И если мы это осознали и начнем правильно относиться к ним, то увидим, что эти уроки оказываются самыми эффективными, самыми точными средствами, которые помогают нам измениться в своем нраве навстречу Евангельскому нраву.

Призывающая благодать Божия и греховная натура человека

Сегодня в окружающем нас мире очень много людей неверующих. Значит ли это, что они ничего не слышали о Христе? — Нет. Значит ли это, что они ничего не знают о Церкви? — Нет. Значит ли это, что они ничего о ней не читали? — Нет, не значит. Многие из них читали, многие разбираются в каких-то вопросах церковного устройства, но, тем не менее, остаются неверующими. Некоторые из них даже явно противятся Церкви. Почему так?

Греховная натура человека не терпит ничего благодатного. Наше тленное естество противится всему, что имеет хотя бы малость дыхания церковного. Власть греха в человеке настолько велика, что слабыми человеческими силами превозмочь ее невозможно. Это особенно видно по ветхозаветному периоду, когда власть греха и смерти не позволила войти в рай ни одному человеку. Даже о величайших ветхозаветных праведниках мы с недоумением узнаем, что и они были под властью смерти и ада. Души их после смерти уходили в ад. На протяжении своей земной жизни все они подвергались властному действию греха. Даже величайший из праведников, творец дивных псалмопений, которыми мы поддерживаем себя в правде духовного жительства, творец Псалтири царь Давид имел тяжчайшее падение, совершившееся по причине над ним власти греха.

Мы видим, что *самому* человеку вырваться из-под этой власти невозможно. Праотец Адам согрешил единожды. И с тех пор все поколения людей подпадали под эту греховную власть все глубже и все сильнее. От поколения к поколению человечество все более и более пленялось грехом, более и более погружалось в него. И когда оно пришло в ужаснейшее, трагичнейшее состояние, пришел Сам Господь Иисус Христос, чтобы извлечь всех из этой власти греха, проклятия и смерти.

Давайте вспомним, большинство из нас были когда-то комсомольцами, кто-то — коммунистами, и многие — искренними атеистами, со всею ревностью верившими, что мир только материален, что ничего, кроме вещественного, телесного, в нем не содержится. Теперь же мы обратились ко Христу. Мы

чувствуем в себе эту особую, сугубую власть призыва Божия, которая неудержимо и необъяснимо влечет человека к Церкви. Бывший атеист хочет войти в храм и никогда не покидать церковь Божию. Почему так, откуда это вдруг взялось в нас? Ведь мы же помним себя, когда равнодушно проходили мимо храма, мимо Евангелия, мимо книг Святых отцов. Все это нас не трогало, было скучно, более того, даже просто безразлично. А теперь вдруг — такое тяготение, такое стремление. Откуда? — Только по причине действия призывающей благодати Божией. Вот с нее-то, с призывающей благодати, с этого первого касания Божественной любви к сердцу человека и освящения его ума, и начинается наше оглашение.

Церковь учит и знает по своему опыту, что *без призывающей благодати никто стать оглашенным, а затем воцерковиться не может.*

Как важно знать это в наших отношениях с родными... Здесь часто возникает вопрос: Как в процессе нашего оглашения научиться правильно себя вести по отношению к нашим близким, но еще не верующим людям? У кого-то мать, у кого-то дети, у кого-то отец, родственники, друзья, товарищи продолжают не верить. Конечно же, сердце невольно скорбит о них, искренне хочет, чтобы они познали эту радость, чтобы и им была дана эта полнота жизни, которую мы теперь имеем. И мы начинаем, засучив рукава, привлекать их к Церкви, совсем забыв о том, что позвать в Церковь может только Господь. Никогда никому из людей не было дано кого-либо призвать к Церкви, если бы на то не было воли Божией.

Вы спросите:

— А как же тогда апостолы, а как же проповедники? Ведь опыт церковный свидетельствует о том, что множество выдающихся церковных деятелей с дивным даром слова выходили к людям, говорили, и они откликались и начинали верить?

— Более того, мы знаем, что Сам Господь первым начал эту проповедь. Выходил на площадь и говорил. Многие тогда уверовали и пошли за Ним. Но все ли? Разве не было на той площади людей, которые не откликнулись, которые зароптали на Него и даже затаили злобу и зависть? А ведь все одинаково слышали одно и то же, однако, одни откликнулись и пошли, а другие — нет.

Почему так? Может быть, по причине характера людей, по злобе одних и доброте других? — Отчасти да, но те, кто откликнулись, пошли за Господом по причине Его милости и призыва. Без призывания Божьего, без Божественного касания, без благодати в сердце человека он не сможет даже услышать слов проповеди. Слушая, он будет противиться им, роптать на них. Поэтому совершенно доподлинно известно, что *без призвания Божьего человеку воцерковиться невозможно.* В то же время без отклика самого человека на призывающую благодать тоже невозможно его оглашение, за исключением тех особых случаев, когда чрезвычайным действием благодати Господь в одночасье вселяется в сердце человека, мгновенно разрывая узы греховной власти, призывает и властно, с любовью привлекает к Себе. Такой опыт пережила великомученица Варвара, то же было с Савлом, который затем стал Апостолом Павлом. Такой опыт пережило немало святых, жития которых мы теперь читаем. Но и здесь не одним только действием благодати совершилось обретение человека Церкви. Господь предузрел в характере, в глубине каждого из них способность к отклику и,

разрывая узы греха, обратился прямо к этой способности, к сокрытой жажде души о своем Боге. В наше время большая часть людей, чтобы прийти в церковь, нуждается в действии на себе двух обстоятельств. Первое (это неизменно) — участие в них призывающей благодати Божией. А второе — это участие кого-либо из верующих людей, которые оказываются для него первыми носителями Слова. Тогда через них или ими предложенную книгу человек начинает *слышать* призыв.

Поэтому, если мы своих ближних зовем к Богу, но при этом чувствуем, что они не откликаются, это значит, что *Господь пока не касается их*. Господь пока долготерпит, *промышляет* какими-то особыми Своими путями, пока не пробуждая в них отклика нам навстречу... Что же тогда? Господь молчит, *а я действую!* Что из этого получается? Многие, наверное, пережили и знают этот опыт. В лучшем случае, ничего не получится. Но, к сожалению, чаще всего получается обратное: наш ближний от такого активного наставления отвращается, один — на несколько месяцев, другой — на несколько лет. Я знаю по своему священническому опыту, что некоторые, благодаря таким действиям своих родителей или близких, отворачиваются от Церкви на десятилетия. Человеку уже 50 лет, он приходит ко мне на исповедь и говорит:

– Батюшка, первый раз пришла. А ведь я из верующей, церковной семьи, мои родители были верующими, но меня так наставляли, назидали в детстве, что где-то в 11 или 12 лет я пережила категорическое отвращение от веры, и только теперь, в 50 лет, понемножку оттаяла и начала неожиданно для себя возвращаться к Церкви. Помогите мне теперь войти в нее. У меня все еще пока на душе и на сердце осадок...

Видите, *что* может случиться? Более того, есть случаи подобного отвращения людей даже из священнической семьи.

Все это говорю для того, чтобы напомнить вам простую истину Христовых слов: "*Без Меня не можете творить ничего*". Это надо всегда помнить, ибо Божиим, а значит церковным, становится человек только от Бога, и не иначе.

Протестанты руководствуются не этим. Они опираются прежде всего не на Божественное, а на свое, человеческое, делание, с помощью которого пытаются уловить людей в свою ложную церковь. И человек обращается не к боговдохновенному, а душевно-человеческому, душевно-вдохновенному собранию. Поэтому и откликается он не духовной потребностью, а душевной и телесной. Ему не радость небесная нужна при скорбных и, возможно, тесных обстоятельствах земных, но земной радости он ищет, чтобы развеять земные обстоятельства и переложить их в удобные ему. Отсюда протестантское собрание покажется ему очень приятным и теплым. Все вы, наверное, слышали о том, какая теплая атмосфера у баптистов. Кто проходил это опытно, тот помнит, а кто не проходил, может быть, слышал, что первые месяцы пришедшие в баптистскую или же в какую иную секту чувствуют себя совершенно по-новому. Настолько там человек ухожен вниманием других людей, согрет в своих душевных потребностях! Чего бы он ни хотел в душевном смысле: и утешение, и вещественное вспоможение, и круг друзей, и круг близких ему людей, и ревностных служителей, готовых все оставить, лишь бы все потребное для него сделать — все это он здесь получает. Придя туда, он удовлетворяет все свои душевные и даже частично телесные потребности. Ведь приходит он с изможденной душой, со скорбью, со многими разными трудностями жизни и, получая первое время столь много

душевного утешения, думает: *"Вот оно и есть то, куда меня Господь призвал!"* Имя Божие услышал и решил, что это есть *то, чего он искал*. А потом, некоторые с течением времени, начинают чувствовать, *что здесь чего-то главного не происходит*.

Человек был призван Богом. Призываемый благодатью Божией, он потянулся ко Христу, *но не туда попал*. Но потом, по мере того как душевные раны несколько исцелились и утешились, он по-прежнему слышит это призывающее действие благодати, а удовлетворения не получает. Ни в общении, ни в слове, которое там произносится, ни в учении, которое ему преподают, он не слышит того, чего требует его душа, и постепенно он начинает задавать сам себе вопрос: *"Куда я попал?"* И, глядишь, Промысел Божий дает ему возможность встречи с православным человеком или с православной книгой, и тот недостаток, который он прежде испытывал, теперь покрывается беседой или книгой. *"Вот, оказывается, куда мне надо было идти!"* И он идет. Так действует призывающая благодать Божия, без которой человеку невозможно войти в Церковь.

Как мы заметили выше, на этом пути необходимо и участие людей. Потому Церковь с первых дней своего существования учредила так называемую школу оглашения. Входящему в Церковь в первые времена христианства невозможно было сразу оказаться среди *верных*. Нужно было непременно пройти этап *оглашения и просвещения*, т.е. прежде всего ему должны были преподать церковное учение — это во-первых, а во-вторых, — науку практического вхождения в Церковь. Вот эту-то практическую сторону введения человека в Церковь и называют *огласительной школой*, в которой человек оглашается не только словом, но прежде всего просвещающей благодатью Божией, которая дается ему в его первых шагах духовной жизни.

Он узнает, что это *иная* жизнь, не такая, которой он жил до этого времени. Это не просто иной душевный опыт, и даже не расширение прежнего душевного опыта. При вхождении в Церковь человек начинает входить в жизнь *духовную*, совершаемую уже не только душевными силами, но и силами духовными. Потому этот опыт и называется *опытом духовной жизни*.

Причина и источник этого опыта и жизненного делания есть Дух Божий. Мы можем этого не осознавать. Более того, на первых этапах своего оглашения его можно в себе не распознать, но духовная жизнь в человеке реально происходит, и именно по причине призывающей благодати Божией. Преподать человеку последовательность шагов в церковной жизни, научить его правильному обращению с освящающими средствами Церкви — вот главная задача огласительной школы.

В нынешнее время очень мало людей, способных совершать оглашение. Фактически *сейчас все мы, в основной массе, составляем среду оглашаемых*, т.е. людей, в которых совершает свой труд призывающая благодать Божия. А где же оглашающие? Где те, которые могут нас наставить и научить? За годы Советской власти враг очень много потрудился над тем, чтобы их не стало. Таких людей сейчас настолько мало, что на всех нас, которые жаждут, оглашающих не достает и не хватает.

В древности при подготовке к крещению каждому человеку из церковной общины благословлялись два оглашающих, его крестные родители. Благодаря этому

Церковь внимательно приготавливала человека к важному таинству, в котором он обретал возможность входить в живое общение с Богом и в земной жизни возрастать в подобие Ему. Оглашение преподавалось в виде бесед, богослужений (в том числе служилась и ныне служитя Литургия оглашенных, которая своим содержанием специально назначена для просвещения оглашенных) и, наконец, в устроении жизни по евангельским заветам. В ходе такой трехсторонней подготовки Церковь соблюдала и хранила чистоту и внутреннюю глубину православного вероисповедания, исповедания не столько словесного, сколько молитвенного и *реально-опытного*, жизненного, когда человек в повседневных обстоятельствах жизни *исповедует Христа поступком своим, чувствами и словами своими*.

Главное в исповедании Христа не то, чтобы мы сумели теоретически рассказать о христианстве. Не в этом дело. Немало людей, которые блестяще знают учение Церкви, но именно к ним могут быть отнесены слова Христа: *"Многие скажут Мне в тот день: Господи! Господи! Не от Твоего ли мы имени пророчествовали? И не Твоим ли именем бесов изгоняли? И не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззакония"* (Мф. 7, 22-23) или же в другом месте: *"Он сказал им в ответ: хорошо пророчествовал о вас Исайя, как написано: Люди сии чтут Меня устами, сердце же их далеко отстоит от Меня"* (Мк. 7, 6)

Что это значит? Это значит, что умом человек просвещен, сознанием своим может быть знает о Церкви все, но сердце по сердечным расположениям его далеко отстоит от Христа, и поэтому своими поступками, своими отношениями с ближними он Его не исповедует.

Исповедовать Христа — это прежде всего исповедать Его *поступком*. Высший характер или образ этого исповедания — это мученическая кончина за Христа, когда человек, умирая за Христа, благословляет своих казнителей, своих палачей. Вот мера благодатного чувствования, та глубина церковного хождения, та сила изменения нрава, что даже при самых ужасных обстоятельствах насилия, надругательства над человеком он благословляет своих палачей. Так было в древние времена, так же было и в наше время, когда тысячи православных людей принимали мученическую кончину от большевиков и тех, кто был с ними.

Читая все это или зная давно об этом, давайте теперь посмотрим на самих себя. Так ли мы с вами воспитаны? Вот кто-либо заденет нас словом — что сразу внутри подымается? Или кто-то скажет: "Ты делаешь не так!", — какой ропот сразу возникает. А если кто-то скажет: "Да ну тебя!", — какая обида! Происходят с нами очень простые или чуть трудные житейские обстоятельства — и мы уже не можем их понести. Разве это есть исповедание Христа? — Нет. А вот мученики и новомученики Российские преподают нам образ исповедничества. Такому исповедничеству необходимо положить начало, и в этом задача огласительной школы, в этом миссия крестных родителей.

Возможно ли сейчас найти для каждого из нас таких людей? — Вряд ли. И поэтому какая мера благодарности Богу должна быть, если Господь Промыслом Своим на нашем пути вдруг посылает встречу с таким человеком: жизнью исповедающим Христа.

Наверное, не для каждого возможна такая встреча. Но для многих из нас ею может стать неожиданный поступок ближнего, в котором мы явно услышим православное дыхание, дыхание Церкви. Это может быть всего лишь слово, сказанное *от сердца*, сказанное *так*, как мы никогда раньше не слышали, — подобный опыт встречи с православными людьми мы вполне могли иметь. Это промыслительное участие Бога, в котором Он Сам берет на Себя огласительную задачу и Сам становится нам Крестным Родителем, научая нас через людей, которые идут рядом с нами. Не исключительно через человека, но через какой-то его поступок, какое-то его слово. Вот это порой и будет тем главным научением, той важнейшей частью нашего огласительного пути, которые совершаются Богом в повседневном общении с братьями и сестрами во Христе. *"Христианин, — пишет свят. Феофан Затворник, — храм Духа Святаго, жилище Отчее и Сыновнее. Следовательно, он сосуд Божества. Прими же его, как принесшего к тебе Бога в себе, с благословениями, подобно древнему ковчегу, и притом всякого, велик ли он или мал, беден или богат, умен или нет"*.

Так поступая, узнаешь дивный, никогда не прекращающийся Промысел Божий, который в одни минуты будет действовать извне, через твоё окружение, в другие — через сердечное чувство и зрение к богодарованным свойствам брата во Христе.

Всех научим. - Не тут-то было...

Лет пять назад по благословию нашего Владыки Германа, Архиепископа Волгоградского и Камышинского, мы организовали в Волгограде духовную школу. Мы полагали: *"Наконец-то, нам дана свобода! Теперь мы всех научим!"* Но дело учебное оказалось далеко не простым, очень трудным и кропотливым. Мы же, начиная его, полагали, что, поскольку собрались церковные люди, все должно получиться. На деле оказалось, что по характеру своей жизни большинство из нас в действительности находится всего лишь на огласительном этапе. Правда, вспоминаю, как мне самому трудно было с этим смириться. Имея уже немалый для нынешнего времени опыт церковной жизни — пятнадцать лет активного воцерковления, мне пришлось в то время в ходе серьезных попыток научения людей церковной жизни обнаружить, что *я сам в этом мало что знаю и умею*. Как трудно признать себя не церковным, а всего лишь входящим в Церковь человеком, более того, пребывающим всего лишь на огласительном этапе... В итоге обнаружилось, что научить мы можем очень немногому.

Но когда мы с этим согласились, то стало как-то *легче* жить. Сразу стало проще с теми, кто приходит. Мы и не подозревали, что все трудности общения с приходящими в Церковь людьми были связаны не только с их характером, но в немалой степени и с нашим. Внимательно вглядываясь в труды Святых отцов Церкви, мы пришли к выводу, что преимущественная часть нынешнего поколения, не имевшая воцерковления с детства, сегодня пребывает в огласительном состоянии. А какая-то часть церковного народа, будучи уже давно, в Церкви по видимости, по характеру своего исповедания находится даже в предогласительном состоянии, даже не предполагая, что исповедовать веру надо не словами, рассказывая о Христе, а жизнью, в согласии со Словом поступая в самых обычных жизненных обстоятельствах. Это совсем разные вещи.

Одно дело — стоять на кухне и стоящим рядом людям рассказывать о паломнической поездке, о Святых отцах, об учении церковном и, в результате поджарить котлету до гари, суп сделать чрезмерно соленым... И совсем другое — со всей любовью и преданностью Христу приготовить и котлеты, и суп, а потом накормить и напоить тех, которые сейчас жаждут не столько слова, сколько просто пришли покушать, потому что голодны. Слово они потом почитают, найдется время и для слова. А вот если ты сейчас просто с любовью их накормишь, потому что ты чувствуешь *их* нужду, а не *свои* какие-то желания, не свою потребность всех вокруг просвещать, то, окажется, так будет лучше, и проще, и правильнее. Но этому надо долго и упорно учиться и человек порой не скоро к этому приходит.

Немало усилий он приложит к тому, чтобы воцерковить ближних, или приходящих на огласительные занятия, или начинающих ходить в храм на богослужения. Он будет воцерковлять их, не разбираясь, в согласии ли с призывающей благодатью Божией (долготерпеливой, кроткой, вселюбящей, премудрой, чуткой) будут его действия. Чаше от себя, со своим видением и требованиями, со своим притязанием он будет добиваться от людей воцерковления, время от времени уточняя ситуацию вопросом: "Ну! Будешь православным человеком или нет?" Какие только доводы не будут пущены в ход! Сначала устрашающие — последними временами с землетрясениями, гладами и морами, антихристом, затем адом и страданиями за гробом, нападением бесов, возможным одержанием за упрямство и неверие, болезнями, несчастьями и всякими скорбями. Когда это не окажет действия, будут приведены в ход различные блага, которые получит христианин в своей земной и загробной жизни. Не останутся в стороне и рассказы о житиях святых, о разных чудесах и исцелениях. Все знаемое и незнаемое, реальное и по ходу придуманное будет приведено в действие под рефрен подкрепляющейся мысли — для воцерковления все меры хороши.

Да, конечно, какая-то часть людей при этом воцерковляется, но нашими ли усилиями? И сейчас, вглядываясь в их жизнь, в их опыт, встречаясь с ними, теперь уже спустя какое-то время видишь, что воцерковились они потому, что Господь их взял и сохранил вопреки нашим таким категоричным попыткам насильно втянуть их в церковную жизнь. Несмотря ни на что, Он все-таки провел их через эти не очень приятные обстоятельства научения и сохранил как людей церковных.

Мы знаем, что в обычной светской школе, где развитием душевных дарований ребенка в большинстве своем никто не озабочен и нравственным воспитанием учащихся никто всерьез не занимается, тем не менее, какая-то часть детей возрастает как добронравные. Каким образом? Благодаря учителям? — Увы, нет. Вопреки. Почему? — Просто по благоволению Божию, по тому дару, который у них есть с самого рождения.

Или, например, другой факт: во многих наших школах способности детей, имеющих те или иные дарования, часто погибают, потому что учебный процесс совершается репродуктивным, матричным способом. Учитель требует: "Повтори, точно, слово в слово, и за это получишь "5". Если же ты как-то размышляешь, ищешь, то рискуешь за это получить "2". Тем не менее, даже при такой системе обучения в той или иной школе одаренные дети сохраняются и дальше в жизни продолжают творить и созидать что-то новое, доброе. Смотришь: кто же это такие? — Оказывается, либо троечник, либо двоечник, которому не было дела до

учебы, либо (реже) отличник и хорошист, но действительно имеющий силу дара, и поэтому ничто не смогло его сломить.

В нашем случае получается то же самое. Наблюдая сегодня, как идут те, к кому я когда-то приступал с оглашением, вижу, что мало в том моей заслуги. Но все совершалось каким-то дивным, непритязательным участием Бога и Его любовью, проявленной в Его Промыслах, которыми Он и вел Своих чад. И теперь некоторые из них здесь, в паломническом рейсе, путешествуют с нами, и для меня было большой радостью встретиться с ними. Другая часть их рассеяна по всей земле Российской, одни выражают благодарность, другие — на чем свет стоит ругают меня... Теперь ради Имени Христова обращаюсь к ним:

— Как можете, простите меня. Много передумано, много пересмотрено, о многом принесено покаяние. Теперь хотя бы отчасти ясно одно — чтобы быть способным к оглашению, надо быть церковным человеком. Церковным — это не просто ходящим в церковь, не просто участвующим в Таинствах, не просто читающим молитвы, даже не обязательно имеющим личные, какие-то большие молитвенные правила. Все это еще может не означать, что ты — человек церковный.

Каким же должен быть церковный человек? Какие трудности на путях воцерковления предстоит преодолеть человеку?

Первый этап — оглашение

а) познавательная часть пути

Чтобы ответить на вопрос, заданный в предыдущей главе, святитель Феофан Затворник написал книгу в пятьсот страниц "Начертание христианского нравоучения". Нет такой возможности, да и нет такой задачи пересказывать здесь ее содержание.

Отчасти опираясь на труд святителя, отчасти подытоживая опыт многих людей, в наше время вступающих в церковную жизнь, попробую рассмотреть основные этапы, которыми совершается оглашение, совершается со стороны призывающей благодати Божией и со стороны людей, ею возгреваемых. Первая часть этого пути — потребность в книгах, в Слове Божиим. И поэтому — необыкновенная жажда к чтению, к беседам, к разговорам. Малейший разговор о Христе, о Церкви — *"ушки на макушке"*, уже я там, я весь там. Малейшее объявление о том, что где-то будет происходить беседа или лекция, или же батюшка будет выступать, — я бегу туда. А вот книга попалась. Если есть деньги — последние выложу, чтобы купить. Вот уже такая библиотека собралась, что целой семинарии, если по одной книжке в неделю читать, — не прочесть и за пять лет. А я один собрался все прочесть.

Хочет ли человек на этом этапе подолгу молиться, ходить на службы? Пока еще нет. Эта сторона практической церковной жизни, может быть, еще выражена неявно, а вот потребность в Слове — большая.

По мере того, как сознание человека начинает изменяться, действие призывающей благодати начинает проникать в его чувства (а оно действительно будет проникать, потому что человек читает с живым интересом). Многие вещи,

которые он представлял *одним образом*, теперь видятся по-иному. Некоторые представления вовсе переворачиваются в его сознании. И если сознание человека начинает постепенно быть церковным, то непременно за этим следует и преобразование чувств. И тогда по чувству человек начинает желать богослужения, желать молитвы. Это выход уже во вторую часть пути оглашения — освоение практических действий Церкви.

б) практическое освоение церковных действий

Раз в месяц человек непременно придет в храм, постоит либо на вечерней, либо на утренней службе. А потом, глядишь, наступит время, когда он обязательно пойдет на обе службы. Пока он еще не исповедуется, не причащается, а молитвы дома читает выборочно, потому что на большее у него нет сил, нет и потребности. На этом этапе он вполне может выбирать молитвы из утреннего и вечернего правила. Он будет замечать, как порой перепутываются у него новые понятия, которые он получает о церковной жизни или как он сначала воодушевится на какие-то действия церкви, а потом начнет остывать. в каком-то знании он может увериться сразу, в каком-то спустя время. Но как бы ни происходило у человека, он увидит, что благодать Божия начала оживать его как раз в такое время и именно тем обстоятельством или словом, которое ему сейчас именно и нужно. Пройдет немалый срок, в течение которого совершается незримое для человека попечение Божие о нем. Когда-нибудь, возможно, откроется ему вся полнота Божественной заботы о нем, которую Господь совершал премудро и неведомо ему.

Вот некоторые наставления тем, кто узнает себя пребывающим на этом этапе.

Начало правила желательно прочитывать полностью до "Отче наш", а дальше выбрать те молитвы, которые ближе душе. Здесь очень важно поддерживать живую потребность в общении с Богом. И поэтому чтение молитв на этом этапе не должно превращаться в просто механическое проговаривание молитвенных слов языком или же мыслью. Необходимо, чтобы непременно присутствовало внимание к словам молитвы, при том, что чувства приведены в покой.

В духовной жизни христианина нет ничего более дорогого, чем действие призывающей благодати. Именно призывающая благодать подвигает живое действие. Никакие механические действия и человеческие чувства не лучше, если слово молитвы для человека будет что-то значить. На этом этапе человек выбирает и читает те молитвы, которые ему ближе. А потом, постепенно, по мере того, как расширяется восприятие, он присовокупляет к ним следующие молитвы. Потом больше, больше... Глядишь в какой-то момент сможет и все правило прочитать.

Что происходит дальше? Человек тянется к Исповеди. О Причастии он чаще знает по сознанию, что оно ведущее Таинство Церкви. Далеко не всякий человек сразу слышит сердцем значение для себя Причастия. А вот Исповедь, необходимость Исповеди, человек уже начинает слышать. Потому что открывается ему грех. Раньше он полагал, что он более-менее нормальный, что он человек вполне добрый и в общем-то приличный честный, не вор, никого особенно не обманывал, и уж тем паче никаких сугубых преступлений не совершал и поэтому каких-то

особых грехов за собой не знает, - и в этом чувстве он вполне искренен. Одни, слушая подобный рассказ, невольно усмехнутся. Другие слушая эти наивные признания, посочувствуют ему. По любви будут слушать признание в том, что человек чувствует себя безгрешным, что грехов каких-то серьезных у него нет. Но приходит благодать Божия и открывает человеку его истинное состояние. Тогда человек кается и ищет исповеди. А дальше открывается и потребность Таинства Причастия.

В это огласительное время человек уже с желанием и потребностью входит в опыт церковной жизни. Это участие в богослужениях, личное молитвословие. На минуту обратимся к истории Церкви, к ее начальному периоду. В это далекое от нас время для того, чтобы человек, еще не крещенный, а только лишь оглашаемый, входил в опыт церковной жизни, Церковь учредила целое богослужение, которая называется "Литургия оглашенных". Для кого эта Литургия служится? Она служится в собрании верных, но для кого? Для оглашенных, которые еще даже не крещены. По совершении Богослужения они по традиции Древней Церкви после возгласа: "Оглашенные, изыдите!", выходили из храма. А вот в Великую Субботу перед Пасхой после двух-трех лет такого огласительного хождения принимали крещение. Они были приготовлены к великому Таинству с трех сторон: словом своих наставников и проповедью священника, просвещающей благодатью Богослужений, особенно Литургией оглашенных, попечением о евангельском характере их жизни со стороны всех членов общины. Неудивительно, что душа крещаемых, воспринимая освящающую благодать, являла ее плоды с такой силой, что невольно все свидетели Таинства вместе со священником возглашали "Христос воскрес!" и в ответ "Воистину воскрес!" Так явно было преобразование крещаемых.

Да и в наше время, скажу из своей священнической практики, если подготовишь человека к крещению и в ходе самого крещения будешь напоминать содержание основных этапов совершаемого чина и призывать человека к активному и согласному участию в Таинстве, в таком случае невозможно не увидеть преобразование души человека по тому особому, радостному, невиданному в обычном состоянии сиянию глаз, которое происходит в нем после водной купели.

Увы, сегодня нет такой подготовки к Таинству, нет должной ревности о том, чтобы в Таинстве крещения положить серьезное и жизнеутверждающее основание к предстоящей церковной жизни, после которого действительно завершился бы период оглашения и началось бы воцерковление людей, т.е. личное, от человека совершающееся движение и труд навстречу благодати Божией, труд по обретению добродетелей и через них стяжание Духа Святаго.

Сегодня многие из нас крещены без какой-либо особой подготовки.

Неудивительно, что большинство из нас остается на этапе оглашения, несмотря на то, что многие уже давно исповедуются и давно причащаются.

Большинство исповедующихся сегодня являют в своем опыте исповеди еще только огласительное состояние. Отсюда нужно быть внимательными тем, кто ведет огласительные, воскресные школы для детей и для взрослых. А тем более не нужно быть стремительным в воцерковлении своих родных, близких и знакомых, особенно родных детей. Нам самим еще надо научиться удерживать в себе такую жажду Бога, которая явила бы покаяние, а покаяние привело бы к исповеди. Очень важно, чтобы Господь усвоил нас Себе, а мы бы усвоились Ему, чтобы последующим затем Причастием совершилось главное Таинство собрание, единение Церкви. А ведь к этому надо подготовиться. Милостью

Божией, Русская Православная Церковь сохранила традицию Причащения непременно после Исповеди, а значит непременно после специального, сугубого приготовления к Причастию.

в) два важнейших таинства

Мы остановились на этапе, когда человек ясно слышит необходимость Исповеди и начинает уже от живой потребности совести приходить и каяться. Он действительно хочет не грешить. Более того, по благодати, открывающей в нем грех, чувство греха бывает порой настолько сильным, что человек искренне, со слезами, кается. Часто бывает, что он сердечно кается у себя дома, склоняясь пред иконами, падает в земных поклонах, а потом, придя в храм к Таинству Исповеди, исповедует свои грехи. Нередко при этом он не переживает столь же глубоко состояния в Таинстве Исповеди, как у него это было дома. Такая последовательность церковного чувства на этом этапе естественна, нормальна, т.е. здесь нет ничего неправильного. Таинство покаяния не перед аналогом только совершается. Оно как сокровенные отношения сердца человека с Богом начинается с момента скорби, горечи и сокрушения от сделанного греха. С момента, когда человек начинает мучиться от прегрешения, с пробуждающегося желания делать и жить так, как угодно Богу. Из этого желания человек переживает свое отпадение от Бога, потерю общения с Ним. Жажда восстановить мир с Господом и муки совести от сделанного греха рождают покаяние. Эти внутренние болезнования завершаются затем на Исповеди, где священник властью, данной ему от Бога, прощает и разрешает человека от греха. Дух Божий сходит в сердце кающегося, Господь прощает его и омывает грех, душу врачует от страсти. Все сказанное, вместе взятое, составляет единое Таинство покаяния. На Исповеди оно завершается. И действительно, часто к моменту разрешения человек уже не имеет той глубины болезнования о соделанном, более того, иногда приходит к Исповеди и утешенным, оставаясь лишь в памяти своей человеком грешным. Поэтому грехи иногда приносятся только сознанием. Тем не менее, они должны быть принесены, и разрешение их совершается. Поэтому смущаться от того, что нет еще того или другого чувствования или стремления на самой Исповеди, не должно.

Не нужно смущаться или впадать в отчаяние относительно того, что *"чего-то у меня нет"*. Безосновательно переживать о том, что *"я должен был ощутить это, а этого во мне нет"* и т.д. Придет время, когда какие-то грехи будут так томить, что домашних слез будет недостаточно и человек будет доносить их до Исповеди в храме и получать прощение и облегчение после разрешительной молитвы священника.

В связи со сказанным задержим наше внимание на одном смущении, которое нередко постигает людей. Так, читая книги Святых отцов, многие из нас обнаруживают недостаток того или другого качества или свойства в себе, той или иной добродетели. В результате этого впадают в отчаяние или переживания. Само по себе отчаяние, упадок духа — признак неправильного устройства человека, неправильного отношения его к тем знаниям, которые он получает.

Чтобы предостеречь от этого, можно посоветовать человеку не торопиться, т.е. *не спешить реализовать*, осуществить прочитанное. Если его нет, значит, еще не

пришло время, или не проделан нужный труд. Читаемое или слышимое только еще призывает нас, чтобы пойти, проделать труд. И на это потребуется время. Как дитя, спущенное с рук матери, должно еще научиться ходить, так и нам в церковной жизни надо научиться церковно жить. Поэтому прочитанное и усвоенное еще вовсе не значит совершить в жизни. Прочитанное, услышанное и усвоенное только призывает, а дальше предстоит путь, на котором надо будет совершать свои собственные шаги. Дело Церкви, дело пастырей, дело более духовно опытных братьев и сестер в том и заключается, чтобы всякого, вновь входящего в церковную жизнь, научать этим церковным шагам. Более того, нередко прочитанное к нам вовсе не имеет никакого отношения. Нам еще слишком далеко до него. Притязать на прочитанное в таком случае есть дело неблагоприятное. Предупредив так, пойдёмте дальше.

По мере того как человек исповедуется, в нем все более и более возрастает потребность в Причастии. Таинство Причастия является важнейшим, основным Таинством, в котором мы соединяемся с Самим Богом. Это Таинство, ради которого Господь и совершил Свое схождение с Небес на землю, воплощение, крестные страдания и Воскресение. Если бы не это Таинство, то и незачем было бы всему совершаться.

Любовь Божия, простирающаяся к человеку, безмерна. В последний момент, когда человечество пребывало в тяжчайшем состоянии, практически на краю пропасти, гибели своей, она, Любовь, пришла, чтобы спасти человека. Господь отдал Свою любовь каждому из нас, и теперь, после Своего Воскресения и Вознесения на Небо, продолжает жить в нас Своим Телом и Своею Кровью. Мы прикладываемся к разным святыням, иконам, Кресту, принимаем освященные просфоры, святую воду. Прикладываемся к мощам святых угодников, получая дыхание святости от каждого такого припадания. Но нет более высокого и более сокровенного и проникновенного освящения, чем усвоение Телу и Крови Христовой. Когда мы принимаем в себя Тело и Кровь, то этим не только освящаемся, но и усваиваемся Самому Господу. Это усвоение Богу, усвоение в Духе, всем естеством, всем составом нашим совершающееся в нас по благодати, является самым важным и центральным действием Церкви, через которое и происходит *собрание* Церкви.

Церковь — это народ, который усваивается Христу, Его благодати, усваивается Духу Святому, всей Святой Троице и через это усвоение начинает жить согласно нраву Христа действием Духа Божия, совершаясь в любви к Богу и друг ко другу. Это собрание единых в Духе и совершающихся в святость людей, которые через то отлагаются греха и обретают способности и возможность добродетельно быть в мире. Такое собрание и есть Церковь. В эту тайну церковного единения невозможно войти никаким иным образом, кроме как через таинства.

Первое из них открывает дверь в церковное общение — Таинство Крещения, а за ним Таинство Исповеди, Причастия и сопутствующие в жизни реже совершаемые (или же раз в жизни совершаемые) остальные таинства, в которых происходит сокровенная, сердечная встреча с Богом и обретение общения с Ним. Этому желательно и должно научиться любому христианину.

Таким образом, мы можем подвести некоторый итог всему сказанному, чтобы затем можно было нам пойти дальше.

Независимо от того, в каком звании человек находится: просто мирянина, или священника, или монашествующего, так или иначе человеческая природа, человеческая натура у всех одинаковая, и поэтому постепенное обретение себя в Церкви Христовой, усвоение себя Христу и посредством этого наше усыновление Богу Отцу Небесному совершается у всех людей по определенным ступеням, вехам его жизненного, духовного и нравственного пути. Игнорирование какой-либо ступени или же какого-либо необходимого для каждой из них настроения нашего сердца так или иначе будет сказываться на этом усвоении человека Церкви.

На определенном этапе жизни он был человеком далеким от Церкви. Но пришло время, и в его жизни начался поиск Христа, поиск Церкви, поиск воцерковления. Предоголасительное искание Господа, случайное просвещение чрез чтение книг, беседы и встречи с различными верующими людьми постепенно рождает у человека все возрастающее желание Крещения. Таинством Крещения он входит в Церковь Христову.

В большинстве своем славяне — то есть украинцы, белорусы, русские, как правило, крещены с детства. Иногда взрослые люди принимают крещение для того, чтобы крестились их дети. Крещение в детстве способствует предуготовлению нашего воцерковления, но чаще всего не становится началом такового. Сразу после крещения человек — будь то младенец, или ребенок, или юноша, или даже взрослый человек, часто бывает далек от Церкви. Но со временем он вдруг начинает чувствовать в себе призыв к Богу и устремляется искать Христа *живым* желанием, *жаждой* воцерковления. Наконец, он становится христианином. Он ходит в Церковь, изо всех своих сил, как может, старается исповедовать Христа всем порядком своей жизни (поначалу только внешним), становится очень ревностен и искренен в этом, начинает ходить на все Богослужения, молиться, поститься, читать Евангелие, то есть, начинает исполнять все необходимое, что положила Церковь, как средство для воцерковления человека.

г) мирянин, священник, монах

По мере обретения знаний о церковной жизни, а также ее содержания (правда, поначалу только книжного), человек может подняться на качественно новую ступень своей жизни. Если он мужчина, то его рукополагают, и он становится диаконом, затем священником. И тогда начинается его высокое священническое служение. Иные же, независимо от служения или принадлежности к каким-то социальным слоям общества, возраста и пола, получают благословение на принятие монашества, начинают нести высокий подвиг монашеской жизни...

На этих трех важнейших видах жизни человека после некоторого подведения итога мне бы и хотелось теперь остановиться подробнее.

Первый вид служения Богу — мирянин, входящий в Церковь, начало его церковной жизни: исполнение молитв, посещение Богослужений, Исповеди, Причастия и частого Евангельского чтения.

Второй вид — церковное, священническое служение.

Третий вид — монашество.

В каждом из этих служений человек переживает период сильнейшего воодушевления. Он призван Богом. Благословением и благоволением Отца Небесного над ним совершается удивительный, дивный Промысел, он воцерковляется, т.е. становится мирянином, или рукополагается в священный сан, или постригается в монашество. Конечно же, человек, который искал, желал, лелеял и чаял в сердце своем этого нового качества и обретения себя в Церкви, несказанно радуется. Это является причиной его воодушевления. С одной стороны — это благословение Божие и благодать Господня. Она коснулась сердца человека, пробудила в его душе поиск истины, искренность, желание и всякую ревность. Все эти добрые чаяния сначала предполагали возможность воцерковления или служения человека, а затем привели к его дальнейшему росту. И второе — радость того, что поставленная цель жизни наконец достигнута: *теперь я христианин (или священник, или монах).*

Неудивительно, что это время воодушевления, радости бывает очень ярким, сильным в жизни любого человека и поэтому особенно отличным.

Но вся беда кроется в нашем неведении, что это состояние Господь дарует нам на краткое время. Обычно где-то в течение трех-пяти лет продолжается такое состояние: для мирянина — действие так называемой *призывающей* благодати; для священника — *освящающей* и для монаха — *содействующей* благодати Божией. А затем благодать Божия обычно начинает сокрываться в человеке, и он переживает один из самых трудных периодов своей жизни — *период охлаждения*, независимо от вида его церковного служения. Остановимся на этом подробнее.

При наступлении этого периода у мирянина остывает ревность к богослужениям. Раньше он с великою радостью и ревностью вычитывал все молитвенное правило: утренние и вечерние молитвы, к ним добавлял еще и главу Евангелия, даже кафизму из Псалтири... И на все это хватало у него не только сил, но и желания, и как легко происходило в это время отложение всех мирских дел. Теперь же он не может не то чтобы каждое воскресенье или субботу пойти на службу, даже раз в две недели это хождение становится для него тягостным. Теперь он не только не может прочитать все утренние молитвы, иной раз даже Серафимово правило заставляет себя прочесть с величайшим трудом. Теперь он не только не может поститься так, как раньше постился (два-три года назад), он и малость поста понести уже не может. Ему теперь хотя бы в среду и пятницу не вкушать молочное (мясное-то он, слава Богу, не вкушает, а вот от молочного уже отказаться не может), или наоборот — он делает себе послабление. Глядишь — то кефиру выпил, то молока, то маслица чуть-чуть съел, причем всегда находя при этом себе какие-либо оправдания. Ум наш достаточно хорошо устроен: десятилетним, а то и высшим образованием он настолько хорошо развит, что какое-нибудь оправдание обязательно найдет. Так человек постепенно-постепенно и вовсе отходит от того искреннего, ревностного порядка жизни, который у него был поначалу.

Многие при этом искренне и очень сильно сокрушаются, сильно обеспокоены за участь своего дальнейшего воцерковления, одновременно чувствуя при этом, что *ничего с собою сделать уже не могут*. Это охлаждение, которое у них наступает, с неборимой властью охватывает их и отвращает от Церкви. Человек, сознавая всю горечь поражения перед падшею своею натурою, силится, изо всех сил

тщится исполнить все-таки хотя бы половину того, прежнего, что он делал, но не может. И чем дальше, тем более ослабевает и оскудевает в этом своем искреннем движении ревности...

Подобное переживает человек и в священническом своем служении. Четыре-пять лет его ревностного, вдохновенного, лучезарного служения, когда он, совсем не зная устали, в любой нужде церковного делания и исполнения служебных обязанностей всегда был легок и скор на подъем, быстро пролетели. И вдруг наступает день, когда он даже правило свое полностью вычитать не может и исполнить что-либо другое, необходимое по служению своему, тоже не может... На просьбы нуждающихся в исповеди не может теперь откликнуться так же незамедлительно, как раньше. Он начинает устраивать свою церковную жизнь так, чтобы было удобно и ему, и приходящим к нему людям. Так постепенно даже в священническом служении человек встречается с немощью своего человеческого естества и своими слабостями.

Подобное же переживает и любой монах, вступающий на монашескую стезю. Исполняя монашеское поприще, на каком-то этапе своего монашеского жителства он *встречается с самим собою*, со своею немощью человеческой, со своею скудостью сил и слабостью, а паче всего — со своими греховными привычками и все более открывающимися явлениями страстей.

"Так что же это такое?", "Должно ли это быть?", "И по какой причине это происходит?" — часто приходится слышать подобные вопросы...

Обратимся к Святым отцам — непревзойденным знатокам человеческой души, посвятившим всю свою жизнь, все свои знания глубокому ее изучению и вспоможению в ее скорбях.

Святитель Феофан Затворник и авва Дорофей утверждают, что этому *должно быть*. Человек, вступая на путь оглашения, сначала переживает *призывающую* благодать Божию. Господь Своим благодатным призывом касается человеческого сердца (часто до этого момента пребывающего в совершенном неверии) и начинает усваивать его Себе, а значит, Церкви. И эту благодатию человек легко и просто совершает свое восхождение в христианской жизни.

Несколько выше жизнь новоначального христианина мы сравнивали с жизнью младенца. Ярким пособием служат для нас примеры из нашей повседневной, обычной жизни — *материнское попечение о дитяти*. Поэтому опять вернусь к такому примеру. Давайте подумаем — *как* живет недавно родившийся младенец, которого мать первое время особенно лелеет и носит на своих руках? Заботится ли он о том, *как* ему ходить по земле или о том, *как* добыть себе пищу? Или как устроить себе постель? Нет, младенец ни о чем не заботится. Но разве при этом он лишен пищи, комфорта, заботы и иных удобств своей жизни? А может быть он лежит неподвижно в своей кроватке и ничего вокруг себя не видит и не слышит? Конечно же, нет. Он постоянно пребывает в атмосфере заботы со стороны своей матери. Он ничего не лишен, все необходимое он всегда имеет. Но кто же это все делает за него? Мать. Она носит его на руках, покрывая свою любовью малейшую его нужду, его немощь. Будет ли она бесконечно носить его на руках? Глупая и несмышленная мать, может, и будет. Можно встретить матерей, которые в силу своей человеческой, чувственной натуры могут так прилепиться к своему

младенцу, что никак не желают отпустить его от груди своей, чрез то услаждая свое сластолюбие.

Может ли так поступать с нами Господь? Конечно же, нет. Он ведет нас по жизни, как *благоразумная* мать...

Благоразумная мать знает, с какого времени опустить младенца на свои ножки. И тогда он начинает делать свои первые шаги... Как он их делает? Сделает шаг — упал. Поднялся. Второй шаг — опять упал. Опять поднялся. Что характерно в его поведении? А то, что каждый раз, как только он падает, он тут же стремится подняться. Это стремление *подняться и снова идти* и есть основное, ведущее свойство его первых шагов жизни.

Подобным образом и Господь совершает воцерковление человека. Первые два, три, четыре года Господь, как бы на руках, носит человека Своею благодатью. И по этой благодати Божией человеку так легко все делается и живется. Он так легко и молится, и постится, и ходит на службы. Он выстаивает не только простую приходскую службу, а даже и монастырские службы полностью — вечерню, утреню. Даже в паломничество едет по монастырям, бывает там неделю и каждый день — и утром, и вечером, — все время на службе...

д) как благодать Божия поддерживает человека

С какого-то времени церковной жизни человека Господь опускает его на свои ноги. Человеку теперь нужно научиться самому подвигать себя навстречу Богу. Именно для этого благодать призывающая отчасти уступает в человеке место его собственному хождению. В этот период часто приходится слышать:

— Бог меня совсем оставил...

Спрашиваю:

— Почему ты так думаешь?

— А у меня сердце совершенно зачерствело, я чувствую совершенную хладность и как бы пустоту... До этого я жил, а сейчас во мне совершенно пусто. Бог меня совсем оставил. Я чувствую, что сильно нагрешил, и теперь, по моим грехам, Бог меня совершенно оставил. Нет во мне теперь ни покаяния, ни какого-либо стремления к Богу, ни желания молиться, ни ходить на службу, ничего нету. Я совсем не слышу теперь в своей жизни Бога. Бог меня оставил...

Что же происходит с теми, кто совершает свои первые четыре года воцерковления? — Вдохновенное дыхание Церкви. Господь подает Своею Благодатью наглядный образ, *как можно жить, какую силу стремления* можно иметь и *какую легкость послушливости* можно в себе нести. Преподав такой наглядный урок, Господь предоставляет нам возможность встречи с самим собой. Действие призывающей благодати ослабляется, но совсем не оставляет человека. Она присутствует в нем, но уже в меньшей степени. И он оказывается один на один со своими собственными силами и возможностями, с *реальностью*

сегодняшнего самого себя. Этот второй период воцерковления неизбежен. Более того, без него невозможно обрестись в добровольном служении и угождении Богу.

Поэтому пережить такое состояние переживаний чрезвычайно важно, а с позиции научения даже необходимо. Но только относиться к нему нужно правильно.

Господь, однажды прикоснувшись к нам Своей Любовью, нас никогда уже не оставит. Более того, Любовь Божия является причиной нашего рождения. Если бы не Любовь Божия, то мы и не родились бы в этот мир. Именно по Любви Господней мы с вами были зачаты, родились и живем. В силу этого Любовь Божья нас никогда не оставляет.

Однако нам необходимо уяснить, *как* Господь в Своей Любви пребывает с нами? Где-то непосредственным Своим благодатным касанием, где-то Промыслом Своим. И как любящая мать, которая отпускает мужать своего сына, а значит самому восставать и возрастать в своих навыках и способностях, жить самостоятельно, так и Господь отпускает нас, чтобы мы сами научились исполнять и совершать Заповеди Божии. Отпускает нас мужать.

Кто внимательно читал наставления аввы Дорофея, тот, наверное, обратил внимание, что в своем описании добродетели авва Дорофей говорит: *"Без терпения и мужества никто не может совершить ни одной добродетели. Ибо если кто не ищет мужества в душе, тот не будет иметь и терпения; а у кого нет терпения, тот решительно ничего не может совершить. Поэтому и сказано: терпением вашим спасайте души ваши (Лк. 21,19)"*. Значит, если мы мужества и терпения не обрели, то наше последующее воцерковление невозможно, ибо без изменения своего нрава невозможно обретение нрава Христова. Мы останемся в своем собственном нраве, который остается и греховным, и страстным, вполне земным, тленным. Поэтому началом следующего этапа воцерковления является *отпускание нас в мужание*.

Обретение мужества будет необходимо на протяжении всей духовной жизни человека. В то же время, чем больше человек усваивается в добродетелях Богу, тем больше мужества и терпения требуется, чтобы сохраниться в них. А это значит, что человеку необходимо постоянно хранить в себе мужество и терпение. И вот десница Божия, совершающая с нами весь путь нашего воцерковления от крещения и до самой смерти непрерывно, научает нас правильным действиям воцерковления. Когда мы чувствуем как бы оставление нас благодатью Божией, то должны знать, что в действительности это ослабление призывающей благодати происходит ради возмужания каждого из нас. Дается, чтобы терпением упования обрести опыт постоянного присутствия Бога с нами.

В это время порой чувствует человек совершенную немощь и ничего из церковного делать не может... И вдруг, в какой-то момент, как бы обновленный, вновь подхватывается и опять легко идет, легко бежит в церковь. Или же встречается с каким-то человеком, поговорит с ним, услышит вдруг какое-то новое слово, которое как-то совершенно преобразило, встряхнуло уже замутившееся сознание или обнищавшую душу, и, вновь подхваченный, снова бежит и опять исполняет. Человек ли помог? — Да, человек. Но с человеком вместе — призывающая благодать Божия. Или случайно книжку откроет и прочтет буквально одну страницу или одну фразу... и, как пораженный, замрет... И снова жизнь хороша, и снова все легко, т.е. не ведаем — где, каким образом и через что

Господь продолжает поддерживать и окормлять, и воспитывать, и навещать, и наставлять нас.

Как внешними событиями, так и внутренне Господь прикосновением благодати постоянно поддерживает нас вновь и вновь, чтобы мы навикали *характеру церковной жизни*. Навикали — это значит *сами себя понуждали*. Поэтому мы и слышим у Святых отцов, что на этом этапе очень важно научиться себя понуждать, но не борзиться. Делайте все, что благословлено и сказано, но *"не борзяся"*, т.е. *не вкладывая в это самостоятельной ревности или рвения*. От такой ревности, от такой страстной жажды непременно рождается желание осуществления и совершения того, что прочитали. Причем совершения не завтра, а прямо сейчас, сегодня. В этом проявляется *борзость* и *своеволие*. А вместе они составляют *своенравие*. Когда человек хочет исполнить *все*, о чем прочитал, то и не подозревает, что все это он будет исполнять *своим* нравом. Сознание его, возможно, изменилось, а нрав остался тем же.

Реальным исполнителем нашего поведения является человеческий нрав. Сознание может оценивать: сделал — не сделал, хорошо — плохо, сопоставлять, просвещать, сознание может исполнять, но лишь внешнюю канву поступка. *Внутреннюю же исполняет нрав*. Стоит только человеку посмотреть на себя: *"По сознанию — я уже весь православный, весь уже "святоотеческий", а по нраву — властный, требовательный, нечуткий, самолюбивый, корыстный, жадный"* и прочее. К сожалению, все это человеком часто не замечается, так как он все еще пребывает не в Христовом, а в *своем* нраве.

е) своенравие воцерковляющихся и оглашение ближних

Это время — очень трудный и сложный период для наших ближних. Порою это время, Богом подаваемое нам в правильное воцерковление, используется нами совсем неправильно. Если воцерковляющийся человек остается при своем нраве, он становится бременем для своих близких. Он буквально "накрывает" ближних своих *"своим"* Православием. Этот период для ближних может быть буквально истязательным. В целом ряде семей в это время начинается очень глубокое размежевание, разделение, которое, в конечном итоге, заканчивается разводом.

Мне известны случаи, когда семьи разваливались не по причине неверия, а по причине такой ложной церковности одного из супругов. Пока воцерковляющийся человек был в периоде вдохновения, его еще как-то можно было терпеть, он весь прямо-таки светился, был лучезарным. А когда наступает время узнать свои немощи, с ним стало совсем невозможно жить, так как при своих трудных чертах характера, он, не замечая их, продолжает непременно воцерковлять своих ближних... Относительно себя самого он уже не пытается что-либо сделать, и весь его запал, вся его ревность обращается на ближних, он теперь начинает воспитывать их. А когда ближние указывают на его неправды, он сильно обижается, уязвляется в своем самолюбии и это, в конечном итоге, приводит к катастрофе в доме.

Бедные домашние, какой ад порой переживают они рядом с воцерковляющимся человеком! Особенно в трудном состоянии в это время пребывают дети. Взрослые еще как-то могут защититься, ответить, могут дать отпор... А ребенок

никак не может спастись ни от воцерковляющейся матери, ни от воцерковляющегося отца.

Всем нам хорошо известно, как тяжело детям в нецерковных семьях, особенно, где родители неблагополучные, пьющие, необразованные, невоспитанные. Сейчас таких неверующих семей много. Живущие в них дети очень сильно страдают. В неверующих семьях, где родители благополучны, образованны, очень любят своих детей и хотят им предоставить все: и одежду, и воспитание, и репетиторов, и различные книжки, и необходимые учебные пособия, и студии, и различные кружки, развивающие способности, дети покрыты вниманием, душевной чуткостью, родительскою душевной полнотой. Когда на фоне таковых семей встречаешься с детьми из православной семьи и видишь раздранность ребенка, его полную внутреннюю расстроенность, становится больно. Совсем недавно ребенок был более-менее собранный, потому что мама его была неверующей. Но вот прошло четыре года, как мама стала церковным человеком, а с ребенком произошла катастрофа. Его как подменили. Теперь ребенка невозможно удержать во внимании даже пять минут, он весь разболтанный, разбросанный, весь внутренне рассыпанный, воля потеряна, чувства не устроены, мысли рассеяны... Вот в каком состоянии приходится иногда принимать от церковных родителей их детей.

При этом наблюдается еще и такая трагедия: этот ребенок обычно ни во что не ставит взрослых, т.е. он полностью *теряет* всякое *чувство почитания взрослого*. На малейшую попытку как-то его наставить реагирует очень сильным отвержением, подергивает плечами, начинает кривляться и буквально отбрыкивается от взрослого.

Откуда, спросите, нам известны такие подробности? Каждое лето в нашем епархиальном училище церковной педагогики мы проводим летние детские поселения, и сюда, в летний лагерь, приезжает много детей. В последнее лето было три смены, по сто детей в каждой. Некоторая часть детей из церковных семей прибыли к нам в таком педагогически тяжелом состоянии, но не по причине материального неблагополучия, а именно по причине псевдоцерковного характера семьи.

Почему приходится об этом говорить так серьезно? Потому что дети до 12 лет пребывают на этапе оглашения, и в этот период их развития важно не столько водить их в церковь к Таинствам, сколько сформировать правильный нрав. Потом, когда после 12 лет начнется их личное отношение к тем или иным событиям жизни, правильный нрав сохранит их в добром отношении и к Церкви, и к родителям. Увы, ни частая Исповедь (тем более формальная) до 12 лет, ни частое Причастие при несовершенном нраве не сохранило ни одного подростка в Церкви.

Итак, на этом этапе очень важно правильно воспитать ребенка *в нраве церковном*. К сожалению, на это мы часто не обращаем внимания. Мы бываем очень ревностны по отношению к службе, к молитве, и совсем не ревностны *по отношению к детскому нраву*. Наступит время, человеку нужно будет собственными усилиями, понуждая себя, продолжать поддерживать в себе характер воцерковления, он и не будет знать о важности труда над нравом. Он скоро впадет в самые различные свои самохотные прежние навыки, *в свой*

прежний нрав. И в этом нраве, с которым не в силах будет справиться, поведет себя крайне худым образом.

Такой период, когда должно встретиться со своим нравом, с реальностью своих собственных сил и увидеть свою нищету, свою немощь перед Богом, немощь в исполнении простейших заповедей Божиих, непременно происходит у всякого человека. Более того, этот период будет потом постоянно возобновляться, потому что Господь будет постоянно научать нас, вразумлять реальностью нас самих.

Правильное поведение в данном случае обретается церковным воспитанием. Очень важно в это время церковное наставление со стороны духовного наставника, прежде всего, священника. Но возможно наставление и со стороны более опытных в церковном жителстве братьев и сестер. Очень важно пользоваться их наставлением, их вразумлением, не обращая внимания *на характер*, с каким оно сделано. Даже если сказано нам очень жестко, все равно нужно быть восприимчивым, потому что на этом этапе себя самого увидеть очень трудно, а вот со стороны нас видят лучше.

Второй период - промежуточный, от оглашения к воцерковлению

а) общая характеристика

Период ослабления призывающей благодати, ее скрытого присутствия неприметно сменяет период оглашения. По времени он может быть продолжительным — два, пять, семь и больше лет. У каждого свое время. Господь знает сроки, ибо Он Педагог, Он Наставник, Он Учитель в промыслах Своих. Для чего необходим такой период? — Для того, чтобы выявить в человеке *ревность ко спасению*, для того, чтобы самому человеку начать отречение от себя, навывкнуться, возрасти в ревности к Богу.

Блаженный Диадок так описывает состояние новоначального после крещения: *"Когда Божественная благодать через святое крещение сочетавает себя в безмерной некоей любви с чертами образа Божия в залог подобия, сквернообразный змий извергается из глубин ума (духа), при этом баня освящения, хотя отъемлет скверну греха, но двойственности пожеланий наших не уничтожает... На первых порах благодать сокращает свое присутствие, ожидая произволения души; когда же всецело обратится человек к Богу, тогда она неизреченным неким чувством открывает сердцу свое присутствие; и опять ожидает движения души, напуская между тем бесовским стрелам достигать до самой глубины ея чувства, чтобы она с теплейшим произволением и смиреннейшим расположением взыскала Бога... Попущение обучительное никак не лишает душу божественного света, бывает же при сем только то, что благодать скрывает от ума свое присутствие"*. Это время, когда человеку нужно самому подниматься навстречу Богу.

К примеру, чувствуя свою немощь перед вечерним правилом, человек, тем не менее, может возгревать в себе ревность к нему, и хоть как-то, худо-бедно, но поддерживать ее в себе. Если не удастся сохранить прежний уровень своего исполнения утреннего или вечернего правила, то хотя бы стараться приблизиться к нему. В этот период важно стараться восстанавливать прежний порядок хождения на Богослужения или хотя бы приблизиться к прежнему порядку. Господь действием призывающей благодати дал наглядный пример, образ, как

жить церковно. А теперь самому нужно к этому порядку, к этому уровню опять приблизиться, но уже возгревая и поддерживая собственную ревность о Боге, — понуждением самого себя. В этом-то понуждении себя и будет усваиваться благодать ревности.

Когда она коснется нас, мы услышим содействие и участие Божие. В этой-то благодатной ревности должно оставаться, должно научиться в ней стоять. Движение к этому — и есть *второй период*. Он очень продолжительный для многих из нас, фактически до конца жизни.

Когда мы читаем у Святых отцов о трезвении, об умении *стоять* в трезвении — речь идет уже о третьем периоде. Он очень труден и непрост. Но он третий, а перед ним есть второй, где наша собственная ревность должна быть обращена навстречу ко благодати Божией, искать ее, желать ее содействия и, обретая ее как некоторое напоминание о ней едва слышимое, учиться хранить ее в себе, быть в ней, и, опираясь на нее, взбираться к начальному образу. В этом слабом оттенке благодати нужно обрести самого себя, движение своей воли, дыхание своего сердца. Движение воли, отлагающей "немоготу", лень, малодушие, каприз, обиду и др. и устанавливающееся в способность совершать правило, тянуть его до середины, потом до конца. Нужно при этом услышать дыхание сердца, располагающее навстречу молитвенному деланию или деланию правил хранения чувств и исправления нрава, тем самым придавая им силу, жизнедействие. Без этого внутреннего делания воли и сердца человеку не одолеть восстание падшей природы. Но прежде чем обрести делание, нужно как бы "нащупать" в себе собственную волю и собственное сердце и начать учиться самому тому, как нужно приводить их в движение.

Увы, труд этот непростой. Внутренний падший наш человек сильно восстает на него. Поэтому часто в себе самом этот труд мы не можем сохранить, теряем его, выпадаем из него. Особенно в своих отношениях с нашими ближними: мы вновь становимся капризными, сварливыми, скандальными, надменными, жадными, скупыми на чувства, скупыми на вещи, на помощь, на участие, на слово, скупыми на молитвенное возношение за них. Скупость, проявляясь в нас, совращает нас, уклоняет от Бога, уклоняет от угождения Ему. В это время на человека сильно нападают плотские страсти.

Человек, искренне пребывающий в Церкви, со временем непременно окажется в этом периоде, периоде серьезной внутренней брани со своим нравом. Нрав очень сильно хочет взять свое, и человеку нужно остерегаться, чтобы не подпасть под его действие. Для этого нужно всегда содержать пред собою нрав Христов. Искренняя жажда Бога непременно будет звать нас к книгам Святых отцов, и мы будем со тщанием, с особым вниманием отыскивать именно те места, которые касаются определенного нрава. Это нужно делать и к этому нужно себя располагать, иначе замшелеет человек.

Например, человек читает о кротости. Что есть кротость?

Если раньше, в период действия призывающей благодати Божией, он читал подряд все святые книги, его это удовлетворяло, во всем он находил утешение и, хотя и не все помнил, когда закрывал прочитанную книгу, но, пока читал, весь был утешен. Теперь начался период, когда книги стоят, и он не хочет их читать, и ему скучно их читать и даже нет сил на чтение. Батюшка благословил и дал епитимью,

допустим, прочесть главу или проповедь Игнатия Брянчанинова, а она не читается. Епитимья-то маленькая — всего лишь одну проповедь Игнатия Брянчанинова прочитать... В период призывающей благодати он пять томов прочитал, правда, сейчас мало что помнит оттуда... И тем не менее, в какой-то момент промежуточного периода мы вдруг явно слышим в себе потребность разобраться — что же такое кротость? Тогда человек обращается к книгам Святых отцов.

б) где найти образ?

Для поиска определений тех или иных понятий в творениях Святых отцов рекомендуется пользоваться алфавитным указателем. Это очень большая работа, совершенная издателями прошлых веков. Они сопроводили большинство книг алфавитным указателем, для того, чтобы мы теперь, возжелав узнать у Церкви, "что такое кротость?" или "что такое долготерпение?", могли найти нужный ответ. Мы открываем книгу не с первой страницы, а с последней, отыскиваем в алфавитном указателе слово "смирение". И теперь уже целенаправленно ищем указанную страницу. Работа по алфавитному указателю дает очень много, непременно нужно пользоваться им. Только нужно помнить: сколько бы мы с вами ни читали книг, реальный образ совершения данного действия только через слово воспринять не всегда возможно, необходима встреча с живым человеком.

Церковь дышит *живым преданием*. Не только слово, словесное, устное предание, но живое предание чрезвычайно важно в жизни церковного человека.

Без этой встречи все наше предыдущее представление остается только представлением, а вовсе не живым образом. Живой образ — это то, что совершается здесь и сейчас. Поэтому встреча с живыми людьми, исполняющими ту или иную добродетель, для каждого из нас является чрезвычайно важным научением. В связи с этим на каждом из этапов нашего воцерковления паломнические поездки имеют особое значение.

В период ослабления призывающей благодати ради поддержания церковной жизни полезно разнообразие внешних впечатлений, новизна от святых мест, от красоты мест, от общего характера жизни верующих людей в этих местах. В то время, когда есть внутренняя потребность узнать, что же реально есть та или иная добродетель или реальное проявление нрава Христова, очень важны встречи с живыми церковными людьми. И в паломнической поездке Господь особенно подает эти добрые начатки встреч. Человек, который в этом нуждается, их не пропустит. Как жаждущий пропустит ли мимо себя стакан с водой? Он припадет к нему. Он его сразу узнает. Голодный пройдет ли мимо хлеба? Так же и жаждущий встречи с благодатным человеком не пропустит ее.

Важность встречи с церковными людьми велика. И как бы ни хотелось встретиться именно со святынями, как бы ни увлекали различные исторические впечатления и красота новых мест и разнообразие церковных построек и храмов, в Церкви Христовой все-таки самым драгоценным для Господа является *живой человек, живая душа*. Ибо в Царство Божие не войдут вещественные храмы, книги, предметы, но войдет живая душа. Сколько различных храмов в течение

истории было уничтожено, сколько сожженных, уничтоженных книг! А вот живую душу человеческую Господь бережет до самого последнего момента, до самой смерти. И поэтому нет ничего драгоценнее, чем живые люди, а тем паче нет более драгоценного, чем живой церковный человек. Но если для Господа это так дорого, то и для церковного человека, чающего жить о Христе и во Христе, прежде всего должен быть дорог именно *живой человек*. При этом дорог *любой* живой человек, *всякая живая душа*, которая, возможно, рядом со мною бранится, ругается, жадничает, не верует вообще ни во что, даже хулит Бога... Тем не менее, она и нам, и Богу дорога. Не в этих действиях злобы, хуления или отвращения от Бога, но в той благословенной способности *жить*, в том богодарованном образе, который Господь вложил в нее. В этом всякая душа жива и достойна любви каждого, потому что и *Господь* ее любит. И если я хочу угодить Богу, то разве я не исполню для Бога все, что Господь хочет? А Господь хочет, чтобы эта душа утешилась и получила по жажде своей. Она хочет иметь какую-то вещь, а ее у человека нет, зато у меня есть.

И если я хочу угодить Богу, (а для Бога я все сделаю) то я, конечно, возьму и отдам ему ту или иную вещь. И как будет утешен Господь, что я подал ему. Поэтому и говорится в Евангелии: *"Тогда праведники скажут Ему в ответ: Господи! Когда мы видели Тебя алчущим, и накормили? Когда мы видели Тебя странником, и приняли? Или нагим, и одели? Когда мы видели Тебя больным, или в темнице, и пришли к Тебе? И Царь скажет им в ответ: истинно говорю вам: так как вы сделали это одному из братьев Моих меньших, то сделали и Мне"* (Мф. 25, 37-40). Почему так? Потому что этого, болящего в больнице, или этого, в тюрьме пребывающего, Господь любит. Он благословил ему жизнь, поддерживал ее, хранил его вдали от смерти и продолжает поддерживать его — жизнь греховную, отвратную, противную Богу, но тем не менее — жизнь. Господь радеет об этой душе, промышляет о ней и хочет спасти ее и, может быть, спасет. Господь, будучи Богом, но пребывающим в Духе и в Телe не на земле, не может поднести стакан воды. Ему нужен помощник на земле, чтобы этому жаждущему помог бы водою, а этому помог бы словом, а этому помог бы вещью, а этому — действием.

Сделать это Он может только через тех, кто хочет Ему угодить, кто верен Ему, кто слышит Его любовь. И поэтому находит таковых, вкладывает в их сердца Свою жалость, милость к другому, Свое радение, Свое попечение. Если человек способен это Его побуждение, Его Божию Любовь понести в своем сердце, то может исполнить, что Господь хочет. В этом есть заповедь Божия: *"Возлюби ближнего своего"*. И человек идет помогать, благословлять, милосердствовать, утешать, делиться всем и последнее свое отдавать, потому что *Господь так хочет*.

Верующий человек сам готов угодить Богу, потому что в угождении Богу проявляется способность служения Ему. В чем же это служение? Как раз в служении нищим, больным, немощным, нуждающимся, всякому, кого Господь любит, кому Сам телесно и душевно помочь сейчас не может и поэтому призывает нас, чтобы мы исполнили Его, Божие дело. Тогда мы входим в *единодушие* с Богом и со всеми, кто так делает. Тогда Благодать Божией Любви совершает через нас дело любви в Церкви.

Первыми начали такое угождение Богу апостолы. Мы — Апостольская Церковь, и по этой причине очень важно быть таковым человеком. А как это делать? Для

этого надо иметь нрав кроткий, милосердный, скоропослушливый на всякую нужду, нрав чуткий к каждой нужде, заботливый, попечительный, терпеливый — все то, что имел Господь, все то, что описано апостолами в Евангелии. Вспомним: ведь в Евангелии прямые наставления содержатся всего на нескольких страницах. А основной объем Евангелия чему посвящен? — Поступкам Господним, в которых открывается Его нрав. Евангелие прежде всего раскрывает *нрав Христов, характер Господа*.

Если мы вслушаемся в Богослужение и посмотрим годовой круг Евангельских чтений, мы обнаружим, что места из Евангелия, в которых звучат наставления Христа, составляют малый объем в сравнении с теми местами, в которых Господь милосердствует, исцеляет больных, утешает скорбящих, совершает чудо воскрешения из смерти, кормит нуждающихся.

Везде и всюду мы видим милосердное действие Христа. А живые люди, с которыми мы встречаемся в Церкви, — живое дыхание этого нрава Христова. И тогда, обретаясь в этот нрав Христов, мы имеем по нраву Христа и участие Духа Святого.

"Стяжите Духа Святого — это есть цель нашей жизни", — говорит Серафим Саровский. Но посредством чего можно стяжать Духа Святого? — Дух Святой стяжается добродетелями. И поэтому невозможно спастись, не обретаясь в добродетели, невозможно спастись, не обретаясь в нрав Христов.

Церкви известны три источника, в которых мы обретаем характер Господа, а значит, обретаем образ добродетели.

Первый источник — это словесный образ. О нраве Христовом сказано в Евангелии, преподано в трудах Святых отцов. Посмотрите: нет ни одного Святого отца, который бы теме добродетелей не посвятил своего слова. Более того, большинство Святых отцов описаниям добродетели посвящают две трети своих трудов.

Второй источник — образ добродетели в живых людях, значит, в живом церковном предании, с которым мы встречаемся в жизни. В паломнических поездках мы имеем эту благодатную, данную нам от Бога возможность таких встреч. Это не значит, что мы встречаемся с полностью добродетельными людьми, таких людей в наше время, наверное, не существует. Но с различными проявлениями добродетели в том или ином человеке мы все же встречаемся. Более того, это дыхание добродетели может стать неожиданным открытием и для самого того человека, не знаемое и не видимое даже ему доселе. Кто-то сказал нам кротко, и мы это дыхание кротости услышали в нем. А потом говорим:

— Спаси тебя Господи! Ты мне очень помог, я много знал про кротость словесно, а теперь узнал ее реально.

А он отвечает нам:

— И тебя спаси Господь! Ведь если бы мы сейчас с тобой не разговорились, я бы и сам не узнал этого в себе. Как-то вдруг далось, и для меня это было откровением.

И нет ничего более важного, значительного, чем такое живое дыхание, потому что оно-то как раз и дает нам возможность узнать, *что же* есть реально добродетель.

И, наконец, *третий источник* — это Сам Господь, сама благодать Божия. Благодатию Своею Господь по Причастии ли, или после Таинства Исповеди, или же по молитве нашей, или же во время Богослужения вдруг дарует нам дыхание добродетели... Это прямое, от Бога идущее, чрезвычайное наставление, совершаемое Его вселюбящей благодатью. Ради возможности такого Божьего прикосновения человек и старается отложиться от всего того, что противно благодати Божией: от греха. Это благодатное прикосновение к нам исключает сам грех. Более того, мы видим, что по причине греха встреча с живым церковным человеком у нас может и не состояться.

Почему мы долгое время не встречаемся ни с какими благодатными людьми, ни с каким дыханием добродетели? Оказывается, потому что мы постоянно осуждаем людей. В нашем навыке осуждение является важнейшим свойством и действием. Но если осуждение происходит в сердце, если сердце постоянно устроено осуждающе, может ли оно распознать дыхание добродетели? Нет! Более того, внимание осуждающего человека обращено не к добродетели человека, а к его злым поступкам, к его худым действиям. Оказывается, что надмение человеческое, гордость человеческая всегда обращается в попытку удостовериться, что "я лучше, чем другой". Но для этого что надо делать? Чтобы обнаруживать, что "другие хуже меня"? Возвышаться над всеми. Для этого нет ничего проще, чем осуждение: осуждай всех подряд, любого человека! Говорят о нем хорошо, а ты непременно найди в нем что-нибудь злое, что-нибудь нехорошее, что-нибудь недостойное. И ты уже *над ним!* Он проявился в каком-то добром своем качестве, свойстве, в слове ли, в чувстве ли, и тебя это как-то уязвило, но ты непременно найди в нем что-нибудь худое — и ты опять утешен. И тебе опять стало хорошо. Да, он такой хороший, да, в нем есть все то, другое, третье: у него и дар слова, и дар молитвы, и ревность к служению, — все в нем есть, а вот при всем при этом ты знаешь — он курит: "*я видел его курящим*". Да он скорее и не курил, просто палочку держал во рту, а моя осудительная ревность увидела в этом курение. Или же: "*ты знаешь, а он все равно ругается*", или: "*ты знаешь, а он жадный, он берет,*" или: "*а ты знаешь, а он все равно жестокий*", или: "*он блудник*"... Или, или, или... Можно бесконечно эти "*или*" перечислять, и у каждого целый карман таких разных "*или*", которые он вытаскивает применительно то к одному, то к другому, то к третьему, и все время найдет причину, почему "*я над этим*", "*я лучше*". Разве можно при таком внимании к погрешностям другого встретиться с добродетелью ближнего? — Никак. Поэтому недаром в житиях Святых отцов мы встречаем, что одной только добродетелью — *неосуждением*, некоторые святые спаслись. Они, бывало, ничего больше другого и не делали, а только одно — не осуждали.

В Древнем Патерике повествуется о смерти одного монаха. Через некоторое время Господь открывает братии о его пребывании в Райских Обителях. И вдруг вся братия приходит в сильную досаду и недоумение. Как так!? Ведь он же все время ленился ходить на службу, он же был такой скаредный, был не ревностный в послушаниях, он был ослушником и еще каким-то... А авва всех собрал и сказал:

— Братия! Не смущайтесь более по поводу сего брата. Господь все нестроение простил только за одно делание — он *никого не осуждал*. Он сумел пройти всю жизнь свою, никого не осудив, и только за это Господь его воспринял.

Но если человек не осуждает ближних, тогда *что же он делает* по отношению к ним? Ведь ничего не делать по отношению к ближнему нельзя. Если человек не осуждает, значит, он делает что-то другое... Что же? Оказывается, он встречается с добродетелями ближних. В одном возрадовался о его правдивости, в другом порадовало его трудолюбие; в третьем несварливость утешила; в четвертом — какие-то начатки кротости; в пятом — сердечность; в шестом — великодушие... При таком настроении обнаруживается, что вокруг нас — море назидания, которое Господь рассыпал бисером в среде церковной, и чем больше вокруг людей, тем больше возможностей встречи с живым церковным преданием, с живым проявлением добродетели. И какая же это радость, если мы умеем с этим встречаться, через это обретаться и воцерковляться! Тогда в такое сердце, конечно же, благодать ревности будет входить, как в свое родное, ибо сердце такого человека выстраивается, как храм для своего Бога. Тогда становится понятным то, *что* имеется в виду, когда мы читаем в Евангелии или же у Святых отцов о сердце как о храме, сердце, устроенном навстречу добродетелям ближних. Таковое сердце приятно Духу Святому, удобно для благодати Божией. И тогда благодать приходит в такое сердце и назидает его сама.

Когда Апостол Павел говорит: *"Так и написано: первый человек Адам стал душой живущею; а последний Адам есть дух животворящий. Но не духовное прежде, а душевное, а потом духовное"* (1Кор. 15, 45-46), он как раз это и подразумевает. Нужно прежде всего *устроить душу свою в ревности о добродетелях, получаемых от ближних*. Необходимо усваивать, распознавать, научиться любить добродетель в ближних, душевно напечатлеваясь этим в своем сердце. Это — душевный опыт. И в своем душевном обращении к ближним от этого напечатленного образа обращаться с ними по возможности кротко, великодушно, просто, милосердно. В этом — то душевное устройство, в котором человеку усваивается Дух Божий. Поэтому-то и говорит Апостол Павел: *"Прежде душевное, а потом духовное"*. По этой-то причине и должно нам воцерковляться, а значит, обретаться в среде церковных людей, а значит, входить с ними в единодушие.

Но человеку, удерживающемуся в навыке осуждения, никогда этого не распознать и не узнать.

Некоторые полагают, что воцерковляться — это значит прежде всего входить в молитвенное пребывание в Церкви, входить в общение с Богом. Но даже для отшельников было правило: прежде, чем тебя благословят на отшельническое жительство, сначала пройди общежительный монастырь, *войди в единодушие с людьми церковными*, обретись в числе Церкви. Ведь Церковь — это не один Господь. Для нас, на земле пребывающих, — это и церковные люди. Церковь составляют люди, живущие Богом. А значит, наше воцерковление — это вхождение в единодушие с людьми. Оно происходит, конечно же, через наше обращение, устремление к Богу и через Его призывание, Его содействие, Его промыслительное научение...

Но при этом происходит и вхождение в среду людей. Почему же для многих это вхождение является вхождением в среду людей "противных"? *"Эта — злая, противная, жадная... Вообще нецерковная, ничего не читала", "А этот начитался всего, но весь гордый..."*, *"А этот академию закончил, но все равно черствый и недуховный..."* Неужели в **такую** среду **таких** людей входим мы с вами? Это ли есть воцерковление? Если меня окружают все **такие** люди, то я не в Церкви. Это же не люди Церкви: гордые, надменные... Разве такие Церкви

принадлежат? Значит, это не моя среда. Значит, я не в Церкви. А где же я тогда? **А я один с Богом!** Я весь из себя "церковный" — сверху донизу, но *один*. А все остальные — не Церковь...

Такое настроение — это вовсе не воцерковление. *Воцерковление — это вхождение в единодушие с церковными людьми, а значит, в радость от общения с человеком!* Я побыл с этим человеком, для меня радость и благодарность Богу, отдых, который я получил от него. Не лично от Бога, а от человека получил это живое благодатное дыхание. Только добродетель обладает этим могущественным действием благодатного преображения. Сила добродетели способна преобразовать человека в мир, радость, любовь, простоту, чистоту, искренность. Встретиться с такой добродетелью, пережить ее, испытать благодарность этому человеку и Богу за такую встречу — это и есть прийти в единодушие Церкви.

Живем ли мы таким единодушием? Ведь Церковь (а значит и Господь) представляет всем нам, собранным вокруг Него, такую удивительную возможность. Каждый день у нас есть возможность пережить радость воцерковления, радость церковного единодушия, радость церковного общения. Выходит, для нас весь день — это сплошная радость. Так ведь должно быть. А мы: так переживаем, так живем?

Конечно же, мы стараемся и имеем в течение дня моменты такой встречи. Очень много зависит от наличия таковых людей. И если среди нас есть такие, которые обильно живут этой радостью, то мы по чувству слышим это, и по поступкам видим и встречаемся с ними. Но многие из нас не имеют сейчас такой способности.

Встреча с человеком, с ближним, может произойти по причине нашей чуткости, внутренней настроенности на него. Требовать, чтобы все вокруг обязательно имели особую степень добродетельного дыхания, невозможно. Прежде всего в себе надо развить чуткость к добродетели. И если добродетель будет проявлена в ближнем даже в самой малой степени, то все равно будет распознана. И мы сможем пережить хоть малую долю радости этого единодушия, этой встречи, радости этого единства Церкви.

В чем осуществляется одно из четырех свойств Церкви: "единая"? В Духе Святом,— говорили Святые отцы.

А в чем это свойство Церкви проявляется? В любви,— говорили Святые отцы.

Первый момент любви — это чуткость к ближнему. И важнейшее качество этой чуткости есть чуткость к добродетельным проявлениям ближних. И отсюда — жажда к добродетельному общению, к этим встречам, радость утешения, что встретился, радость жизни от единодушия такой встречи. Обретается это первоначально в чуткости. Вот почему чуткость — очень важное свойство в жизни человека. При обретении нас в единодушие мы становимся единою Церковью. Все, с кем мы пережили такое единодушие, и те минутки радости встречи с добродетелью ближнего — это и есть моменты собирания единой Церкви. Поэтому так важно возвращать в себе способность к этому свойству Церкви.

Каждый отдельный человек не может быть абсолютно святым, и, тем не менее, именно в те моменты и в тех местах, где он единокровен о Боге со своими ближними, благодать посещает его. Если он в единокровии, значит, он в Церкви Христовой.

Воцерковление — это и есть путь обретения такого единства, все большее и большее усвоение себя свойствам Церкви, единой, святой, соборной, апостольской. А люди святые — это те, которые имели большую меру такого усвоения свойствам Церкви, обрели это многими трудами своего воцерковления. Наш с вами путь воцерковления есть путь людей грешных, людей, постоянно уклоняющихся от Церкви, но всегда пребывающих в ней по причине Милости Божией и призывающей благодати Бога, либо благодати ревности, которую Господь нас постоянно поднимает и восстанавливает в церковный труд.

Согрешая, мы отпадаем от Бога. И тот, кто чувствует, что он отпал от Бога, ищет средства вернуться опять, обратно. Для этого и существует покаянная молитва. Где бы ни согрешил человек, тут же кается, тут же просит: *"Господи, прости, вернись, верни меня опять к Себе, я не хотел так делать, но я так сделал, я не хотел так поступить, но я так поступил... Господи, прости меня!"*...

Поступок совершен, грех сделан, значит, он лежит на человеке, необходимо разрешиться от него. Для этого Господь учредил Таинство покаяния — Исповедь. Человек идет, исповедуется, получает разрешение от греха. Он вновь примирен с Богом, вновь свободен в своем общении с Ним, вновь пребывает в благословенном участии Бога. Человек примирен с Богом. Теперь он пришел к Причастию, обрелся в освящающем, восстанавливающем во образе Евангельском действии Божиим. Господь — в человеке. Господь усвоил его Себе и Сам усвоился всем его составам, сердцу, и душе, и телу... Теперь человек ходит в Нем и Им. И потому для него после Литургии в храме совершается Литургия и за пределами храма, ибо он живет так, как Господь заповедал. Живет так, как Господь благодатию Своею хранит его по Причастию. Живет так, как навыкал в характере своем, ищущем нрава Христова, продолжая удерживаться в новом качестве нового человека, не согрешающего, не падающего.

Но, увы, если бы мы так умели жить... Но силен грех, сильна власть страсти над человеком. Сильно тление, которое коснулось человека, и поэтому, так или иначе, все равно происходит падение, и человек не удерживается. Однако, навыкая стоять в добродетели, стоять в действии Духа Святаго, стоять в действии благодати Божией, мы восходим каждый своею скоростью в постоянство церковного жительства, церковного характера.

Значение периода воодушевляющей благодати

Период воодушевленного хождения в Церкви чрезвычайно важен. После него наступит период охлаждения человека к христианской жизни. Святые отцы говорили, что в этот момент — охлаждения к Церкви — необходимо научиться самому совершать дело своего церковного служения с понуждением себя. Благодать, однажды привитая в крещении, *никогда не оставляет человека*. Но она может сокрыться от него. Человек в такие моменты и периоды своей жизни начинает переживать либо оставленность Богом, либо потерю сил на общение с Ним (молитвы, пост, чтение Евангелия, Таинства), либо охлаждение к Церкви. Обучительное действие благодати в этих случаях различно — как бы

оставленный Богом сильно плачет о Нем, потерявший силы понуждается к личному усилию, а впавший в охлаждение призывается к покаянию, так как сам отдался в какую-либо свою страсть и не ищет выбраться из нее.

Хотелось обратить внимание на то, что даже знающий об этих этапах своего воцерковления человек может все равно как-то очень беспечно пройти мимо и не выполнить необходимого в период воодушевления.

Господь, подавая воодушевленное настроение человеческому сердцу на первом этапе, бережно подготавливает к следующему. На то и подается вспомоществующая, или же воодушевляющая, призывающая благодать Божия, чтобы человек, пока он ею жив, научился исполнять весь церковный труд. Навык труда спасет его в тот период, когда в нем оскудеет вера.

Что может быть таким трудом? *Первое — привычка и навык всегда молиться утром и вечером, выполнять утреннее и вечернее правило.* Она может спасти человека на следующей ступени оглашения, когда с отступлением призывающей благодати от человека потребуются его собственное хождение, его собственное действие.

Как для священника, так и для монаха очень важна привычка, навык выполнять свое священническое или монашеское правило в период пока в нем действует эта воодушевляющая благодать. Эта привычка может оказаться спасительной во время наступления охлаждения, для чего в период действия воодушевляющей благодати ее надо в себе сформировать, сохранять и поддерживать.

Часто случается так: человек привычку-то вроде бы обрел, но в момент наступления охлаждения он начинает думать: может быть, сегодня опущу, сделаю послабление, а завтра непременно восстановлю... Сегодня попустил себе, завтра еще сумел восстановиться, но в следующий раз, послезавтра, уже не смог подняться. А потом уже три, четыре раза пропустил... А потом — и вовсе сломался. Поэтому на границе между первым и вторым этапами, когда благодать призывающая начинает отступать, а благодать содействующая еще не приходит, **человеку должно удерживать в себе навыки своего церковного порядка жизни.** На то и дается воодушевляющая благодать, чтобы с ее помощью человек действительно не только бы обрел, но и утвердился в этом новом порядке.

Что означает для человека, вступающего в Церковь, этот новый порядок? — Утреннее, вечернее правило, регулярность хождения на богослужения (вечерние и утренние), включенность во весь суточный круг богослужений. Затем соблюдение поста в среду и пятницу, а также четырех многодневных постов. Необходимо регулярное чтение Евангелия, необязательно целую главу, достаточно одного отрывка, которое дается на каждый день в календаре. По объему своему оно несколько меньше, чем целая глава, и в данном случае человеку нетрудно будет научиться соблюдать, сохранять себя в навыке чтения Евангелия и непрерывный труд над нравом, т.е. труд над исполнением заповедей Божиих в повседневной жизни.

а) размышление над Евангелием, Псалтирью

Не будет преувеличением сказать, что одним из важнейших навыков является непрерывное *размышление* над заповедями Христовыми. Что такое вообще Заповеди Христовы? Ведь все Евангелие — это есть Заповеди Божии. А значит, христианину необходимо размышление над Евангельским словом. Известны случаи, когда некоторые священники благословляли своей пастве регулярные занятия над Евангельским словом. Важно, чтобы человек каждый день или хотя бы два-три раза в неделю, в определенные дни — вторник или четверг, среду или пятницу, обязательно к своему утреннему правилу добавлял бы чтение Евангелия и размышление над ним.

Навык к такому размышлению в наше время, к сожалению, в большинстве своем потерян. Важно помнить, что при потере такого навыка живые отношения со Христом начинают постепенно теряться. И в результате человек вообще обмирщается, он вновь полностью погружается в мирскую суету. При всем при этом он продолжает выполнять все остальные церковные действия: ходить на службы, молиться, поститься... Однако, если Евангельского размышления в нем нет, соответственно и Христова нрава он уже не ищет и труда над собою в приобретении нрава Христова не прилагает.

Мы, к своей горести, довольно часто встречаемся с таким состоянием в среде людей, которые помногу лет ходят в церковь. В каждом приходе есть женщины, которые всю жизнь свою провели при храме. Но минута общения с ними может выбить вас из всякого настроения и благонравия на целый день. Несмотря на то, что она и служит в церкви, такая ретивость бушует в характере этой женщины, столько злобы, столько самовластия проявляется в ней, не приведи Господь... Одну можно встретить за свечной лавкой, вторая — уборщица храма, третья — бухгалтер, иные в храмовой десятке...

Чем объяснить это явление? Ответ предельно прост — это человек, который внешне все церковное исполняет, но внутренне ничего себе не усвоил. В нем нет нрава Христа. И, конечно, с великой скорбью и горем приходится наблюдать такое настроение человека, который целую жизнь положил на устройство своей жизни в Церкви.

А чтобы не случилось этого с теми, кто искренне ищет и хочет обрестись во Христе, в Его Церкви, необходимо искать Христа действительно, реально, а значит, обретать в себе нрав Христов. Для того, чтобы сочетаться с нами, Господь даровал нам Причастие, чтобы через это внутреннее сочетание усвоить человека Себе, Своему нраву, восстановить, а затем и воцарить Свой нрав в человеческой душе. Посредством Таинств человек постепенно обретается в нрав Христов, обретается в сыновство Богу Отцу Небесному.

Ибо никто не знает, что есть сыновство, кроме Единородного Сына Божия. Отсюда никто не знает и, что есть отцовство, кроме Единородного Сына Божия, знающего Небесного Отца. Господь ведь Сам об этом сказал: *"Никто не знает Отца, кроме как Сын, и кому Сын хочет открыть"*, а значит, не обретаясь во Христе, невозможно узнать, что есть усыновление Отцу Небесному. Именно в этом сыновстве и заключается важнейшее основание нрава Христова. Но обрестись в этот нрав без Христа никак невозможно. Глас Христа мы слышим в Евангелии. Поэтому размышление над Евангелием, над его содержанием является важнейшим моментом в жизни каждого христианина.

Когда-то в Церкви размышление было поставлено в правило монашеской жизни, например, размышление над Псалтирью, которое тоже является восстановлением в человеке нрава Христова. Кто знаком с историей богослужебного Устава, знает, что после кафизм, составных частей Псалтири, следуют тропари или *седальны*. Во время чтения Псалтири в древности монахи стояли, но после того, как боговдохновенные слова улетали ввысь под купол, во время седальных тропарей садились, и наступало 20 минут глубочайшего молчания в церкви. Все затихало, внешне служба как бы прекращалась и монашествующие продолжали сидеть в безмолвии. Они размышляли над только что прозвучавшими словами... В других монастырях и мирских храмах вместо размышления поставлялось "чтение", т.е. кем-либо из святых написанное размышление. Указание на чтение и поныне сохраняется в Церковном Уставе.

Подобное же размышление в келлиях вменялось в обязательное правило и по прочтении Евангелия. К сожалению, это правило у нас сейчас забыто. А ведь это одно из важнейших правил, которое наряду с молитвенным правилом является необходимым при искании нрава Христова.

Этот навык размышления должно усвоить себе на первом этапе, пока действует призывающая и воодушевляющая благодать Божия.

б) отношение к ближним

Для воцерковляющегося христианина очень важным является обретение навыка обращения со своими ближними, перемена своего отношения с ними. Это обретение — дар воодушевляющей, призывающей благодати Божией. Каждый испытал это на себе, а начинается все с самого простого, элементарного. Едва ли не каждый вновь пришедший в Церковь сразу *осознать* себя грешным никак не может, он просто знает это теоретически. Это пока единственное, что он может знать. Он знает, в чем виноват перед своей мамой, перед братом, перед ребенком, перед сотрудниками, перед начальником... Он может осознавать, что где-то в чем-то поступил не так. Чувство вины ему знакомо. Знает он чувство вины и перед законами государства, перед его инструкциями и распоряжениями. А вот чувство греха, то есть вины перед Богом, он не знает, и поэтому, когда он приходит поначалу на исповедь, то говорит:

— Вы знаете, батюшка, мне сказали, что надо исповедоваться. А в чем исповедоваться, не знаю. Я грехов за собой не знаю. Я никого не убиваю, не граблю, и поэтому мне не в чем исповедоваться. Вы уж так разрешите мне, допустите, позвольте мне причаститься.

Но проходит некоторое время, и этот же самый человек приходит с великим плачем:

— Я согрешил. Батюшка, простите меня.

Что же произошло? Благодать призывающая вошла в сердце, осветила душевную тьму, и человек своими сердечными очами вдруг узрел, *что* же он есть. А если узрел, то уже и сокрушился, и загоревал. И эту свою горечь принес на исповедь. Именно действие призывающей благодати позволило человеку увидеть всю

неправду своих отношений с ближними. Пять лет начального воцерковления приводят к тому, что человек начинает меняться по отношению к своим ближним, трудиться над собой.

Но, к сожалению, приходится наблюдать, что в период оскудения веры отношения с ближними вновь возвращаются на круги своя. Человек вступает в свой прежний нрав. К сожалению, это не тот нрав, который дан человеку с его творения, с момента рождения, даже с момента зачатия, когда душа обрела по творению Божьему нрав человеческий — чистый, Благодарованный. Это тот нрав, который человек усвоил по своей греховной натуре, и который мы называем *своенравие*. Это *своенравие* на втором этапе последующих десяти-двадцати лет может *буквально погубить человека*, если он не ухватится за содействующую благодать Божию. Тогда ему грозит совершенное охлаждение и полное отступление от Церкви.

Нередко бывает, что человек остается в Церкви чисто внешне, а внутренне, нравом своим, пребывает совершенно нецерковным. Но если он все же ухватился за содействующую благодать Божию, то на десятом году своего церковного жительства начинает ею постепенно руководствоваться и в ней укрепляться.

Замечено, что в период охлаждения в человеке начинает бунтовать и восставать против его воцерковления его же собственный нрав, *своенравие*. Нередко можно наблюдать, когда после четырех-пяти лет искреннего церковного жительства человек вдруг начинает чувствовать в себе восстание довольно неприятных качеств, которые давно, казалось бы, исчезли. Человек уже забыл давно об этом и вдруг... Что это такое случилось? Охладели его молитва, желание ходить на службы, — все охладело... И на фоне этого со властью начинает восставать его человеческое *своенравие*, свойства падшей человеческой природы. Крикливый снова начинает кричать, капризный опять начинает капризничать, упрямый — упрямиться, блудливый — блудить, жадный — жадничать и т.д. Более того, в человеке начинают проявляться такие качества, которых он никогда не знал в себе.

Умение восставать и противостоять своенравию — одно из важнейших обретений третьей ступени оглашения — ступени воодушевления. Поэтому очень важно в это время укрепить новый порядок отношений со своими ближними. Необходимо всегда помнить слова Господни: *"По тому узнают вас, что вы Мои, Христовы, как вы любите друг друга"*. Господь не сказал, что узнают по тому, как вы поститесь, как вы молитесь, как вы бегае на богослужения или как выстаиваете их, — не это сказал, а сказал: *"Как вы любите друг друга"*. Тем самым Господь выделил это качество, отношения с ближними, как важнейший плод нашей духовности.

"Вера без дел мертва есть". Какие дела имеются в виду? — Дела любви, отношения с ближними. И если этих отношений с ближними нет, тогда и вера бесполезна. Ибо и бесы веруют и трепещут. А человек верует, но нисколько не трепещет. Даже страха Божьего часто не имеет. Чтобы в нас воцарилось самое главное, на этапе воодушевления очень важно как можно серьезнее и внимательнее потрудиться над навыком отношений со своими ближними.

Что приходится наблюдать в пастырском служении? Первые три-пять лет священнического служения пастырь, несмотря ни на какие попытки ревностных

прихожанок-церковниц, которые обычно следят за порядком и стараются после богослужения всех прихожан поскорее выпроводить из храма, забыв про усталость, обязательно останется и непременно поисповедует, наставит, утешит, не спеша выслушает всех своих духовных чад. Когда же начинается период охлаждения, порой трудно сохранить ту силу и ту полноту ревности и в себе и в чадах своих, нет времени, сил, желания подолгу заниматься с ними. Священник начинает торопиться из храма, ведь вне храма у него столько дел...

Равно как и монах... Обычно после монашеского пострига первый год человек, благодаря прикосновению благодати Божией, переживает необыкновенную, самозабвенную ревность монашеского служения. Это драгоценное настроение, драгоценное состояние. Но как важно это настроение, даруемое благодатью Божией, бережно и трепетно хранить, поддерживать в себе, навязать в нем, откликаться на всякую нужду и просьбу. Если вовремя не научиться отлагать свой нрав, свою волю перед ближним, то потом, в период монашеского оскудения, он будет не в состоянии управиться с собственным своеобразием. Тем паче, если мирянина "пасут" много бесов и возбуждают в нем своеобразие, священника "пасут" еще больше, то за монахом, говорят отцы Церкви, следят десятки бесов. И потому малейшее его отклонение, малейшее впадение в своеобразие тут же поджигается, поддерживается и сильно подвигается бесами. Удержаться бывает порой почти невозможно. Неудивительно, что сильные падения могут происходить на втором, на третьем, на пятом и в последующие годы монашеского служения.

в) значение наших ближних

Мы часто легко оцениваем других, а вот себя оценить очень трудно. Можем ли мы сказать про конкретного, известного нам человека, что он свят, что по характеру, по нраву своему, он святой? Если вы отвергаете эту возможность, то это значит, что вы сопоставили его с реальными образами святых людей, т.е. вы его *измерили, оценили*. Это измерение, оценку каждый из нас делает очень легко. Более того, оценку других он постоянно осуществляет, а вот объективно оценить себя очень трудно, потому что в нашем падшем естестве существует очень много защитных механизмов. Это механизмы защиты сознания и нашей чувственной сферы — нашего неустроенного, тленного сердца от подлинного, глубинного осознания нашей греховности, того, кто же мы в действительности перед Богом и перед ближними, теми людьми, которые окружают нас. У каждого человека существует множество серьезнейших установок, которыми сердце ограждается от всякого обличения, а тем паче от обличения других. И поэтому мы видим, что человек, встречающийся с самим собою, имеет очень сильную защиту своего эгоизма, самодостаточности, самоугодия, которое не распознается. Хранит эти механизмы самозащиты наша гордость.

Чем больше гордость, тем дальше человек отстоит от Бога, неверием своим закрывается от Него, полагая: "Если я в себе ничего особенно плохого не вижу, то и Бог ничего такого во мне не видит". Или по-другому: "Каким я вижу себя, таким и Бог меня видит". Иным образом невозможно объяснить, почему человек, пребывая в глубоком эгоизме и самолюбии, остается настолько уравновешен и доволен собою.

Но большинство людей даже не распознают этого. Под их прикрытием защитных механизмов, в особенности самооправдания, они долгие годы, многие всю жизнь, несмотря на внешние церковные действия, так остаются пребывать в своем падшем нраве. Их нрав остается не тронут ни собственным внутренним чувством, ни самосознанием.

Кто же при таком плачевном состоянии нашей панцирной закрытости, мощного рыцарского обеспечения разными латами, железными доспехами, которыми мы буквально увешаны, сможет нам помочь? — Оказывается, наши ближние. Чем же они могут нам помочь? Самым простым действием — сказать: *"Ты ведь сама не делаешь то, чему учишь других"*, или *"Посмотри, какой ты сам"*, или *"Ты считаешь, что ты верующая, а посмотри: в тебе такие-то, и такие-то, и такие-то недостатки"*.

При этом неважно, в каком настроении это сказано, с каким запалом, каков характер произнесенного. Важно то, что по сути сказано нам именно то, *что действительно принадлежит нам*, то, что обличает нас. Чтобы это услышать, оказывается, надо приоткрыть забрало самолюбия, отложить железные латы своего самодовольствия. Но если мы этого не делаем, то наши ближние, сильно радея о нас, начнут нам *так* говорить, что все-таки пронзят наши латы. При этом они *достанут* наше самолюбие и потревожат самодовольство. И после этого вдруг развернется такое...

Что произойдет при этом с нами? Мы придем в сильнейшую агонию зла, гнева, возмущения и, может быть, даже ответного жесткого обличения.

Сколько ссор происходит в православных семьях! Разве это не реальность нашей сегодняшней жизни? А сколько конфликтов происходит между родителями и детьми, потому что родитель в своей злобе, в уязвленности своих самоугодливых лат истязает дитя свое за то, что оно не так или не то сделало и еще имело дерзость указать на ошибки... Кому? — Своему родителю. Тут оскорбленный отец или мать с чувством оскорбленного достоинства вымещает свое зло на ребенке. И это сегодняшняя реальность. Почему это происходит? Беда не в том, что это существует, а в том, что не распознаются причины этой беды. А причины эти распознавать необходимо.

Наше греховное сознание не видит наших ближних или сотрудников, начальников, знакомых в роли *спасающих* нас. Подумайте, зрит ли нас Господь в тот момент, когда наше самолюбие сильно уязвляют? — Господь видит это. Потерял ли Господь Свое всемогущество, видя, как ближний меня так сильно оскорбил? — Нет, не потерял. Может, Господь оставил Свое попечение о нас или же вдруг запмятовал о нас, или вдруг отвлекся от нас, занимаясь кем-то другим? — Нет, не отвлекся, не потерял нас. Ничего этого не произошло. Может быть, Господь вдруг обессилел? Он так долго трудился над нами, и наконец совершенно уже не осталось у Него никаких сил, и поэтому Он оставил нас? — Нет, Бог не может обессилеть. А это значит, что **все происходящее: неожиданное злое слово, так сильно меня обидевшее, выговор, укор, напраслина даже или иное что произошло по произволению Божию или по Его поущению — назидательный урок Божий, Его Промысл о нас.**

Чем можно это все услышать? — Прежде всего, верою. Если мы веруем в Бога Всемогущего, Всевидящего, если верою своею мы реально и действительно

чувствуем Его заботу о нас, то не может быть ни одной минуты в нашей жизни, чтобы мы вдруг разуверились в участии Бога в нас. Верую своею мы будем постоянно слышать это участие Бога, а от веры происходит упование. Упованием мы будем постоянно опираться на присутствие Божие во всех Его промыслах, во всех событиях, которыми Он касается нас. Тогда, исходя из веры, будет развиваться наша рассудительность. Этой-то верой, этой-то рассудительностью, этим-то чаянием и этим упованием на Него мы будем видеть во всяком событии, с нами происходящем, назидание. И тогда ближние наши станут от Бога поставленными наставниками нашими, даже если они не верующие, злые, несправедливые и прочее.

Более того, по целому ряду случаев известно, что *неверующие точнее говорят нам о нас, нежели верующие*. Верующий, если и закипает, если и хочет что-то сказать, то боится погрешить. Поэтому он подходит к нам окольными путями. Не всякий верующий знает кротость (ведь только по кротости человек говорит просто и прямо), но очень пытается быть кротким, и поэтому внешнее действие кротости он старается исполнить самым тщательнейшим образом. И пока он эту свою кротость исполнит, проходит, порой, полчаса, пока мы, наконец, догадаемся, о чем он говорит. А наш неверующий родственник или сотрудник возьмет и сразу нам все выпалит, без всякой кротости. Но и то, и другое: и верующий, так долго нам говорящий, и неверующий, прямо режущий правду нам в глаза, — одинаковы в Промысле Божиим. Попущением Божиим они преподают нам назидательные уроки.

Научиться воспринимать эти уроки от ближних — чрезвычайно важное свойство, через которое человек действительно воцерковляется. Неспособный воспринимать от ближних назидания, наставления, в какой бы форме оно ни было сказано, очень долго не сможет воцерковиться. Он постоянно будет сохраняться в этой самозащите самооправдания, в латах самоугодия и в броне своенравия.

Со стороны ближних к нам обращено не только слово, но и действие. На этом уровне в семье происходит значительно больше жизненных событий, чем на уровне слова. Как часто отношение к нам наших ближних остается напряженным по причине неправильного отношения к ним. Мы упираемся, вместо того, чтобы утешить, мы заставляем, вместо того, чтобы попечья и позаботиться самим, мы ожесточаемся, вместо того, чтобы помилосердствовать, учительствуем, вместо того, чтобы быть любящим и покрывающим сыном или дочерью, или отцом и матерью... И остаются ближние в напряженном настроении по отношению к нам целыми месяцами, а то и годами, не только не выбираясь из этого состояния, но порой все более в него западая и ожесточаясь. И причина тому — неподвижность, окаменелость нашего нрава. Увы, и этого мы долго не хотим уразуметь. А когда начинаем понимать, нередко бывает поздно, слишком поздно.

Есть еще более глубокий уровень наших отношений с ближними — уровень смыслов жизни и ценностей. Из уровня ценностей происходят действия, а смыслов — рождаются слова. Но разумеет ли мы, что здесь происходит между нами и как нам нужно относиться к смыслам и жизненным ценностям, не совпадающим с нашими?

Сколько проходит времени, пока откроется ответ на этот вопрос, сколько затем утечет воды, пока откроется в нас способность уважительного обращения со

смыслами и ценностями другого человека, в случае, если они не совпадают с нашими...

Из вышесказанного вовсе не следует, что и нам в отношениях с ближними об их недостатках можно говорить прямо, не подбирая выражений и интонаций, эту правду (как в народе говорится) резать прямо в глаза, никого не щадя, думая, что если уж нам сказано так, то и через нас совершается назидание нашему ближнему, пусть терпит как угодно, пусть будет ему урок через нас от Бога...

У нас в училище два года назад был такой случай. Один брат в течение полугода созревал в своей гневливости на окружающих. Я, будучи его духовником и руководителем, никак не мог понять, в чем дело. Вижу, что сначала он был вроде бы осторожным в своих суждениях, а потом становился все более и более жестоким, более крикливым, наконец, вообще разнузданся. Конечно, для всей окружающей братии благодаря этому возникли удивительные условия для смирения, лучших нельзя было придумать, но сам-то он погибал! При этом он исповедовался, причащался, являя внешний церковный характер своей жизни. Но, тем не менее, на Исповеди об этих своих запальчивых действиях он редко когда говорил. И однажды, в одной из бесед, все-таки удалось выяснить, в чем дело. Оказывается, в какой-то из проповедей он услышал, что ближнего надо воспринимать в любом качестве, и смирение перед характером ближнего станет спасительным для нас. Услышал и решил, что в своем попечении о ближних он станет теперь смиряющим фактором и этим очень сильно поможет спасению ближних. И поэтому он сначала сознательно приводил себя в это состояние обличения, потом это стало превращаться в навык, а потом он вообще потерял контроль над собой и разнузданся. И когда эта обличительность стала неуправляемой, овладела им со властью какой-то силы, приразившейся к нему, у него возникла сильнейшая тревога, он пришел с этим ко мне и открылся...

Нам должно жить по наставлению Апостола Павла. *"Со смирением и кротостью,— он говорил,— обличать ближних своих"*, и в другом месте: *"Если ты видишь, что брат твой согрешает, скажи ему"*. Иными словами: *"Обличайте ближнего, потому что, если вы оставляете его согрешать, то тем самым попускаете ему навык греха"*. Но чтобы правильно обличать, надо сначала самому исполниться кротости. А если ты не имеешь ее, можешь ли обличать? Лучше воздержись, а когда обретешь, следуй наставлениям Апостола.

Третий период - воцерковление

Для того, чтобы говорить о следующем этапе, опять обратимся к житейскому опыту. Посмотрим на отношения матери и взрослеющего ребенка. Младенец, научившийся ходить, стал все дальше убежать от нее. Вот он удалился на двадцать, пятьдесят метров. Начинается его самостоятельное вхождение в огромный, неизведанный мир. Правда, первое время малыш все время оборачивается: "А мама здесь?", — и, удостоверившись, что здесь, бежит дальше. Через какое-то время опять бежит к ней: "Мама, вот он я, а ты здесь?" И после этого опять совершает свои новые и новые путешествия...

Проходят годы... Наш младенец вырастает, вступает в отрочество, юношеский возраст и уже безбоязненно оставляет свою мать на месяц, на год. Уезжая куда-нибудь учиться, может оставить ее и на пять лет. А потом, глядишь, и совсем

оставляет свою маму, живет и трудится вдали от нее. Человек, постепенно обретая самостоятельность, научается самостоятельно идти по жизни.

То же происходит и в жизни духовной. В ней тоже должен наступить момент самостоятельного движения. А значит, человек должен самостоятельно научиться хранить ревность о Боге, попечение об исполнении заповедей Божиих. Если в начале своего воцерковления, священнического или монашеского служения, он был вдохновляем и воодушевляем на исполнение правил и чина церковной жизни действием благодати Божьей, то рано или поздно наступит время, когда все это нужно будет исполнять и совершать самому. На этом завершится период оглашения и начнется новый период — воцерковления, где потребуются его *личное* движение навстречу благодати Божией. И тогда, спустя годы, к нему приступит уже не призывающая благодать, а благодать *содействующая*. Содействующая в **его** ревностном, в **его** искреннем, в **его** попечительном, или в **его** любящем служении Церкви. Эту содействующую благодать он начнет слышать в себе как вливающуюся в **его** намерения, в **его** исполнения, в **его** хождения, в **его** действия. Вкус к этому содействию благодати и обращает жизненный труд человека, с одной стороны, к собственным действиям, без которых некуда вложиться благодати, с другой стороны, чаяниям того момента, когда эти действия начнут напояться благодатью и обретать ту неизъяснимую жизненность, которую может придать человеку только Бог. Отсюда и появляется внутренняя необходимость обрести *личную* ревность о Боге, *личную* ревность о служении, *личную* жажду исполнения Заповедей Божиих, *личное* желание хождения в добродетелях Господних. Обрестись в добродетелях и ходить в них человек должен научиться сам. В это желание, в это человеческое стремление, поддержанное призывающей благодатью, без которой он и к личному не сумеет подвинуться, начинает входить и вступать благодать Божия, *содействующая* ему, которая по-иному действует на человека, иным образом обучает его.

Не оставляет человека своим действием и призывающая благодать Божия. В какие-то моменты для того, чтобы показать ему опережающий образ того, что он еще не умеет делать, но чему должно научиться, Господь милостью Своею касается его сердца и дает ему неожиданно образ такой жизни в Церкви, такого характера отношений к Богу, или же к ближнему своему, которого он не переживал и не знал доселе. Но дается это лишь на одно мгновение, на какую-то минуту, на полчаса, на час, на день. И опять отступает призывающая благодать Божия, опять человек остается в своих трудах, в ожидании *этого* переживания, *этой* близости Божией, этого явленного ему характера жизни в Церкви. И когда человек вновь наполнится желанием пережитого, жаждою пережитого, он вступит на следующую ступень своего желания, начнет стараться, начнет искать, что сделать для того, чтобы еще раз обрести прежнее переживание. Он начинает читать Святых отцов, спрашивать своего духовного наставника, внимать Евангелию. И тогда благодать Божия снова сочетается с ним. Сначала как бы незримая, нечувствуемая, но позволяющая человеку исполнить хотя бы чуть-чуть этот образ, который он однажды получил, образ, дарованный призывающей благодатью Божией. Долго-долго он его искал, жаждал, после этого и начитался, и наслушался о нем немало, даже начал уже кое-что предпринимать, но все никак не получалось... и вдруг начинает получаться. Это значит, что содействующая благодать Божия вновь *коснулась* его и стала пребывать с ним. И по мере того, как он вновь начинает утверждаться в этом настроении сердцем своим, и всею волею своею, и всем помышлением своим, содействие благодати ощущается все

крепче, все явственнее, все надежнее. В таком опыте совершается человеческий труд над внутренним человеком.

Время, необходимое для обретения себя в содействии благодати Божией у всех людей разное, в зависимости от духовных дарований. Святитель Феофан Затворник говорил, что всяк идет своим сроком. Сроки эти у людей различные. Но вехи, которые проходит человек при обычном действии благодати Божией, обычно сходны. Из опыта Церкви известно, что время движения, труда к такому обретению содействия Божия у людей длится примерно порядка десяти-двадцати лет. У кого-то — до конца жизни.

В течение этого времени человек уясняет для себя, что есть действие вспомоществующей благодати Божьей, учится стоять в ней и через то обретает некоторый навык служения Богу. Эти 10-15 лет обычно проходят в настойчивых трудах при незримом присутствии Божьей благодати. Не просто от себя самого, от своей ревности или же своего только сознания. Будет нелишним нам помнить слова Феофана Затворника о существовании двух видов действия благодати Божией: *чрезвычайного действия и постепенного действия*. Доселе мы говорили о постепенном характере действия благодати.

Чрезвычайное же действие благодати Божьей иногда сразу, в одно мгновение, может возвести человека в нужное качество, в нужную степень. Нечто подобное пережили многие святые угодники Божии. Но обычно такое чрезвычайное действие благодати Божьей изливается на сугубых избранников, которых Господь возводит на особое служение Церкви. Например, Апостол Павел, буквально в одночасье был избран как служитель в апостольское звание. В одно мгновенье из ревностного гонителя православных христиан Савла он становится ревностным служителем Господним, великим Апостолом Павлом.

Совершенно подобное чрезвычайное действие благодати Божьей возвело в новую степень Марию Магдалину, которая была непревзойденной блудницей своего времени, но единый миг — и она возведена в дивное служение Богу. Подобное же пережила и Мария Египетская, которая неожиданно даже для себя самой была обращена к новому служению. И в этом своем служении она превзошла тысячи и тысячи монахов...

Что же это такое? — Это Господь сугубым образом поставляет на особое служение людей в Церкви Своей. Но следует помнить: *ни одно действие чрезвычайной благодати не может совершиться без наличия определенных, сугубых человеческих качеств*. Не каждого человека Господь вдруг берет и возводит на такой неожиданный, высочайший уровень христианской зрелости, а лишь того, в котором Господь, по всеведению Своему, обнаруживает сокрытое свойство или дарование к искреннему и преданному служению. Тогда это сокрытое, обильное дарование в человеке, при готовности самого человека отдать себя самого на служение, Господь освящает силою Своей благодати, и поставляет человека в этом даровании на это служение. А потом уже к этому дарованию добавляет и приумножает остальные дары, необходимые для этого.

Значение правил церковной жизни

Чтобы не произошло падение, каждому из нас должно на этапе действия воодушевляющей благодати Божией научиться тем основным навыкам жизни в Церкви, которые Церковь выделяет в правила. Либо это правила мирянина, либо священника, либо монаха. Эти правила специально даны человеку, как управляющие его в правде жизни церковной. И поэтому их необходимо обязательно себе усвоить.

Однако необходимо помнить и то, что правило само по себе не есть сама жизнь церковная. Это только ограда церковной жизни. Точно так же, как русло реки вовсе не есть сама река. Мы можем с вами русло реки приготовить, даже выложить его бетоном, а воду не пустить. Жаждающий напиться подойдет к руслу этой реки, а воды не будет. Правило не есть сама жизнь во Христе, но *внутри него* может совершаться жизнь во Христе.

Правила служат укреплению, удержанию этой жизни. Русло мы с вами сделали, воду пустили, а в каком-то месте оно вдруг разрушилось... Что произойдет дальше с рекой? Дойдет ли она до озера, до моря? — Нет. Она растечется, превратится в лужу и иссохнет. Подобным же образом может случиться и с человеком. Если он правило свое не удержит, то его церковная жизнь, жизнь в Духе Божиим, на десятом, пятнадцатом году постепенно иссохнет, и до моря или до озера, а значит до Царствия Небесного, он может не добраться. Поэтому чрезвычайно важно укоренить в себе навык соблюдения правил.

Следует заметить, что существует три вида правил. К сожалению, сейчас стали забывать об этом. Большинство людей знают только один вид, два других выбрасывают из своей жизни. Что же это за три вида правил?

Первый вид правил направляет наше правильное отношение с Богом, *второй вид* — с ближними, а *третий вид* — с самим собой. Человек должен научиться правильно относиться к Богу, к ближнему и себе самому. И на этапе воодушевления эти благословенные три-пять лет, даже не зная теоретически о существовании этих правил, мы исполняем их практически, вернее, даже не мы их исполняем, но Сам Господь Своей призывающей благодатью подвигает нас их исполнять, вкладывает в нас их исполнение.

а) правило по отношению к Богу

Что же есть правило по отношению к Богу? Это прежде всего наш молитвослов. Утреннее, вечернее правило, приготовление к Исповеди, три канона, последование ко Причащению, молитвы. Только сам текст молитв это еще не вполне правило. Это молитвословие, а наше действие есть чтение молитв (вслух или про себя). Что же есть само правило? Оно есть правильное чтение молитв. Т.е. правило указывает, как нужно читать молитвы. И собственно правило написано курсивом в начале утренних молитв: *"Стань благоговейно, представляя себя пред Всевидящим Богом, и, сотворив крестное знамение, говори... Затем помедли, пока все чувства твои утишатся и мысли твои оставят земное, и тогда произноси следующие молитвы, без поспешности, с сердечным вниманием..."* Таким образом, правило Церкви с первых шагов вменяет всякому человеку труд над молитвой до обретения вкуса к ней и последующего развития ее в действительное богообщение. Здесь важное — *"стань благоговейно"*, затем

— "помедли", затем — "когда чувства утишатся", затем — "мысли оставят земное", затем "без поспешности" и, наконец, — "с сердечным вниманием". И все это во время чтения довольно продолжительных молитв. Многие ли из нас так трудятся над этим правилом? А кто начинал трудиться, усвоил ли он такое правило до сердечного навыка? А обретя навык, желает ли, чтобы он развивался дальше? Без такого правила или характера совершения молитв невозможно ожидать содействия благодати. Неудивительно, если человек, никогда так не трудившийся, больше чем некоторого потепления своих чувств может так и не узнать дальнейшего движения. А ведь речь идет о важнейшем действии духовного делания — о Богообщении.

Однако вернемся к правилам по отношению к Богу. Первое — это наше молитвенное правило. Наше отношение к Богу определяется также присутствием на Богослужениях. Все основные церковные праздники верующему человеку необходимо встречать в церкви Божией, не говоря уже об обязательных воскресных Богослужениях, включающих в себя Всенощное бдение в субботу и воскресную Литургию. Навык бывать каждое воскресенье на службе очень поможет человеку, когда начнет исчезать естественная ревность к Богослужению.

Одним из важнейших пунктов правил по отношению к Богу есть соблюдение поста — среда, пятница и многодневные посты года.

Важнейшее назначение правила — содействовать приходу человека к норме его внутреннего пребывания и, по достижении его, хранить человека в нем. Достигает человек этой нормы действием благодати Божией, которая высвобождает его из власти греха и очищает от греха естественные силы человека.

Св. Исаак Сирин, выделяя три состояния, о первом из них говорит как о естественном — это от Бога данная природа человеческого духа, души и тела. В этой природе человек чист от греха и страсти, един в трех составах и имеет естественное, а значит, свободное от каких бы то ни было уклонений и желаний стремление к Богу и любовь к Нему. К этому-то состоянию благодать освящающая сначала призывает человека, реально напоая его желанием к Богу (период оглашения), затем пестует его, оставляя его один на один с собою и незримо пребывая постоянно с ним (переходный период от оглашения к воцерковлению) и, наконец, содействует ему в его собственных трудах, в личном его движении к Богу (период воцерковления). В этом состоянии человек знает Бога и боится Его.

По завершении воцерковления человек вступает в новый период, который св. Исаак Сирин называет благодатным, а св. Феофан Затворник — состоянием истинного христианина.

"Прияв слово, проходящее до разделения души и духа" (Евр. 4, 12) человек берет душу в свою власть и приносит ее в жертву Богу (Матф. 10, 3). Вследствие сего у него жизнь духовная совершенно поглощает жизнь плотскую и душевную, у него все производится в духе и духом, к слушанию истины преклоняется духом. Он стал храмом живущего в нем и Духа Святаго, напоился Духом (Евр. 2, 22) .

Третье состояние св. Исаак Сирин называет плотным. В нем человек погружает себя в чувственность, предается плотским вожделениям. Из этого-то греховного состояния благодать Божия начинает оставлять человека.

Дело свое на этапе оглашения она совершает по любви к человеку со властью, но далее без человека дело его спасения от греха совершиться не может. Потому и должно человеку двигаться навстречу благодати. На это и даются ему правила, в которых учиняются ему движения, согласные с благодатью, не противные ей, напротив, утверждающие в ней человека.

Правила не есть формальное или механическое дело, но есть прежде всего начало и продолжение человеческой любви к Богу. Правила необходимы для формирования сердечных расположений человека для обретения любви Божией.

Что же еще вменяет Церковь своим чадам в их отношениях с Богом? Важнейшая обязанность христианина — это всецелая покорность вере, послушание ей. А для этого необходимо знать свою веру. Без этого как будешь знать содержание своего упования? Однако голое знание, не сопровождаемое чувствами, приводит к равнодушию и, того хуже, — к надмению. Поэтому есть правила, которыми Церковь подвигает своих чад трудиться над пробуждением правильных чувств. Увы, сегодня это часто опускается либо по незнанию, либо по нерадению. Какие это правила? Вот часть из них: радостное и благодарное славословие, любовь к вере и к каждому ее догмату, правилу и постановлению, исповедание веры в жизни, т.е. стремление жить по вере искренно и открыто, не заботясь, что скажут о тебе другие, преданно, т.е. благоразумно вступая на защиту веры, и если это необходимо — до конца, даже до крови и смерти не отрекаясь от Христа; ревность о распространении веры, мужество, хранение веры в себе самом от страстей, уклонений, искажений, от помрачения и охлаждения и, наконец, постоянное противостояние грехам, восстающим на веру. Эти грехи следующие: сомнение, беспечность, неумение и нежелание или лень в сомнительных случаях испытывать, где есть истина (или что есть истина), рационализм, самомнение, холодность сердца, окостенение духа, гордость, самость, самоуверенность, самодовольство, самооправдание, самовозношение, восхищение собою и тем, что с человеком происходит, или что человек переживает в себе.

Если внимательно присмотреться к этим правилам, мы увидим, что это труд над собственным нравом, над расположениями сердца, труд, без которого невозможно действительное воцерковление, без которого человек может годами внешне присутствовать в Церкви, даже не догадываясь, что такое жизнь духовная.

Какие же чувства необходимо в себе воспитывать? Свят. Феофан Затворник называет следующие: веру, чувства сердца, свою бедность и свое окаянство, благоговейное памятование и размышление над делом спасения человека Богом, радость и утешение от этих размышлений, упование спасения, самоотвержение, мир с Богом, сыновнюю любовь к Отцу Небесному, изумление делам Божиим, благоговейный страх, трепет перед величием Божиим и Его делами, восхваление и славословие Его, хождение пред Богом, покорность Ему, благодарение Ему, благодушие, терпение, довольство в Нем, преданность воле Божией, успокоение в Боге, надежда на Него, всегдашнее прошение, молитва к Нему, ожидание второго Его пришествия, чаяние будущего века, готовность к встрече с Ним, памятование смерти, суда, рая и ада, чувство странничества на земле, покаяние, ревность о Богоугождении и хождении в Его воле.

Все это составляет ту часть правил в нашем отношении к Богу, над которыми сегодня мало кто трудится, да и за правило их не считает и потому не вменяет их в ежедневное исполнение или постепенное изо дня в день, из месяца в месяц их

освоение. В то же время без этих правил, которыми воспитываются чувства человека, правила молитвословия и поста постепенно становятся пустыми, самоугодно бледными, а то и вообще формально-холодными. Человек удивляется, почему так происходит. В то время как ответ прост. Он много потрудился над внешними правилами молитвы, богослужения и поста, даже какую-то часть выучил наизусть, а трудов по утверждению своих чувств в новом порядке не положил, да и не знал, что это необходимо делать, а не зная, не доискивался, либо, найдя и прочитав, решил, что это само собой разумеющееся и как-нибудь возгреется само по себе.

Увы, последствия такого отношения к этим правилам оказываются более чем печальными. Не только ослабление молитвословия, богослужений и поста, но и значительное охлаждение к ним, а далее и отхождение от таинств и даже от Церкви — вот расплата за игнорирование вышеназванных правил. Кстати, их выполнение и навывание к ним — дело значительно более трудное, чем простое вычитывание молитв и соблюдение поста. Оно к тому же требует соответствующего окружения людей, которые не только вычитывают молитвы да соблюдают пост, а между ними живут всем набором обычных плотных чувств и развлечений, но напротив — прежде всего хранят свои чувства, трудятся над ними и ради них, именно ради них, прибегают и к молитвам, и к посту. Найти таких людей, жить рядом с ними есть одно из важных условий для обретения правил труда над чувствами.

Увы, если такой среды мы не находим или не находим хотя бы одного единомысленного собрата, ревнующего об этом, мы рискуем никогда не узнать, что есть истинная вера, так как окружение, пусть и трижды церковное, но пребывающее в постоянном смехе, шутках или в пересудах о церковных людях, в бесконечных восторгах или разговорах о пустом, праздном, тем более учиняющее какие-нибудь обиды, ссоры, крики, взаимные притязания, недовольства, ропот, обличения и осуждение начальства и прочую обыденную суету жизни, такое окружение не только не будет радеть о правилах работы над чувствами, но будет активно противодействовать им. В мировосприятии людей такого настроения правила молитвословия, богослужения и поста приурочены к определенному времени. Выполнил — и далее живи как хочешь. А ведь на самом деле правила хранения чувств нужно выполнять постоянно, независимо от времени, иначе пользы и плодов не будет. Может быть, потому и не приемлет сегодня церковный народ эти правила, предаёт их забвению, а то и вовсе не желает знать. Ведь легче внешние правила отчитать и чувствовать себя оправданным, а что внутри происходит — не так уж важно.

Если мы сами остаемся вне этих правил, в таком случае появление среди нас человека, хранящего свои чувства во благочестии и чистоте, по меньшей мере вызывает в нас беспокойство. Мы начинаем приставать к нему с вопросом — не обидели ли мы его. То нам кажется, что он игнорирует нас или чурается нашего общества, то нам кажется, что, напротив, он обижает нас, раздражает, рождается неприязнь к нему. Или, наконец, в худшем случае мы находим удобное нам объяснение его малообщительности, объявив его узким фанатиком, сектантом. Это позволяет нам не только не иметь с ним никакого общения, но активно противиться ему и даже гнать его от себя. Или, того хуже, учредить на него гонения в виде, например, комиссии по выяснению фактов его фанатизма и сектантства. Из житийных свидетельств мы видим, что действительно ревнующий

о спасении христианин будет претерпевать гонения прежде всего от своей же, церковной среды.

б) правило по отношению к ближним

Что же есть правило по отношению к ближним? Это прежде всего заповеди Божии, данные Господом Моисею на горе Синай. Кроме того, руководствуют жизнь христианина Евангельские заповеди, Евангельские притчи, в которых Господь показывает нам образ отношения с ближними. Наиболее ярко иллюстрирует это отношение Притча о милосердном самарянине. В ней полностью раскрывается, как нужно отнестись к нуждающемуся. Господь спрашивает: *"И кого ты считаешь ближним по отношению к попавшемуся разбойникам?"* А вопрошаемый отвечает: *"Сотворивый милость с ним"*, т.е. *"Тот, который помог"* (Лк, 10, 37). Оказывается, ближний тот, кто помог, а не тот, который нуждается.

К сожалению, в жизни нашей отношение к ближним совершенно иное. Под словом *"ближний"* мы подразумеваем человека, который просто рядом с нами, человек, нуждающийся в чем-либо. Нуждающийся в чем-либо — это и есть мой ближний. Это всего лишь одна сторона, одно толкование слова *"ближний"*. Но ведь есть важнейшее, Евангельское, толкование этого слова! Ближний есть ты, а не тот, кто рядом с тобою. И ближним *ты* должен стать тому, который нуждается. Стань ближним, и тогда ты спасешься. Находить вокруг себя ближних и им помогать — это тоже хорошо, но не об этом говорит Господь в Притче о милосердном самарянине. Обрести способность откликнуться на всякую нужду ближнего и стать через это ближним нуждающемуся — вот важнейшее качество ближнего в Евангельском смысле этого слова.

Евангелие содержит целый ряд установлений, подобных этой притче, как должно нам ходить по отношению к нашим ближним. И Церковь вменяет в правило помогать нищим, подавать милостыню. В доцерковной жизни мы никакой милостыни не подавали, а если и подавали, то нечасто. Чаще всего мы находили разные объяснения тому, почему не надо давать милостыню ближним, равно как не надо делиться друг с другом тем, что ты имеешь. Многие из нас не умели тогда легко и просто принимать что-то от другого в дар. Живя в Церкви, необходимо обрести новые отношения с ближними.

Какие же правила по отношению к ближним поставляет Церковь каждому из нас? Быть в братской любви друг ко другу, которая проявляется в благорасположении, благожелании и благопопечении, т.е. деятельном и заботливом попечении о благе другого. Апостол Павел заповедует: *будьте братолюбием друг ко другу любезны; честью друг друга больше творяще* (Рим. 12, 10), т.е. другого в чувстве сердца ставьте выше себя. Нужно хранить к ближним справедливость о Боге, правду, искать спасения ближнего, иметь молитву о нем, себя держать ради него в вере и благочестии, не распускаясь в проявлениях своей падшей природы, пробуждать другого, вразумлять, укреплять, радеть о телесном здоровье ближнего, предотвращать опасности его жизни, ни делом, ни содействием, ни согласиём, ни явно, ни тайно не посягать на жизнь и волю ближнего. Не возмущать внутренний покой ближнего, печального утешить, в горе поддержать, блюсти доброе имя брата или сестры и не уничтожать их, не злословить, не

оскорблять, иметь заботу о его достатке в пище, питии, одежде, предметах его труда и работы, не лишать его нужного ему ни в предметах, ни в средствах (деньгах), благоприятствовать ему в делах, в общежитии с ним быть совестным, услужливым, бескорыстным, податливым, искренним, верным, честным, почитающим его, всегда к нему благосклонным и милосердным. Не презирать его, не гнушаться им, не обижать, не уязвлять, не раздражать, не соблазнять его, не завидовать и не злорадствовать над ним; быть всегда готовым к взаимобращению, — значит быть радушным, любезным, скромным, миролюбивым, мирным, уступчивым, тихим, благоразумным, хранящим его тайну, любящим истину, легким к взаимному посещению, странноприимным, гостеприимным, к друзьям и благодетелям сердечно привязанным и признательным, готовым ко всякому одолжению, хранящим их дружбу и расположение.

Обычно человек, услышав или прочитав этот перечень, приходит в удивление ("как можно все это исполнить?!") или прочитывает это с внутренним согласием как с чем-то ему сродным и приятным. Пока читает, что-то отмечает в себе как уже исполняемое, что-то очень знакомое... Да и на том дело кончается. Труда задержаться на чем-либо он себе обычно не дает, к размышлению себя не приучает. Потому большая часть прочитанного воспринимается им либо как полезное чтение, либо как благой совет, но редко — как правило, которое бы он взял в регулярное, ежедневное рассуждение, исполнение и вечерний отчет Богу, равно и еженедельный отчет духовному наставнику.

Но не так бы надобно! Надо остановиться, задержаться на этом перечне. Выделить, что знакомо, что отчасти знакомо, что незнакомо совсем. *Знакомо не в определениях, а в жизни, в поступках!* Выделить, поставить в очередность их усвоения себе. Очередность поставить в годовое расписание на дни (или лучше на недели) или, по меньшей мере, занести каждое на отдельную карточку, а затем ежедневно вынимать из пачки одну из карточек, какая попадет, чтобы напомнить себе на день и поставить во внимание дня, размышления, исполнения.

На этапе оглашения часть этих правил может быть подхвачена воодушевлением после чтения какой-нибудь святоотеческой книги и действием призывающей благодати. В период же промежуточный между оглашением и воцерковлением, который у многих людей тянется годами и десятилетиями, эти правила вообще выходят из памяти и соблюдается лишь то, что по естеству с рождения или воспитанием как-то усвоилось и само собой держится в навыке, остальное уходит все в забвение. Там, где труд над подобными правилами становится личной потребностью, там начинается период воцерковления, который приводит к состоянию истинного христианина.

Переход от оглашения к воцерковлению зависит от решимости человека. Движение от воцерковления к истинному христианину зависит от веры, личного старания человека и его любви к Богу.

Когда мы с вами обращаемся к книгам Святых отцов, то узнаем в них о многих добродетелях. И большинство из этих добродетелей как раз и обретается исполнением правил отношений к ближним. К уже названной книге Феофана Затворника могу порекомендовать всем в качестве правильника первый том сочинений преп. Ефрема Сирина из восьмитомного издания его трудов. Есть там главы "О добродетелях", посвященные новонаначальному иноку, в которых дается

очень живой и ясный, доходчивый и простой образ наших отношений с ближними. Здесь же приводятся и примеры неправды этих отношений. Если вы возьмете эти главы Ефрема Сирина в свое правило по отношению к ближним, этого будет более чем достаточно, чтобы управлять себя в христианском нраве.

В житиях святых мы также немало читаем об этом. В период оскудения как новоначальные миряне, так и священство, и монашествующие перестают читать жития святых. Потом постепенно, если человек сохранится в своей ревности дальнейшего своего воцерковления, т.е. обретения в себе Христова нрава, он возвращается к этому чтению. Но часто проходит довольно продолжительный период охлаждения к житиям святых. Порою этот период длится три, пять, а у некоторых людей даже десять и более лет. Увы, есть люди, которые, однажды оставив жития святых, до конца жизни уже не возвращаются к ним, хотя и остаются внешне в церковных действиях и возрастают в церковных званиях. Если же мы усвоим навык чтения житий в период воодушевления, не просто прочтем без всякого размышления, а *вслушаемся*, то в период оскудения это очень поможет нам. К сожалению, многие прочитывают именно так: что запомнилось, то и несут, а чтобы укоренить, а потом управлять себя в подобный порядок, — не получается. Потрудиться над этим человек часто просто не ставит целью. А это очень важно!

Для воцерковляющегося человека немаловажно правильными действиями и особенно сердечными расположениями войти в союз и единение с Церковью. Она есть просветительница наша, подательница благодати, ходатаица и покров наш.

В Церкви Господь поставил епископов. В свою очередь епископство есть корень пастырства. Оно благодать от Бога изливает через священство на весь мир, паче же на верующих. Так никто не приходит к Богу и от Него не получает милостей иначе, как через освященные лица, посредством известных учреждений, содержащихся Церковью.

Соответственное правило поставляет быть в сердечном, мирном, любовном общении с конкретным церковным пастырем и подчинять себя ему, прибегать через его предстательство и совет за помощью к Самому Богу. В свою очередь, пастырям необходимо блюсти своих чад, радеть о них Богу, утешать, ограждать от зла, заботиться об их телесном, душевном и духовном здравии, молиться за них, предстоять Богу, милосердствовать о них, руководить их возрастанiem в меру возрасту Христова.

Правила по отношению к Церкви-просветительнице поставляет нам благоговейно почитать Священное Писание, поучаться в нем день и ночь, внимать словам проповеди, произносимой в храме, жалеть и сокрушаться, если оскудевают проповедники.

К Церкви-подательнице благодати правила вменяют радоваться и благодарить Господа за то, что Он учредил Ее, благоговеть перед Святыми Тайнами, блюсти и возгревать дар, полученный в Таинстве миропомазания, врачевать душу в Таинстве покаяния, хранить супружеский союз, вступив в Таинство брака, веровать в Таинство елеосвящения, прибегать с верою и надеждою к освящающим средствам Церкви, хранить и чтить все праздники и чинопоследования церковные.

К Церкви как защитнице и ходатаице правила вменяют: собираться на общие молитвы в храме, равно как дома молитву творить вкуче со всеми, чествовать как общие церковные праздники, так и частные — память своего Небесного покровителя. *"Праздник не праздность,— говорит свят. Феофан Затворник, — а празднование, т.е. отрадное ликование духа ради сознания великих милостей Божиих. Потому, оставив вещественные труды и всякую заботу, в чувстве льготы от них и свободы, как бы в предвкушении свободы будущего века, проводить должно сие время в Богохвалении, Богомыслии и благотворении, вообще — во спасение, и это с начала праздника по конец, с вечера до вечера. Нельзя лучше воспитать чаяние будущего века"* .

А вот что пишет святитель о Святых Тайнах: *"Стоит в Церкви непрерывная Жертва Тела и Крови Христовой, всех очищать сильная. Итак, спешите участвовать в приношении сей Безкровной Жертвы, да очиститесь, т.е. бывайте на Литургии сколь можно чаще, подавайте на проскомидию, если можете, и потом, во время совершения ея, духом сокрушенным и слезным молением привейтесь к возносимой Жертве. Когда не бываете в церкви, в тот час, как услышите звон к Достойно, молитесь о принятии жертвы и ради себя... Это сильнейшая защита Церкви, которой ничто заменить не может... Сия же жертва есть и жертва благодарения — Евхаристия. Как есть обязанность благодарить, так должно счесть обязанностью и участие в принесении сей Жертвы"*.

Святым Церкви торжествующей должно воздавать чествование, прибегать к их ходатайству, подражать им в чувствах и делах, приходить с ними в духовное единение, сочувствуя их трудам и добродетелям, вспоминать их дни, чтить их иконы, прочитывать их жития, тропари, кондаки, беседовать о них и их делах с уважением и любовью.

в) правило по отношению к самому себе

Наконец, есть правило по отношению к себе самому. Во второй заповеди Христовой мы слышим таковы слова: *"Возлюби ближнего как самого себя"*. Следовательно, необходимо по заповеди Евангельской возлюбить самого себя.

— Как? — возникает возмущение, непонимание и недоумение. Ведь возлюбить самого себя — это же эгоизм!..

Эгоизм — одно, а возлюбить себя — совершенно другое. Возлюбить себя — это значит возлюбить в себе богодарованную душу, которую мы получили при рождении. Но чтобы ее возлюбить, сначала ее надо в себе открыть, услышать. Можно ли возлюбить в себе то, чего ты не знаешь? Как обрести ее, найти эту богодарованную душу свою? Ее мы находим всякий раз, когда слышим в себе ревность о Боге. Каждый, кто возревновал о Христе, захотел креститься, воцерковиться, должен помнить, что вот это его желание и есть чаяние человеческой души. Это чаяние и необходимо возлюбить в себе. И это не эгоизм.

Но рядом с этим чаянием воцерковления вы можете увидеть и настоящий эгоизм. Например, у вас возникло искреннее желание пойти на службу. И вдруг звонок в дверь — вы открываете... на пороге человек, которому Вы нужны сейчас,

немедленно. И тут вас начинают мучить размышления, сомнения: остаться с ним, так хочется поговорить... Но я его час назад ждал... А теперь как быть? Не могу, должен бежать на службу. А может быть, остаться? — Этот момент раздвоения, эта внутренняя игра — это признак эгоизма, движущим мотивом которого является: "Как *мне* быть?".

И таким образом мы можем наблюдать много состояний, когда наша душа проявляется в искреннем движении, и тут же вдруг наваливается на нее эгоистическое желание. Эти-то желания и пасет и разжигает враг человеческого рода. Поэтому, когда Господь в заповеди говорит: "*Возлюби ближнего как самого себя*", речь идет об этих искренних устремлениях человека к Богу или же искренних устремлениях к ближнему, к нуждающемуся.

Например, заболел знакомый человек. Как быть? То ли остаться с ним, то ли пойти на службу? Верующий останется с болеющим, не оставит его, потому что он верует во Христа, верует в Бога Вседержителя, Который всеведущ и Сердцеведец. Если он сейчас не пойдет на службу, но будет помогать своему больному, родному, дорогому человеку, и будет призывать помощь Божию на его выздоровление, то он услышит в себе содействие Бога. И пребывая здесь, у постели больного, он может оказаться ближе к Богу, нежели бы был на службе, в храме. А там, на службе, он, как знать, может быть только стоял и воевал бы со своими помыслами, так и не услышав ни одной фразы.

Как распознать, где искреннее чаяние, движение души, а где эгоистическое? Где водораздел? Нужно обращаться к Евангелию, и оно станет тем правильником, который *выправляет* человека в *правильное* отношение.

Правильное понимание Евангелия для ума непросвещенного благодатью Божией очень трудное дело. В стремлении правильно понять Евангелие своим умом родилось множество различных уклонений от правильного понимания. Все секты, которые возникли за время христианской истории, родились именно из стремления к правильному пониманию Евангелия. Очень многие люди хотели найти это понимание для того, чтобы по Евангелию строить свою жизнь. Но, чтобы правильно уразуметь Евангелие, необходимо пережить встречу с содействием Духа Божия. А чтобы содействие Духа Божия в себе услышать, необходимо положить немало трудов перемены нрава, трудов церковного жителства, трудов молитвы, поста, служения своим ближним. И соответственно эту правду Евангельского порядка жизни знают только те, кто этот опыт имеет. Отсюда мы, естественно, устремляемся к Святым отцам, которые раскрывают нам правильный образ отношения к самим себе.

Что же такое отношение к самому себе? Без руководства Святых отцов, прошедших этот путь опытно, такое отношение усвоить никак невозможно. Где мы можем найти правило отношения к самому себе? Из известных и опытно испытанных книг это, во-первых, святитель Феофан Затворник, с его кажущейся простотой, но в действительности чрезвычайной глубиной. При нашем нынешнем духовном состоянии нам, может быть, довольно и двух его книг "Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться?" и "Начертание христианского нравоучения". Если ими руководствоваться в течение всей христианской жизни, то они как правильник могут устроить правильное отношение к самому себе любого христианина.

По отношению к себе есть еще важнейшие правила, без которых невозможно воцерковление. Нужно всегда помнить о себе и потому иметь скорбь, еще лучше плач о своем падении, помнить обеты крещения (которых, кстати, никто из нас толком назвать не может, а большинство с недоумением вправе воскликнуть: а разве были они?! Здесь, к слову сказать, наше бедственное положение и затянувшееся пребывание на этапе оглашения нередко связаны с нашим неведением обетов крещения и потому их неисполнением. Задумайтесь над этим. Для священника важно знать, что некоторая легкость подпадения под действие демонических сил части людей крещеных и их болезни, и даже одержимость связаны с тем, что не все закликательные молитвы были прочитаны над ними при совершении Таинства крещения, о чем пишет Симеон Солунский).

Вот еще важнейшие из правил: ищи, стремись, домогайся. *"Благодатные силы приняты, надобно теперь провести их по всему нашему существу, как проводится по всему телу через кровь кислород. Еще: зло глубоко; надобно отторгнуть его, высвободить из него естественные силы и растворить с ними принятые благодатные силы. Как это делать? — Развивая естественные и благодатные силы, освящая последними первые и проводя их сквозь них, или давая в них проникнуть. Стремление, свойственное христианам, есть внутренняя переработка их самих".*

Чтобы так поступать, нужен навык внутреннего внимания к себе и труд владения своими чувствами. Многие ли из нас хотя бы начинали этот труд над собой? Порою читающему эти строки становится томительно и скучно. Тем более, непосильным для многих трудом будет начало их практического исполнения. И, тем не менее, для того и трудится благодать Божия в период оглашения, воодушевляя человека к исполнению характера и порядка церковной жизни, чтобы ему возможно было усвоить необходимую полноту освящающих действий не только внешних, что легко, но и внутренних, что трудно.

При этом внутреннем внимании к себе нужно вместо "уважения к своей природе" сетовать и вздыхать о ее искажении по причине падения человека, вместо "верности началам гуманности" ставить верность обетам крещения; вместо "прогресса", устремляющего человека в неопределенную даль, искать почести высшего звания о Христе Иисусе.

А вот важнейшее правило по отношению к самому себе: *"Будучи воцарен над собою и облагодатствован, владычествуй над всем, что у тебя, но себя всего приноси в жертву Богу в Иисусе Христе. Сия жертва не смерть, а истинная жизнь".*

Принеси в жертву Богу ум, чтобы умудриться, т.е. не имей своего ума и не составляй своего разума, но имей ум Христов, стяжи истинную мудрость, от Бога исходящую и все обнимающую. В делах будь благоразумен и премудр, т.е. поступай согласно природе дела. Избирай нужнейшее, а в исследовании прилагай свет небесной мудрости.

Принеси в жертву Богу волю, чтобы освятиться и иметь силу. Не имей своей воли, но напитай ее правилами и началами воли Божией, чтобы воля Божия была силою, возбуждающею и двигающею силою человеческою.

Будь волею своею подвижен и скор на исполнение воли Божией.

Принеси в жертву Богу свое сердце, чтобы облаженствоваться. Не имей своего сердца для себя, т.е. не поблажай своим чувствам и влечениям, но тому давай сердце, что Бог объявил благим, радостным и блаженным. Воспитай в себе сочувствие всему святому и религиозному. Воцаряй в себе и храни непрерывный покой и сладостную теплоту как дар Божий или как добрый плод трудов. Воображение и эмоциональность как низшие способности души обуздай и приведи во власть духа. *"Умертвите уды ваша, сущия на земли"* (Кол. 3, 5). Не развлекайся, значит, не рассеивайся, приучай себя к степенности, храни чувства, т.е. бегай впечатлений, и обуздавай язык, уходи от словоохотливости. Если со вниманием приложить эти правила к себе да к ним прибавить хранение чувств и расположений сердца по отношению к Богу, мы увидим, что для христианина невозможно никакое зрелище: ни телевизор, театр или кино, ни радио, ни газеты даже. Малейшее склонение к зрелищам уже приводит в движение воображение и эмоциональность, и низшие способности души начинают воцаряться в человеке, а через них приходят в движение и силу все страсти.

Далее правила в отношении к себе вменяют воспитание тела. Должно хранить тело, дорожить его жизнью, когда нужно, врачевать, не истощать напрасно, воспитать его живым, крепким и легким, закаливать его, сделать выносливым, приспособить и обучить ко всякому назначенному служению, где глаз нужен — глаз воспитай, где рука — руку, где нога — ногу. Содержи тело в непрестанном напряжении (бодрости), бегай телесного успокоения от сластолюбия, обжорства, лени, сонливости, неги, но и благоразумно давай отдых ему, храни целомудрие, оно соблюдает как душевную чистоту, так и нервную энергию тела. Нецеломудрие, наоборот, истощает тело, развращает душу.

Не привязывайся к вещам, но все, чем владеешь, принеси в жертву Богу, т.е. стяжи, храни и употребляй по совести, как должно, равно и богатство, если дается, употребляй все во славу Божию и пользу братий, сознавая себя приставником в доме Божием. Скучность или потерю терпи, если же можешь, паче всего возлюби произвольную нищету.

Храни честь, доверие к себе и своему имени, для этого живи честно, добросовестно, по чувству долга, не заботясь о мнениях других, памятуя, что истинная честь есть праведная и добродетельная жизнь, т.е. жизнь в очах Божиих. Повышение в должности принимай как иго служения. Имей заботу о благоприятном течении дел и об устройении своей внешней жизни. Будь неутомим, во всем храни порядок, всему положи нужные меру и вес — в пище, питии, одежде, украшении дома, в трудах, отдыхе, в знакомствах и общении.

Всячески работай Господу, и сия работа всему научит лучше всяких теорий.

Таковы заповеди и правила, обязательные для христианина, собранные святителем Феофаном Затворником и вкратце мною приведенные здесь.

Кроме книг святителя Феофана Затворника, можно много почерпнуть из трудов святителя Игнатия Брянчанинова, особенно из пятого тома его сочинений. И наконец, уже упомянутый Ефрем Сирийский, первый его том. Правда, все главы этого тома предназначены новоначальным инокам, иночествующим, в связи с чем они достаточно высоки. Но, тем не менее, образ того, как надо жить, они дают, образ для нас очень ясный и простой. Иметь этот образ как эталон, к которому можно обращаться и устремляться, очень важно.

Таким образом, еще раз повторим, что в жизни церковного человека важнейшими являются эти три правильника.

На сегодняшний день мы чаще всего используем один из них — по отношению к Богу, и то очень выборочно, а два других — к ближним и к себе — фактически выпадают из нашей жизни. Неудивительно, что во втором периоде, когда начинается оскудение веры, человек, сам того порой не осознавая, постепенно просто отходит от Церкви. Сначала по нраву своему, а потом и по внешнему порядку. Сначала он пропустил воскресную службу, затем большие, даже двенадцатые праздники... Если жизнь его условно как бы вернуть назад, внимательно взглянуть в недалекое прошлое, чтобы найти причину его охлаждения, можно заметить, что он обязательно что-то пропустил в правильном отношении с ближними и с самим собой. Незначительные, казалось бы на первый взгляд, ошибки могут повлечь за собой серьезные последствия.

Отход от Церкви в период оскудения веры

Как было сказано, при вхождении в Церковь человек прежде всего обретает отношение с Богом... Господь Своєю благодатью призывая человека к Себе, ведет его удивительно точно. Поэтому сначала чувствуется такое воодушевление в молитвословии, в богослужении, в чтении Евангелия. Вместе с тем, призывающая благодать обращает внимание человека на отношение с ближними, с самим собою. В современном неустроенном церковном жителстве, где почти нет никакого руководства, многие люди все это просто пропускают мимо, вследствие чего по истечении некоторого времени не удерживаются в Церкви Христовой. Но если человек все это усвоит, приведет в некоторый навык, то навык удержит его на этапе оскудения.

На практике в период оскудения люди по-разному проходят свой путь. Есть такие, которые навыка не обрели, все время ходили по воодушевлению, в период охлаждения они очень быстро приходят к отпадению. Сначала от церковной литературы (они пресыщаются ею), от Евангелия, от Псалтири. Затем они отходят от молитвословий, от утреннего и вечернего правила, от приготовления к Исповеди и Причастию, хотя на богослужения, даже на каждую воскресную службу, они еще продолжают ходить. Затем следуют пропуски богослужений, согрешения против поста... И постепенно человек угасает в своей христианской жизни. Сначала он искренне скорбит об этом, но буквально недолго — полгода, год. Поэтому сначала все реже приходит на Исповедь, а потом и вообще перестает исповедоваться, может полгода ходить без Исповеди, а потом и целый год.

В священническом звании человек может годами ходить без Исповеди, проходя общую исповедь на епархиальном собрании, — одна минута на одного священника раз или два раза в год. Это единственное, что он может по беспечности и неведению духовной жизни оставить за собою. Со временем он и в этой исповеди уже не участвует, следовательно, совершенно ее оставляет. И это признак крайнего внутреннего выпадения из Церкви. К сожалению, такие печальные, удручающие явления встречаются нередко. Бывают случаи, когда даже люди из среды монашествующих отвечают возмущением на всякое предложение исповедоваться, приходят порой в состояние сильнейшего ропота, озлобления, духовного ослепления, ни во что не ставят своего духовника, старшего по чину или по званию...

Как ни печально это отмечать, но, к сожалению, на сегодняшний день это реальность нашего церковного жительство. И об этом должно не только говорить; необходимо со вниманием исследовать и понять, выяснить, *почему же так происходит*. Пришло время каждому христианину задать себе лично вопрос: *"Почему это может произойти со мною самим?"* и размышлением этим упредить всякую возможность такого охлаждения и отпадения из Церкви.

Сегодня подобное явление мы может наблюдать буквально как некое бедствие в Церкви. И это при том, что призывающая благодать в наше время проливается обильно, настолько обильно, что поражаешься, дивишься: сколь же велика милость Божия, и как много милостей подает Господь людям в наши дни! Содействующая благодать Божия также подается обильно, малейшее личное движение в сердце человека навстречу Богу во исполнение Его Заповедей немедленно поддерживается Господом. Только нужно быть способным к ее усвоению. Те, кто знают это по опыту, думаю, всем сердцем и душой понимают значение этих слов и знают, что это действительно так.

Следует всегда помнить слова святителя Василия Великого о том, что Дух Божий в той мере усваивается человеком, в которой *сам человек приготовлен к усвоению Духа Божия*. Святой Кирилл Иерусалимский об этом говорит еще более жестко и сурово: *"Приступил к купели Симон волхв, тело омыл водою, но сердца не просветил Духом, тело входило в купель и вышло из оной, а душа не спогреблась Христу, и не совошла с Ним. Так и ты, если останешься в злом произволении своем, не надейся получить благодать. Вода тебя примет, но дух не примет. Ибо, получающему духовную и спасительную печать (крещения) нужно иметь и свое произволение"*.

Периоды обретения человеком отношений с Богом

Наши отношения с Богом очень значимы для всей нашей жизни, и потому очень важен тот труд, который сам человек реально полагает на обретение этих отношений, а значит, на изменение внутреннего характера своей жизни, на изменение отношения к ближним, к себе самому.

Может быть, неким суровым отрезвлением для современных христиан будет следующий эпизод из Священного Писания. Приготавливая и сохраняя в ветхозаветные времена Свой народ, Господь вел его по пустыни в землю обетованную сорок лет. Почему же так долго, ведь пеший путь из Египта в Палестину составляет от силы полтора месяца? Только для того, чтобы вымерло целое поколение, которое имело *свой нрав*. Ничем другим Господь не мог предуготовить их к встрече Земли Обетованной. Оказывается, при всех действиях и дарованиях, которые своему народу даровал Господь, при всей близости Бога человеку, целый народ не мог отказаться от своего нрава. Новое поколение, отрезвленное гибелью своенравных, малодушных и ропотных отцов, пришло бы им на смену. Целому народу невозможно было перестроиться в этом отношении! Можно было только переждать, пока он умрет. Вот какова сила и глубина нашего своенравия! Вот почему необходимо перестроить и переменить свой человеческий нрав, чтобы началось усвоение нами нрава Христова, а чрез это усвоение Церкви Христовой. Нам важно поставить в неперемное исполнение всей своей жизни труд над собственным нравом.

Таким образом мы рассмотрели, какие периоды проходит человеческое служение Богу. Фактически их пять. Первые три мы рассмотрели выше. *Первый* — это новоначалное воодушевление, как в рядовом члене Церкви, так и в пастырском или иноческом служении. *Второй* период — промежуточный от оглашения к воцерковлению, период оскудения и обретения самостоятельного трудового навыка хождения во Христе, в правилах Церкви. И, как следствие этого, приобретение и переживание реального опыта жизни на этом этапе. *Третий* период — воцерковление или личный труд навстречу благодати, труд над нравом при испрашивании благодати Божией. *Четвертый* — период истинного христианства, когда слово Божие благодатью входит до разделения души и духа, и человек берет душу в свою власть, начинает *"огребатися от похотей"* (1Петр. 2, 11), подчинять ее слову, назидает ее духом *"через веру и послушание истине"* (1Петр. 1, 22), приучает ее *"предавать себя в благодетельное"* (1Петр. 4, 19), *"сердце ея обрезывает духом"* (Рим. 2, 29) и все Богоугодное, *"еже аще творит"*, заставляя творить *"от души"*, чего прежде она не хотела (Кол. 3, 23). Этот период переходит в *пятый*, (для нас, наверное, недоступный), о котором преподобный Исаак Сирийский говорит, что это период благодатных или совершенных добродетелей, период совершенства. То есть, когда человек ходит уже не по своему нраву, а освященный благодатью Божией. Это пережили многие прославленные святые, и их опыт описан в житиях, в их трудах.

Может быть, кто-нибудь из ныне живущих церковных людей тоже переживает это чрезвычайное действие благодати Божией. Господь всегда и везде Один и Тот же — и тысячу лет назад, и в XX веке, и в Египте, и в России, и в Америке.

Господь сказал, что *"созидет Церковь Свою и врата ада не одолеют ее"*, а значит, все пять ступеней духовного пути существуют во все времена. А, следовательно, существуют и все пять периодов. А значит, и в наше время есть люди, которые переживают такую же совершенную высоту, о которой мы читаем в трудах Святых отцов, в их житиях. Только эти люди сокрыты от всех. Мы недостойны для общения с ними или же, встречаясь с ними, просто их не замечаем, в силу того, что нашей человеческой натуре это несвойственно и незнакомо.

Нрав человеческий и нрав Христов

Хотелось бы обратить внимание на постепенную перемену человеческого нрава по мере его воцерковления. Ранее мы уже говорили об этом. Господь в каждого человека вложил Свой образ и призвал его к уподоблению Себе, т.е. к стяжанию добродетелей. Поэтому каждый человек, по мере своего обращения к церковной жизни, все более обретается в добродетелях. Обрести образ и подобие Божие хотя бы в конце своей жизни есть *цель и задача* церковной христианской православной жизни. В добродетелях мы обретаем нрав Христов. Изначально он уже вложен как свойство души, как нрав Божий в душу всякого человека. Более того, каждому человеку даны определенные дарования этого нрава, такие, как доброта, честность, простота, та или иная степень смирения, кротости, забота, чуткость, внимание друг ко другу, т.е. многие нравственные свойства и качества, о которых мы с вами отчасти знали даже до воцерковления.

Более того, среди народа нецерковного, неверующего мы знаем немало примеров несравненного великодушия. Кто-то из них в нравственном отношении бывает выше многих церковных людей. Кто-то более великодушен, более совестлив, более правдив, более честен, более бескорыстен, более заботлив. Мы видим, что языческий мир — мир неверующих людей, а значит, любой человек, может быть вполне исполнен определенного доброго нрава.

Но, открывая Библию, мы встречаемся с ужасными словами: *"Всяк человек ложь"*. Или же, открывая труды святителя Иоанна Златоустого, мы читаем слова о том, что всякое добро, исходящее от падшего естества человеческого есть мерзость перед Господом. От этих слов приходим в некоторое недоумение, содрогание, сокрушение: как же так? А затем, знакомясь с церковным учением, открываем, что образ Божий в человеке, а значит, Божий нрав после грехопадения получил сильнейшее искажение и извращение. Мы не имеем сейчас в себе чистоты нрава. Нрав наш нечист, искажен, извращен грехом. И это-то вполне поврежденное, помраченное дыхание нрава, нами принимаемое как нормальное и даже высокое, мы воспринимаем друг в друге, этим дыханием мы сейчас довольствуемся и радуемся, когда в ближних наших по отношению к себе встречаем доброе расположение — правдивость, искренность, чуткость, внимание, заботу. Мы радуемся, что нас окружают такие добрые, хорошие люди, хотя они всего лишь тень действительного добронравия. А иногда встречается очень грешный, злой, вредный человек (несмотря на то, что давно, лет пятнадцать как церковный), однако в нужде он может услышать боль, вовремя подойти, утешить, помочь. В человеке всегда остается что-то хорошее, и эта малость иногда оказывается значительной. И мы должны быть благодарны этим людям, людям, которые нас окружают и которые сохранили в себе начатки образа Божия. Даже в себе самих мы иногда чувствуем эти свойства, это дыхание Божественного нрава.

В то же время, по мере нашего воцерковления, мы вдруг обнаруживаем свой нрав, который доселе считали хорошим, а теперь совсем не соответствующим нормам церковной жизни. Степень некоторой лжи, которую мы прежде использовали в наших отношениях с ближними, или с начальством, или в государственных учреждениях, воспринималась вполне нормально и имела свое оправдание. И вдруг для нас открывается, что это тоже грех! Та мера некоторого обмана, лукавства отношений с ближними ради какой-либо корысти, которую мы раньше воспринимали как некую предприимчивость, способность устроить свою жизнь или жизнь своих ближних в этом мире и считали это вполне нормальным, сегодня уже воспринимается как грех. Мы понимаем: так жить дальше нельзя. Есть еще много-много другого, в чем сейчас каждый приносит свое покаяние и это исповедует как грех. Так, человек постепенно, вступая в церковную жизнь, начинает исполняться душевного сокрушения.

Вспоминаются слова преподобного Серафима Саровского, который заповедовал своим духовным детям: *"Стяжите дух мирен"*. Это значит, что мы должны исполняться Духа Божьего, чувствовать прикосновение благодати Господней к себе, ею животвориться, ею вершиться в своей жизни, в чувствах, мыслях и поступках.

Что нужно иметь, чтобы стяжать дух мирен? Преподобный авва Дорофей говорил, что Дух Божий стяжается только добродетелями. Это означает то расположение сердца, то движение воли и то настроение нашего ума, которое угодно Богу, оно и привлекает к себе благодать Божию. И ничем другим благодать Божию, кроме как

правильным, Богоустановленным расположением сердца, воли и нашего ума, нельзя к себе привлечь. Такое расположение сердца и является добродетелью. И лишь добродетелями можно стяжать в себе дух мирен, Дух Божий. *Без добродетелей спастись нельзя.*

Что же есть добродетели? Добродетели есть нрав Господень. Господь явил нам всю полноту добродетелей в земном Своем жительстве. Затем даровал нам бесчисленное множество разнообразия и тонких проявлений добродетелей в Своих угодниках. А превыше всего — в Самой Матери Божией. Почему же в них мы открываем для себя эту бесконечную доброту добродетелей Господних, эту удивительную тонкость и разнообразие нрава Христова? А потому, что угодник Божий есть тот, кто в Таинствах покаяния, очищаясь от греха, дальше идет к Таинству Причастия, сочетается с Богом в Таинстве Тела и Крови Его и усваивается Христу, вмещая в себя Самого Господа. Господь в Таинстве Причастия совершает с ним ту полноту Своих Божественных дарований, а значит, Своих добродетелей, каковую Сам в Себе несет.

Читая Евангелие, мы открываем для себя всегда вновь и вновь доселе неизвестный удивительный образ Господень и в образе Христа знакомимся со всеми человеческими добродетелями, которые затем расцветают яркими красками в цветах Христовых, коими является множество угодников Божиих. Мы обнаруживаем, что множество добродетелей удивительны в своем проявлении и совершенно непохожи, совершенно отличны для каждого святого. Например, все святые имели одну и ту же добродетель — смирение. Но в каждом она по-разному совершалась. То же самое можно говорить об иных добродетелях — любви, простоте, рассудительности... У иных возникнет вопрос: почему так? С одной стороны, это объясняется личными особенностями характера самого угодника, особенностями, которые благословлены ему Богом от его рождения. А с другой — это то присутствие Божие в нем, чрез которое Господь столь разнообразно, неповторимо являет Самого Себя, Свой нрав, Свою бесконечность и неповторимость добродетельных дарований. Вчитываясь в жития святых или же в труды Святых отцов, в которых описаны те или иные добродетели, мы видим дивные образцы и примеры добродетельного жительства, отношения к Богу, к ближним, самому себе и окружающим вещам.

Чтобы спастись, необходимо *два условия* — это стяжать Дух Божий и обрестись в добродетелях, которыми и стяжается Дух Божий. А как это возможно? Это возможно только в Церкви, потому что, чтобы обрестись в добродетелях, необходимо при содействии благодати Божией увидеть, распознать те душевные качества, которые в человеке уже естественно присутствуют, заложены в душу Богом при рождении.

Если святые имели эти богодарованные душевные качества, значит, и каждый человек имеет их, ибо каждый человек сотворен по любви Божией как самобытное, непохожее на другого существо. Господь настолько любит каждого, что всякого сотворил особенным образом. Ни один человек, который родился когда-либо на земле, не похож на другого, в чем-либо он все равно отличен. И это-то личное дарование, которое несет каждый человек в себе, дарование начал добродетелей и должно быть восстановлено, возрождено в человеке его жизнью в Церкви.

По причине того, что мы постоянно согрешаем и грехами искажаем, извращаем добродетельный характер своей жизни, дыхание образа Божия, дыхание Божественного нрава у нас сильно искажено. И только в Церкви, с помощью Таинств, возможно будет очиститься от того искажения, от греховного груза, который человек в себе имеет. И поэтому, вступая в церковную жизнь, человек проходит обычно следующие этапы.

На первом этапе он входит в церковную жизнь как человек грешный, но совершенно не осознающий своих грехов, и первые годы своего церковного жительства открывает для себя свою греховность. Для него оказывается полным откровением обнаруживать в себе множество грехов, перечисленных в книжках, приготавливающих нас к исповеди. В этот период некоторые люди настолько увлекаются раскапыванием своих грехов, что ценят лишь те книжки, в которых перечисляется как можно больше грехов. Некоторые авторы настолько оказались "отзывчивы" на эту человеческую потребность, что составили списки, в которых перечисляют по полторы тысячи видов согрешений. Погрузившись в такую книжку, некоторые приходят в полное отчаяние, а иные полагают, что от грехов избавиться вообще нельзя и оставляют всякую исповедь... Мы наблюдаем пагубное влияние таких горе-книжек. Христианину вполне достаточно одной книги, которая приготавливает к исповеди и перечисляет основные восемь страстей и наиболее распространенные греховные поступки. А все остальное Господь Сам откроет в ходе движения к более глубокому покаянию.

В первые пять лет человек, открывая в себе грехи, в действительности встречается лишь с частью своего греховного нрава. Причем некоторые свойства, которые он раньше воспринимал как нравственные, добрые, вдруг открываются для него как грехи. Происходит некоторое осознание, качественная переоценка своего нрава. Но все-таки самих глубин нрава человек еще не касается. И первые пять лет такого воодушевленного жительства в Церкви он с некоторою ревностью исповедуется, составляет даже целые "простыни" перечисления своих грехов. Однако ближние его серьезной перемены в нем не замечают. Внешний порядок жизни в нем явно переменяется... А нрав? Сознание грехов, конечно, открылось, он во многом теперь признает себя грешным. Более того, он даже ближним своим начинает признаваться, просит прощения... Но нрав человека при этом не меняется. Порядок его жизни действительно изменился — он раньше не ходил в церковь, сидел перед телевизором, или же ходил в парк отдыха, или занимался своими делами. Теперь он ходит в церковь, читает молитвы, постится, читает много церковных книг. Но нрав на первом этапе не претерпевает изменения. Меняется лишь внутреннее осознание себя. Иногда по отношению к ближним человек становится даже более нетерпим, чем прежде, даже ожесточается.

Отсюда человеку очень важно, находясь на первом воодушевленном периоде, исполнять труды по изменению своего нрава, услышать, что Церковь для того подает ему руку, чтобы он из своего личного сегодняшнего нрава начал двигаться в нрав Божий, а значит, в нрав Христов. Ради этого читается Евангелие, труды Святых отцов, ради этого подаются ему правила церковной жизни. И если он начнет трудиться над изменением своего нрава не только сознанием своих грехов, не просто изменением внешнего порядка своей жизни, а *изменением характера*, то этот труд, проделанный на этапе воодушевления, будет основанием для сохранения его полнокровной церковной жизни в следующий период перехода от оглашения к воцерковлению.

Мы говорили, что в этот период призывающая благодать уступает место самому человеку, а содействующая еще не подступила — Господь ожидает от человека его собственных трудов. Поэтому труды человеческие должны быть начаты еще тогда, когда воодушевление животворит человека, когда он дыханием призывающей благодати Божией с легкостью молится, с легкостью идет на службу, постится, читает книги Святых отцов. Эту-то легкость ему обязательно надо повернуть в очень важные действия своей жизни — начальную *перемену своего нрава*. Не трудно идти исповедоваться, легко идти признаваться во грехах, выписывать десятки грехов за собою, но этого недостаточно. Важно научиться действительно *изменяться в характере своих поступков*, в характере своего поведения, своего отношения к ближним, к Богу, к себе. В этом и заключается истинное покаяние.

Эту-то перемену своего отношения к ближним, а значит, перемену своего нрава, часто, к сожалению, опускают. Воодушевленные, восторженные люди не подозревают, что с переменой одних только эмоций нрав никак не меняется. Тот, который был самодостаточен, обретаясь в Церкви Православной, таковым же *самодостаточным и остается*. С этой самодостаточностью он обрушивается теперь на других, с огромной силой энергии, воодушевления (но все в том же своем нраве), пытается, например, воцерковить своих ближних. Сколько горя, беды причинено при таком действии на первых этапах нашего воцерковления, потому что не меняется собственный нрав! Человек при этом никакого труда относительно себя не полагает, большинство, к сожалению, даже не подозревает о таковой необходимости. Если же человек этот труд совершает, будучи воодушевленным, то при переходе на следующий период своей церковной жизни именно этот труд становится для него спасительным.

Святые отцы постоянно говорили: "Понуждай себя". Мы обычно понимаем, что эти слова обращены к молитве, но очень часто забываем, что эти слова обращены и к нашему нраву. Мы слышим проповеди священников, которые говорят о *необходимости изменения своего нрава*, слышим Евангелие, но, к сожалению, *глухо наше сознание*, не потрудившееся на этом поприще.

Если посмотреть годовой цикл, круг Евангельских чтений, то можно увидеть, что две трети Евангельского содержания, которое читается во время Богослужения, открывают нрав Христов и назидают человека на его обретение. Оказывается, что труд над собственным нравом является самым емким моментом в духовной жизни человека и человек часто оставляет это вне внимания. Это и послужило причиной множества уклонений от Православия, постоянных немирных и не болезнующих друг о друге разногласий и внутри Православия, постоянных по нраву уклонений человека от Церкви, от ее характера жизни. *Потому что не хочет человек отложиться от самоугодия и своенравия, не хочется трудиться над нравом, трудно это делать*. Человек любыми путями пытается убежать от этого труда, стараясь сохранить себя в Церкви различными самооправданиями и утешениями. Святитель Феофан Затворник говорил об одном из покровов сердца, наиболее стойком и очень глубоком и часто не сознаваемом человеком — это *покров беспечности*, который удерживает человека вдали от всякого труда над собой.

Человек находит массу оправданий, лишь бы не трудиться над нравом. И вдруг однажды он изумленно застывает над Евангельскими словами: *"Когда хозяин дома затворит двери, тогда вы, стоя вне, станете стучать в двери и говорить: Господи, Господи! Отвори нам; но Он скажет им в ответ: не знаю"*

вас, откуда вы" (Лк. 13,25). Человек задумывается, не может уразуметь эти слова... Ведь он тоже постоянно повторяет: "Господи, Господи!" — в утренних и вечерних молитвах, канонах, молится на службах. Он и Иисусовой молитвой занялся, четки приобрел. Теперь он так много раз призывает Господа, что и не счесть... Как же понять, что значит "не знаю вас"? Оказывается, Господь имел в виду, что *не знает человека, не потрудившегося над своим нравом*. Много труда ушло на молитву, порой по десять часов кряду, столько раз было сказано: "Господи!", а что изменилось в нраве? Стяжал ли человек дух мирен, радеет ли о том, узнает ли в себе факт содействия Духа Божия? Не подобен ли он тем членам общины, которым Апостол Павел говорил о Духе Божием, а они ему отвечали, что не знают, есть ли Дух Божий... Они не знали в своей жизни факта содействия Духа Божия. Вот как надо понимать Евангельские слова: можно много молиться, но если в нраве не изменишься, в добродетелях не обретешься, то не сможешь стяжать Духа Божьего. И если однажды человек серьезно задумается над этими слова Евангелия, переживет потрясение, тогда всерьез начнет трудиться над своим нравом.

Самомнение, своенравие, своеволие

В человеке присутствует *три* очень сильных основания, которыми противится его падшая натура усвоению нрава Христова. *Первое* из них — порабощает его ум, это **самомнение и своемнение**; *второе* — порабощает его сердце, это **своенравие**; и *третье* — порабощает его волю, это **своеволие**. Все три составляют падший нрав человека, они в совокупности и являются его *безнравием*, т.е. отсутствием нрава Божия. Безнравие — это мерзость запустения. Мы часто под словом "мерзость запустения" ищем то, что есть во вне... Так оно чаще всего и бывает. Церкви, уклонившиеся в ересь, города, деревни, в которых нет церквей, живут в мерзости запустения. Но и душа человеческая, которая вся обращена в эти три самоугодных гордых основания, тоже находится в мерзости запустения.

Давайте остановимся на этих трех. Первое основание — то, что порабощает человеческий ум — *самомнение*. Каждый человек его имеет предостаточно. Одни имеют о себе мнение как о человеке достаточно хорошем, благонравном, добром, способном, развитом, высокообразованном. Например, один говорит: "Я образованный человек". Почему? — "У меня диплом высшего образования". Другой говорит: "Я тоже образованный человек, хотя и ниже тебя, потому что у меня аттестат зрелости за среднюю школу, но я закончил ее на "4" и "5". А другой говорит: "А я зато закончил на серебряную медаль", а третий говорит: "А я на золотую". В этот момент они выказывают *самомнение*, потому что человек сам выбирает себе критерий, которым оценивает себя и через то претендует на определенное отношение к себе людей.

Святитель Феофан Затворник рассматривает в книге "Путь ко спасению" такое *самомнение*: "Я христианин". И это самомнение "дает" ему право теперь всех непременно воцерковлять. А есть ли на это благословение Божие? Но человек не вникает в Промыслы Божии, не слышит воли Божией. Он имеет самомнение, что христианство — это лучше, чем нехристианство. И он считает своим долгом воцерковить всех — колдунов, баптистов, атеистов, всех своих соседей и родственников, руководствуясь при этом лишь своим самомнением. В самомнении человек не предается в руки Божии, не руководствуется волей Божией, не она составляет ценность его жизни. Ценность в его жизни *он сам*.

Другим основанием является *своемнение* — это значит иметь *свое мнение* на все и вся вокруг. Это крайне тяжелое заболевание человеческого ума. Постараемся проникнуть в суть этого и понять, в *чем* же заключается его тяжесть.

Уверовавшему человеку необходима встреча с нравом Христовым. Величайшей возможной встречей со Христом для каждого христианина является встреча в Таинствах. Часто иных личных отношений с Господом мы не имеем. Ведь сейчас Господь среди нас телесно не пребывает, и поэтому мы не можем встретиться с Ним воочию, так как друг с другом встречаемся повседневно. Откуда мы сможем познать нрав Христов? Есть только три источника: Таинства, где Господь подает Свою благодать, Слово Божие, Евангелие, а также труды Святых отцов, раскрывающие его содержание. Святые отцы раскрыли для нас в своих творениях образ Христа. Образ нрава Христова мы сможем узнать только с помощью Евангелия и святоотеческих трудов.

Своемнение — это способность человека обо всем составлять свое немедленное (или же после некоторых трудов) суждение о том или ином явлении, вещи или событии. Давайте представим, как встречается с Евангелием не жажда нрава Божьего, а человеческое своемнение. В этом случае человек составляет свое, личное мнение о прочитанном. Например, он читает Заповедь Божию: "*Блаженни нищии духом*". И приходит в ступор. Своемнению не на что опереться. Многие помнят, наверное, первую встречу с этой заповедью... Какая-то полная тайна в этой Заповеди, совершенно неведомо, о чем в ней говорится... Постепенно читая святоотеческие толкования, человек потихоньку-потихоньку начинает вмещать в себя содержание этой заповеди. И с какого-то момента он, как ему кажется, ясно понимает, что это такое. И говорит: "Теперь я понял Заповедь Божию". Увы, с момента, как он сказал "понял", и началось торжество его своемнения. Потому что не *уразумел*, а *понял*. А эти два слова имеют различное содержание.

Слово "понял" подразумевает под собою "взять", схватить, владеть. Так гордый человеческий ум, оставаясь вне Бога, пытается объять собою окружающий его мир. Но ум человеческий ограничен. Ни глубину, ни высоту, ни широту, ни долготу мира, микро и макрокосмоса он реально объять не может. Тогда гордость человеческая идет иным путем. Она составляет свое суждение о глубине или высоте, о широте или долготе, о качестве или свойстве, о характере или настроении. Этому суждению придает законченный вид и тем удовлетворяется, полагая, что в предмете или событии, или явлении ничего более нет.

Действительно, в мире вещественном все предметы имеют законченный вид. Этот вид может быть описан, повторен. Возьмите камень, или дерево, или стол. Внешний образ закончен, а причина образа, равно как и причина вещества, из которого предмет сделан, может уходить в труднодостижимую глубину. Об этой глубине человек составляет некоторое суждение, которое вначале есть гипотеза, предположение или своемнение. Чем более человек отлагается от себя и дает место самому предмету или явлению с его предметными свойствами и различными проявлениями, тем ближе его суждение к самому предмету и явлению, и так продолжается, пока не совпадает с ним вполне. Но с этого момента уже нет человеческого суждения о предмете, остается для человеческого созерцания сама реальность предмета. Умение смиряться перед реальностью предмета, а значит, отлагаться от своемнения или суждений о предмете и есть особенность чистого созерцания, которая усвоена умом человеческому Богом.

Увы, греховное помрачение ума, впадение его в гордость и подчинение ей обрекли человека идти в своем научном поиске не путем чистого созерцания, а методом постепенных суждений и испытаний их в практике или опыте. Чем более человек схвачен гордостью, тем мелочнее его суждения. Он не задает себе труда всматриваться в глубину.

Едва схватив внешние проявления предмета, уже составляет свое мнение о нем и, вполне довольствуясь, опирается на него в своем обращении с ним. Так, мудрецы с завязанными глазами давали вполне уверенные и высокоумные описания слона один по ноге его, другой — по хоботу, третий — по хвосту. Или историки и писатели разных толков и уровней дают свое описание одних и тех же исторических событий. На этом же держатся все слухи, которыми так любят жить люди. По тому же механизму возникает множество ссор и взаимного искаженного или неправильного понимания людьми друг друга. Из этого рождается множество своеобразных толкований Евангелия, которые становятся причиной многочисленных сект.

Чистое созерцание свойственно только смиренному уму, а глубина и простота созерцания свойственна только Духу Божию.

Отсюда выдающиеся открытия в науке могли совершаться людьми достаточно смиренными и простыми или в тот период их жизни, когда им свойственна была простота.

Теперь вернемся к нашим двум словам. Слово "понял" относится либо к реальности, имеющей вид действительно законченный, либо к суждению человека, которому он сам вопреки предмету придает свойство законченности. Последнее и есть своемнение.

Слова "уразумел", "разуметь", "разумение" относятся не к законченности какого бы то ни было уровня предмета или явления, а к глубине его, которая касательно предметов божественных остается всегда бесконечной, непостижимой.

В таком случае производное от "понял" слово "*понять*" означает взять, схватить, усвоить, овладеть каким-либо знанием. "Понял", значит, что предмет моему дальнейшему исследованию, изучению, более не подлежит. "Понял", значит, взял во владение, в собственность. Благодаря такому способу действия нашего рассудка можно взять во владение землю, вселенную, атом и даже Бога как понятие. Но ни Священным Писанием, ни Богом человек владеть не может. Сколько бы он ни ограничивал своим пониманием Евангелия, оно останется для него непостижимым. Поэтому Церковь о духовных явлениях и об Истине говорит как о подлежащих *уразумению*, т. е. бесконечному, неограниченному постижению. Разумеющее сознание отлагается от самости, гордыни, смиряется перед величием Божественной истины и из этого-то смирения трудится над ее разумением. В попытке уразуметь человек исполняет три последовательных этапа. Первый — усвоение услышанных или прочитанных знаний. Второй — размышление, духовное рассуждение над ними. При размышлении мы привлекаем об этом же предмете суждения других святых отцов, их духовным разумением вглядываемся в тот же предмет. Третий — проверка жизнью, испытание, исполнение в жизни. Душа, исполненная смирения, приобретает благодатное освящение и благодаря этому начинает иметь духовное разумение о том или ином предмете.

Понятийное сознание обычно останавливается на первом этапе и им удовлетворяется. Более того, оно полагает, что предмет действительно есть то, что содержится в понятии о нем. Здесь начало надмения, самоуверенность, самодовольство, в то время как уразумение и рождается в смирении и им же совершается в своем развитии, углублении или восхождении к Богу. Понятийное сознание скажет "*я понял*". Разумное скажет "*мне ясно*".

В святоотеческих трудах прошлых веков мы не встретимся со словом "понял", "понимать". Там же есть слова "разуметь", "уразуметь" — значит постоянно встречаться с истиною Господнею, но никогда ее не постичь до конца, не достичь вершины, всепонимания. Ибо истины Божии бесконечны. Понятийное же сознание человека — это

своемненческое сознание, оно обо всем составляет свое мнение, свое понятие. Получив это понятие, сформировав его, вменяет себе в достоинство, гордится этим.

Оно ни в чем не знает глубины, но обо всем имеет свое мнение. Оно на все может смотреть просто, но это будет или простота неверия, или простота страсти. И по тому и по другому человек может быть откровенен, порой до дерзости, и в этом будет весь секрет его простоты.

Вот что говорит преподобный Макарий Великий о таком сознании: *"Тех, которые возвещают духовное учение, не вкусив и не испытав онаго, почитаю я подобным человеку, летом в жаркий полдень идущему по пустой и безводной стране; потом от сильной и палящей жажды представляющему в уме своем, будто близ него находится прохладный источник, имеющий сладкую и прозрачную воду, и будто он без всякого препятствия пьет из него досыта; или человеку, который нимало не вкусил меда, но старается другим изъяснить, какова его сладость. Таковы, поистине, те, которые самым делом и собственным дознанием не постигнув того, что принадлежит к совершенству, освящению и безстрастию, хотят наставлять в сем других. Ибо, если Бог дарует им хотя несколько почувствовать то, о чем они говорят, то они, конечно, узнают, что истина и дело не походят на их рассказ, но весьма много различествуют от него"* (Сл. о возв. ума, гл. 18).

В таком смысле своемнение является одним из самых тяжелых врагов сегодняшнего воцерковления человека. Современный человек реально почти не способен обрестись в нрав Христов или начать путь по этому обретению, пока не уразумеет, не откроет в себе своего своемнения. Понять в себе своемнение — это сформировать еще одно мнение, а уразуметь его в себе — это совершить победу над собой, продвинуться к духовной жизни, пережить покаяние. Этапы уразумения описаны у святителя Феофана Затворника в его книге "Что есть духовная жизнь и как на нее настроиться". Пока эти пять этапов человек не пройдет, уразумение слова Евангельского или святоотеческого совершиться в нем не может. Это серьезный, жизнью совершаемый духовный труд над содержанием своего ума.

Второй камень в сердце — своенравие. Своенравие поражает человека до самой глубины души, прежде всего оно проявляется в характере его отношений с окружающими. *Своенравие* — это способность устойчиво хранить определенный порядок, определенный характер отношения к окружающему. Причем в определенных ситуациях вести себя одинаковым образом.

Обычно всех людей мы различаем по своенравию. На бытовом уровне это выглядит так: "Катерина Васильевна в такой ситуации всегда приходит в ярость", "Геннадий Иванович всегда сильно обижается", "Леночка в этих случаях всегда вступает в упрямство", "Николай в данной ситуации всегда впадает в истерику, бросает вещи, хлопает дверью и убегает"... Кто-то всегда высокомерен в отношениях с определенными людьми, с другими — всегда переживает гнушение (люди для него всегда омерзительны и противны), по отношению к третьим — он всегда чуть свысока. Иной человек по отношению к определенным людям всегда слуга, другой — как лягушка перед удавом, один упрям, другой мнителен, третий хвастлив. Настойчивость, неотступность в своем характере и есть своенравие, устойчивое расположение души, которое человек проявляет в определенных ситуациях. И чаще всего своенравие не осознается самим человеком. И даже там, где он начинает в себе это осознавать, глубины своенравия бывают для него недоступны. Фактически переменить своенравие в тех или иных ситуациях, т.е. совладать с собою, для большинства людей за долгий период их оглашения почти невозможно.

Бывают случаи, когда человек много трудится над тем, чтобы измениться в отношении с окружающими людьми. Допустим, человек замкнутый. Как только он попадает в общество людей, сразу в нем что-то такое замыкается, и он не может в себе этого одолеть, он и так и эдак поступал, он много раз исповедовался, каялся в этом, пытался что-то переменить, изменить. Но как только попадал в характерную ситуацию, в нем все возвращалось на круги своя.

Своенравие человека неуправляемо. Если мы посмотрим еще глубже, то увидим, что *своенравие лежит в основании падшего характера человека*. Полностью вскрыть человеческое своенравие способна только освящающая благодать Божия.

Когда мы обратимся к современной психологии, которая имеет большие достижения (особенно западная), то увидим, что она фактически занимается изучением своенравия человека, т.е. она в своих исследованиях не выходит за пределы своенравия. Много в этой области исследовано, многое изучено, обнаружены глубочайшие механизмы формирования, действия своенравия, и на них основаны многие психологические методики, которыми психотерапия успешно помогает людям. Но до какого-то момента. А далее психотерапия помочь человеку уже не может. Даже такие выдающиеся методики, которые основаны на исследованиях Нобелевского лауреата американского ученого Эрика Берна и его школы, дают результаты только на три-пять лет. А дальше человек все равно сталкивается со своим своенравием, которое всплывает из глубин, и которым он опять же владеть не может. Эту глубину подсознания человека, (а в подсознании и лежит самая глубина своенравия человеческого) ничем невозможно вскрыть, кроме как действием благодати Божией.

Господь, когда призывает человека к Церкви, зовет его к тому, чтобы он начал открывать самого себя. Это и происходит с помощью Божией. Господь в одних случаях бережно, а в других и сокрушительно, (но всегда лечебно, точно) открывает человеку его своенравие, и посредством этого припадения к освящающей благодати Божией человек начинает исцеляться покаянием от него.

Наконец, третий камень — это своеволие. Не будем на этом останавливаться подробно. Об этом достаточно много сказано выше.

Оно есть исполнение человеком потребностей либо самоугодия, либо человекоугодия, либо самодовольства (самоуверенности, гордости-самодостаточности). В любом случае за своеволием стоит какая-нибудь корысть. Иначе человеку незачем идти против воли Божией, незачем игнорировать, не замечать ее или не для чего переделывать, толковать ее на свой лад.

Своеволие запрещает в человеке почитание, ибо оно чтит только себя. Оно не знает послушания, ибо запрещает веру, заглушает ее, окаменением умерщвляет ее, так что человек со временем совсем перестает слышать Бога. Своеволие, движимое гордостью, в своих дерзких выходках бросало открытый вызов Богу.

Своеволие боится искренних, доверительных отношений, во всем делает все, как само хочет, желает гарантий, сомневается в обстоятельствах, в предстоящих событиях, не доверяет людям, боится предать себя в волю наставников, духовников, оставляет последнее слово и выбор за собой, долго примеряется или, наоборот, необдуманно и решительно действует, надеется на себя или, наоборот, сомневается в себе, колеблется в нерешительности.

Таким образом, три свойства падшей природы человека отлагают его властным образом от Христа. И если бы не благодать Божия, то человеку невозможно было от них спастись.

Пять шагов преодоления безнравия

Необходимо обозначить этапы обретения, восстановления в себе Божьего нрава, которые проходит человек в процессе своего воцерковления. Много людей (говорю из опыта нынешнего состояния жизни в Церкви) дальше той или иной степени воцерковления не идут. Большинство же и вообще остается на этапе оглашения.

Перечислим все пять шагов.

Первый — встреча с Божественным нравом во святых посредством книг и одновременно начальное узнавание в себе своенравия и отвержение его происходит в течение всего периода оглашения.

Первый шаг совершается в период воодушевления. Это *этап встречи с богодарованным нравом при помощи литературы*. В это время человек с большой ревностью читает довольно много. Это книги о грехах и о Божественном нраве в человеке. Где это раскрыто? В житиях святых угодников, которые он с любовью читает. При этом труда над собственным нравом не происходит, но полагается начало его осознанию. Правда, чтобы это произошло, нужно положить труд размышления над житиями святых. Если человек просто читает и воодушевляется чтением, а потом живет этими воодушевлениями — ахами и охами, восторгами, рассказами и пересказами, то никакого осознания *собственного* нрава не происходит.

Сейчас среди современных христиан, к сожалению, существует такая тенденция, когда все прочитанное пускается в непременно разговоры, назидания, наставления всех и вся, человек как бы вооружается начитанностью и начинает активно демонстрировать это, назидая каждого встречного и поперечного. Сознание нрава есть всегда труд, поэтому очень важно размышлять над житиями святых, освящаясь ими и сопоставляя *со своей жизнью*, сознавать *свой* нрав, равно и осознавать *свое* безнравие. Осознание своего безнравия происходит по причине призывающей благодати Божией, поэтому на этапе воодушевления мы много каемся, исповедуемся...

Остальные этапы, о которых пойдет речь дальше, совершаются во время второго периода трудничества, когда благодать призывающая оставляет, а благодать содействующая постепенно приступает к человеку. По мере того, как человек становится в это содействие Божией благодати, он совершается на втором периоде своей жизни. Этот период у большинства совершается на протяжении от десяти лет до конца жизни. Большинство людей, по опыту Церкви, дальше второго периода своего воцерковления не идет.

Во время **второго шага**, при переходе от оглашения к воцерковлению, мы, бывает, вообще оставляем исповедь — на месяц, на полгода, а то и даже годами не исповедуемся. В это время открывается, что одно осознание себя грешными в период воодушевления совсем не достаточно. Надо полюбить заповеди Божии и

ради них научиться отлагать самоугодие, а еще сознавать в себе нрав Божий, чтобы затем научиться его поддерживать.

Когда наступит переходный период, навык отложения самоугодия сильно поможет. В это время важнейшим условием осознания своего нрава являются *наши ближние*. Безнравию будет очень трудно встретиться с упреками ближних. Трудно встретиться с их наставлениями, с их указаниями на наш характер, на те или иные кривые стороны нашей жизни, на неправду нашей жизни. Они будут указывать на наше своенравие. Если его не осознать, то и освободиться от него невозможно, а значит, высвободиться от своенравия невозможно. Поэтому второй этап обязателен. Но он трудный, потому что трудно услышать от ближних, *каков ты есть на самом деле*.

Наш труд в это время — это труд сознания в себе своего безнравия. Сознать — признаться — повиниться и тем примириться с ближними. И далее: сознать — исповедаться — разрешиться и тем примириться с Богом.

Со стороны Бога в это время может дароваться внутрь благодарное озарение, как удар света, выявляющий грех и рождающий покаяние. Тогда человеку нужно покаяться Богу и примириться с ним.

Покаяние может дароваться как вслед за сознанием грехов, так и непроизвольно для человека, порой неожиданно для него.

Чаще всего на этом трудносознаваемом этапе человек сторонится характеристик ближних. Но если он наберется мужества, начнет трудиться над этими характеристиками, принимать эти упреки и прилагать их в труд по сознанию самого себя, то тем самым он совершит труд второго шага. И выйдет этим **к третьему шагу**, который принадлежит уже собственно периоду воцерковления.

Этот шаг, когда нрав еще вполне не создается человеком. С помощью чего же христианин сможет встретиться с ним, каким образом он будет над ним трудиться? Труд на этом шаге совершается *над Заповедями Божиими*. И когда человек стремится к исполнению Заповедей Божиих или же характера и образа жизни святых угодников, о которых прочитал из книги, он вдруг наталкивается в себе на какое-то препятствие, которое его останавливает. Он, казалось бы, уяснил себе, как надо исполнять, услышал действие святого в том или ином обстоятельстве, даже начал исполнять. И вдруг возникает препятствие — образ в нем расплывается, событие совершается, а Заповедь не исполнена, что-то не пускает к ней, что-то совсем ее извращает. Эта встреча с *чем-то*, что мешает человеку исполнить заповедь. Так иногда происходит встреча с несознаваемым нравом. При такой встрече человек, имеющий молитвенный опыт, сразу обращается к Богу. Поиск содействия Божия в том, чтобы миновать это борение природы, не всегда понятное, часто неясное, иногда как неизъяснимое томление, или малодушие, или явный грех, влечение. Обращение к Богу, молитва, искренняя просьба о Господней помощи и есть то единое средство, которое поможет человеку выстоять в нелегкой ситуации. Это время третьего шага, когда мы убеждаемся, что Покаянный канон, Канон к Матери Божией, Канон к Ангелу Хранителю по своему содержанию как раз и являются этими просительными обращениями к Богу при встрече со своим безнравием. И тогда человек вступает в шаг открытой встречи с безнравием.

Каким образом это происходит? При помощи трех действий. Первое — *отвержение мирских привычек жизни*, второе — *покаянием или очищением от своенравия* и третье — *смирением*.

*Началом смирения является **отвержение всего того, что мешает исполнить послушание** или свои обязанности в полноте.* Чтобы смирение воцарилось в человеческом сердце, человек должен возжелать беспрекословно исполнять волю Божию. Поэтому смирение — это не некое размягчение и ничегонеделание, как это часто представляет себе светское сознание, смирение — это деятельная сила в человеке. Ибо **сердцевиною смирения является жажда исполнить волю Божию**.

Когда эти три действия — отвержение мирских привычек, уклонение от своенравия и смирение, — оживают на **четвертом шаге**, тогда в человеке начинают проявляться *силы души и начатки добродетелей, которыми возможно исполнение Христовых заповедей*.

Искренним покаянием, покаянным плачем, теплою молитвою, дерзновением — всем тем, о чем мы сегодня даже близкого представления не имеем, но чем богат опыт нашей Православной Церкви, человек выходит на **пятый шаг, этап возрождающегося** нрава или естественных дарований души. Чем же естественный нрав возрождается? Послушанием воли Божией. Здесь уже человек явно слышит Божии Промыслы, чувствует Божие благословение и по ним идет, ими живет, ими послушается и тем при содействии Божиим восстанавливается в своем богодарованном нраве.

Размышления о любви и радости у Гроба Господня

В своей церковной, новоначальной, огласительной ревности о Церкви и о Православии мы имеем любовь, но эта любовь узкая. Она распространяется только на тех, кто делает так же, как мы. На других она уже не распространяется, таких в лучшем случае активно воцерковляем, а в худшем — просто ненавидим, от них ограждаемся, а в еще более худшем — гнушаемся их, боимся прикоснуться к ним. Упаси Бог, вдруг какая-нибудь их "скверна" коснется нас, поэтому лучше с ними вообще не общаться.

Не такой была Православная Россия. Большинство народов малых национальностей просилось в подданство к Русскому Царю, потому что Русский Царь был Православным. Православие открыло границы и признало узбеков, казахов, бурят, якутов, киргизов. Очень много народов и народностей пошло под власть Русского Самодержавия. Почему так произошло? Думается мне, что по широте любви православного человека, любви, которая была не чужда Русскому Православному Царю, русским православным людям на протяжении всей русской истории. Ведь любовь простирается даже до заповеди "*возлюби врага своего*".

И мне думается, что здесь, у Гроба Господня, в нынешнее время, видимо, осталось единственное место, где широта Господней любви проявляется въяве как высочайшая реальность на земле, как факт. И не прикоснуться к этому факту, не получить назидание от этого будет крайностью нашего узкого сознания, будет великою неправдою, узостью нашего самоугодия, нашей гордыни. Пусть оправославленной, но все-таки гордыни. Для многих из нас гордыня остается стержнем, хотя и одета она в разные православные одежды. А Господь скажет:

"Приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце их далеко отстоит от Меня" (Мф.15,7-8), или: "Когда Хозяин дома встанет и затворит двери, тогда вы, стоя вне, станете стучать в двери и говорить: Господи! Господи! Отвори нам; но Он скажет вам в ответ: — не знаю вас, откуда вы" (Лк. 12, 25).

Свои крестные страдания Господь принял не только за православных. Догматическое учение Церкви говорит о том, что воплотившийся Господь в крещальных водах принял на Себя грехи всего человечества — всех времен и всех национальностей. В крещении принял, а на кресте страданиями и смертью искупил каждого человека. Теперь усвоиться этому крещению, этому искуплению и высвободиться из-под власти греха через обретения себя в Истинной, Православной Церкви каждый человек должен сам, лично. Господь Свою миссию исполнил, но войти в этот удел искупления человек может только лично, посредством воцерковления.

Еще один очень важный момент. Господь приемлет человека не только разных национальностей, разного вероисповедания, но и любого темперамента. Люди различны по своему темпераменту. Южные народы отличаются от северных. Детский темперамент — от взрослого. Темперамент — это человеческое свойство, он не является грехом.

Стоит только посмотреть, как радуются дети — у них все тело радуется вместе с душой. Это взрослые, как в панцирь закованные, если душа радуется, то в теле — ни звука. Трудно узнать — радуется человек или нет, он научился владеть своим телом в своей гордости и самодостаточности. Но разве это церковное свойство? — Нет. Церкви свойственна простота. Как святые угодники Божии радовались? Они радовались всем своим существом. Это свойство уже облагоустроенного темперамента, в котором присутствует полнота телесной, душевной и духовной радости. Такой человек целен в радости своей, а не разделен в скудости каких-то своих установок: "Я православный, я церковный, я не могу ни улыбнуться, ни посмеяться, ни губой шевельнуть, ни рукою подвинуть. Я весь благочестивый до самых корней волос". Радость живая не противна темпераменту, а темперамент не противен благодати.

Но там, где присутствует благодать, всегда имеется проявление падшего естества. Оно всегда против, всегда ропщет, всегда восстает против благодати. Поэтому человек, который пребывает не в искреннем устремлении к благодати, а в своем чувствовании, в своих ожиданиях, в самостных переживаниях, конечно же, не защищен от своего греховного естества, и оно по своему противлению благодати начинает разбухать. Поэтому в паломничестве очень важно с первого молебна испросить благословение на стяжание этой благодати, беречь его как самое дорогое, чтобы сохранить свое внутри собранное устремление к святине. Этот внутренний взор веры, обращенный к святине, постоянно удерживающей его в собственном внимании, нерассеянно приносится к самой святине. Поэтому паломничество всегда совершается в благоговейном трепете и особом охранении себя от всякой рассеянности, от лишних впечатлений, от многоглаголения.

Скажу больше: если человек, совершая со всеми Крестный ход, пешком, с песнопениями, с молитвословиями, заходя в селения, прикладываясь ко всем святыням, хранил себя в благоговении, то он ничего, кроме святости, видеть не мог. Он мог видеть впереди только святину. Наконец, он достиг Гроба Господня,

вот она — Голгофа. Вот он — Крест. И что бы ему ни делали, как бы его ни обзывали, ни толкали, *он этого не заметит*, потому что он наконец-то наедине с долгожданной Святынею. И ничего в нем не шелохнется — ни одна страсть, никакой ропот, никакое сомнение, никакая хула, осуждение или удручение... Его душа будет как чистое озеро, не взволнованная никакими ветрами, мирная, покойная, светлая... Если же человек переживет что-то не так, значит, он не достаточно подготовил себя к Святыне — точно так, как мы недостаточно иногда подготовимся к Причастию. Все зависит от самого человека.

Об экстрасенсах, целителях и о том, как относиться к болезням

Как мы уже говорили выше, устремляясь из неверия навстречу к Богу, человек проходит несколько разных этапов. Вера, пробуждаясь в человеке, проявляется в нем в неясных, замутненных очертаниях. Он не ориентируется в тех явлениях окружающего духовного мира, в духовных явлениях, к которым начинает проявляться его внутреннее тяготение. Эта слабая вера знает, что в мире есть, помимо видимого материально вещественного, еще что-то, что большее и высшее, чем видимый мир.

Возможно, многие прошли через эти искания и, не первый год пребывая в Церкви, помнят свои первые шаги. Многие начинали именно с этого сумрачного периода, в котором был интерес к иному миру и чувство реальности духовного мира, который стоит выше материального. На этой стадии человек чаще всего начинает увлекаться различными проявлениями этого духовного мира. По причине замутненности своего сознания, и особенно крайнего замутнения сердца, человек еще не может иметь с Богом реальных отношений, хотя нередко такое пробуждение духовного влечения, по причине призывающей благодати Божией, и совершается. Но благодать Божия усваивается настолько, насколько может вместить *сам человек*. А так как в значительной мере мы живем жизнью греховною, то по этой причине не можем вместить Духа Божьего даже в самой малой мере. И отсюда, чувствуя призыв к Богу, человек, однако, в своем влечении и устремлении к божественным или к духовным мирам, обращается, к сожалению, к тому, что по его греховности более для него доступно.

В приглашении человек переживает разные состояния. Одно из них — это неверие в Бога, как Он открылся нам в Иисусе Христе. При этом человек согласен с тем, что в мире, помимо видимого материального, есть еще что-то большее, что-то высшее, "что-то есть". Одни говорят о некоем вселенском законе, который явно присутствует над миром, другие говорят о высшем разуме...

Другое состояние — сумеречное. Как в природе, когда утром только-только начинает светать, свет, кажется, идет со всего небосклона. Невозможно определить, откуда взойдет солнце. Так и люди, не ведая Христа, пробуждающимся мистическим чувством обращаются куда угодно, только не к Духу Божию.

Так, некоторые начинают обращаться к тому, что принято называть "биологическими энергиями". Нередко бывает, что люди начинают свой духовный путь с игр этими энергиями. Многим из них, начавшим свои духовные искания с этого, знакомо ощущение тепла между разведенными в стороны ладонями.

Постоянное слежение за этим теплом приводит человека к иллюзии о возможности "управлять" энергиями. Пройдя какую-нибудь школу, он быстро развивает в себе "экстрасенсорные способности". Он попадает в школы, в которых обучается специальным упражнениям, суть которых лишь одна — усиление внимания к тонким проявлениям, которые происходят в человеке. И когда он своим вниманием постепенно укрепляется в них, начинает ими управлять, то чувствует, что он, оказывается, способен *овладеть* этим всем.

Подобно тому как человек, никогда не занимающийся физической культурой и спортом, начиная ходить в секцию, тренируясь, постепенно чувствует свое тело, овладевает своим мышечным движением, происходит и овладение разными душевными настроениями, связанными с представлениями об этих "энергиях". В результате прохождения курсов в такой школе, человек постепенно развивает в себе так называемые "экстрасенсорные способности", т.е. способности "владеть своим биополем" и раскрываться на так называемые "энергии космоса".

С этого времени может произойти некоторое чрезвычайное обстоятельство: схождение человека с естественного пути овладения *своими* способностями и начало содействия *некоторой силы*, которая умножает эту способность. Чаще всего человек обычно этому радуется, потому что он не ведает, *что за сила* подключается к нему, и *каким* содействием он сейчас умножается в своих способностях. Радуясь этому, он начинает пробовать... сначала катать тепловые шарики между ладонями, потом крутить спирали вокруг себя, потом совершать другие "паранормальные" явления...

Методик развития таких способностей много. Некоторые учат владеть различными предметами без прикосновения к ним. Другие учат лечить. На последнее откликаются многие. Ведь лечить — это благо, это добро, в нравственном настроении человека должна проявиться помощь друг другу. Человек вдруг обнаруживает, что некоторые движения вокруг больной головы "снимают" головную боль, некоторые пассы над больными органами тоже приносят положительный эффект. При этом он сам внутри себя чувствует и слышит, *как* это происходит. Он сам почти этим не управляет, а только знает, *как* настроиться, все остальное дальше происходит *само*, *какою-то* содействующей *силой*, которая в нем действует помимо его осознания.

Из бесед с такими людьми выясняется, что их собственная задача заключается только в одном: *предложить самого себя в орудие той силы*, которая затем в начале их самостоятельно действует. А дальше все происходит помимо их воли. При этом содействующие силы, подключающиеся в такого "целителя", проявляются различным образом.

Одна "целительница", например, явно слышала и чувствовала "нагруженность" больных органов. Она начинала оттуда "вынимать" эту "нагруженность" особыми движениями, как бы "накручивая ее" на свои руки, называя "накрученное" "биомассой". В результате этой "тянущейся жгутами биомассы" усиливается тяжесть рук. В конечном итоге она их "сбрасывает" в сторону, потом опять "накручивает" и так до тех пор, пока вся "биомасса" этого сеанса не будет "вытянута". На следующем сеансе она просматривает больного, "видит" опять накопленную "биомассу", снова ее "вытягивает"... И так продолжается 20 сеансов, пока вся "биомасса" не будет "вытянута". И больной выздоравливает. Эта

"целительница" лечила рак, язвенные болезни, хронические заболевания почек, печени, селезенки... Умственные заболевания ей не поддавались.

Другая "целительница" тоже с помощью содействующей силы управляла двумя рамками — соединяла две проволочки в виде буквы "Г" и получала квадрат. Этими двумя рамками она начинала управлять на расстоянии, они двигались в ее руках, а больной в это время должен был сидеть перед нею. Направляя эти рамки на больного, она чувствовала, *что* с ним происходит, и с помощью этих рамок начинала "вытягивать злую энергию". В результате больной получал облегчение, и в итоге на каком-то сеансе "вылечивался".

Мы описали два вида, существует еще целый ряд других вариантов, из которых немало закамouflированы различными церковными атрибутами: свечами, иконами, православными молитвословиями, под действие сил благодатных. Например, один, называя себя "целителем", становился перед иконой Ксении блаженной, брал себе в помощники человека, который должен был читать Акафист блаженной Ксении. А сам в этот момент внутренне сосредотачивался на помощь со стороны святой, потом чувствовал, как в его руки начинала вливаться *некая сила*, и тогда он начинал руками водить над больным человеком. В результате болящий отчасти выздоравливал.

Каким образом "целители" узнают, чем болен человек? Существуют разные варианты. Один из них — с помощью рук. У человека настолько развивается чувствительность рук, что он, проводя руками над телом, начинает чувствовать места "нагруженные энергией". Далее с какого-то момента подключается содействующая *сила*, которая им управляет. С этого момента он сам уже ничего не делает, потому что *сила*, содействующая ему, *подсказывает*, где, какая болезнь и какая ее степень. Как это происходит внутри него, он сам себе отчета не отдает, рассказать об этом не может, он просто чувствует, что в нем возникает внутренний образ той или иной болезни, потом облакает это в слова и говорит болящему.

Из личного общения с экстрасенсами я узнал, что их взаимные обращения со сторонними силами имеют совершенно одинаковый характер, примерно один и тот же стиль общения.

Та "целительница", которая "выкручивала", пользовалась скорописью. Становилась перед иконами на молитву, прочитывала все до "Отче наш", дальше обращалась к силам, которые ей помогали...

Что же происходит дальше? Она вдруг слышит содействующую руке силу, ставит руку на тетрадь, и рука начинает с необыкновенной скоростью писать. Человек вообще так быстро писать не может. При этом она совершенно своей рукой не управляет. По окончании она прочитывает то, что там написано. А написано различное, начиная с диагностики больного и заканчивая разными пророчествами, предупреждениями, вплоть до предупреждений в адрес Церкви, Патриарха, епархиального архиерея. При этом сама женщина малообразованная, высшего образования нет, тексты совсем не свойственны ее характеру, она не понимает значения некоторых слов, она так даже и не скажет.

Что это такое? Откуда все это? Если мы внимательно посмотрим на состояние больных, то обнаружим, что в большинстве своем болезни на какой-то период

ослабляются, или бывает, что человек даже выздоравливает. Но проходит три-пять лет, и больной возвращается опять к тому же "целителю". Эти рецидивы болезни повторяются два-три раза. После этого больной теряется из виду, и за помощью уже не обращается.

По исследованиям некоторых авторов говорится, что больной либо умирает, либо приходит в тяжелое состояние, либо, наконец, приходит к церковным вразумлениям, которые совершенно категорически отвращают его от этого характера лечения.

Для того, чтобы понять, *какие* силы могли этому содействовать, обратимся к православной житийной литературе. Здесь мы встретим примеры того, как православным целителям помогали содействия ангельских сил, узнаем, что много святых угодников Божиих обладало удивительными способностями испрашивать исцеление для болящих. Например, как святой праведный Иоанн Кронштадтский после вечернего богослужения, исповедей, ответов на вопросы возвращался в свою келлию, становился ночью на молебны (днем не было времени) о здравии всех болящих, за которых ему приходили письма и телеграммы. Его искренние обращения ко Господу и Матери Божией, к святым угодникам творили настоящие чудеса — люди получали исцеления на огромных расстояниях от него, были даже случаи восстания из смерти. Такая способность близости к Богу, способность донести Ему свою молитву, обреталась по прохождении очень серьезного нравственного пути, саможертвенной любви к Богу и людям, постоянного прибегания к благодатным Таинствам Церкви.

В церковной истории было немало святых угодников Божиих, которые совершали много духовных и молитвенных подвигов, однако не все дерзали исцелять людей, не всем было это дано. Господь, как известно, откликается на просьбы Своих угодников и посылает духовные силы, но только по прохождении серьезного пути и нравственного очищения в Церкви при содействии ее Благодатных Сил.

Всем известно, что никто из так называемых сегодняшних "целителей" церковной жизни не имеет.

Тем более, никто из них не совершал трудов и подвигов, сколь-нибудь близких к тем, что совершали святые угодники, прежде чем им благословлялась Богом способность дерзновенно испрашивать у Него исцеления болящим.

Правда, последнее время начали появляться "целители", которые стали активно осваивать церковную жизнь.

"Целительница", которая "накручивает биомассу", внешне вроде бы имеет церковную жизнь: каждое воскресенье бывает на службе, раз в две недели причащается, исповедуется, все посты исполняет... Но глубоких отношений с Господом у нее нет и быть не может, самой жизни Церкви по ее содержанию она не знает. А обращаясь к тем или иным церковным Таинствам, она (во внутреннем своем убеждении) прибегает к ним как к *средствам вспомогательным*. Она считает, что получает "определенные энергии" или же очищающую силу от Господа, подаваемую ей в Таинствах, которые "*энергетически обеспечивают*" ее, утончают ее способности к исцелению. Получается, что Причастие, Исповедь и все церковные Таинства, в том числе и прикосновение к святыням, становятся

средством для того, чтобы, получив некоторое освящение и очищение, затем более полно предавать себя в руки содействующих сил по "исцелению" больных.

А ведь *сила*, содействующая подобному исцелению, и сила Причастия полярно противоположны. Причастие при таком отношении к нему "целителей" становится дополнительным средством или необходимым условием, акцент же ставится в основном на содействующие в лечении силы. Все это выглядит как *надругательство* над Причастием, над церковными Таинствами.

Более того, мы увидим, что многие экстрасенсы и подобные целители постоянно посылают людей в церковь. *"Я не буду вас лечить, пока не примете крещения"*, или же *"Я вас сейчас полечу, пять сеансов исполню, после этого вы обязательно причаститесь, потом еще пять сеансов, еще причаститесь, в конце примите третье Причастие"*, или же *"Возьмите сорок свечей, поставьте их"*, или же *"Купите крестики, раздайте их детям"*. Много подобных советов предлагается человеку, жаждущему лечения. Зачем это?

Сам "целитель" чаще всего не отдает себе в этом отчета. Он нередко полагает, что делает нечто полезное и нужное Церкви. Обычно "целитель" чувствует себя человеком достаточно нравственным, искренне расположенным к людям, и с ревностью, даже с самоотвержением, помогает людям в болезнях. Среди них есть и совершенные бессребренники, они ничего за исцеление не берут. При этом, когда они посылают в церковь, то предполагают, что делают очень доброе дело, приводят людей к Богу, приобщают к святыням, потому что без святости, думают они, исцеления невозможны. Иной совсем и не подозревает, *какая сила* надумила его отправлять всех больных в церковь.

Демоническим силам, которые как раз и составляют *ту содействующую силу*, управляют этими силами, направляют их на содействие "целителю", в наше время особенно легко и удобно становится через таких людей надругиваться над святынею. Момент несправедливого обращения к святыне и является фактом *надругательства*. ***Неправильный смысл, придаваемый церковной святыне, является в действительности надругательством над ней.*** Более того, приняв Таинство: Крещения или Причастия, человек возвращается к целителю и отдает все принятое под надругательство содействующих сил. Такое кощунство, возможно и произвольно совершаемое людьми, тешит и веселит силы демонические и в то же время сильно повреждает самих людей, потому что каждый человек, лечащийся у экстрасенсов и по их наущению пришедший в церковь, исполняя их задания, фактически согрешает. *Согрешает дважды*. Первый раз — вместо того, чтобы обратиться к Богу и искать у Него помощи, он идет к "целителю", который руководим противными Богу силами. И второй — по наущению этих же сил он приходит в церковь, совершенно не имея никакого представления, *к Кому он идет, для чего он идет, и в каких отношениях с Господом он должен быть в Таинстве Причастия или Таинстве Исповеди*. И таким образом, ничего не осознавая, надругается над самой святынею. Демонам только это и нужно. А человеку это вменяется в тяжкий грех, за который порою приходится расплачиваться всю жизнь.

Господь еще в Ветхом Завете предупреждал о невозможности подобных хождений. В Библии, в книге Левит, Господь говорит: *"Не ворожите, не гадайте, не обращайтесь к вызывающим мертвых, и к волшебникам не ходите и не доводите себя до осквернения от них. Я Господь Бог ваш, и если какая душа*

обратится к вызывающим мертвых, к волшебникам, что блудно ходит вслед их, то Я обращу лицо на ту душу и истреблю ее из народа ее". Как видим, довольно суровое предупреждение Божие. А во Второзаконии Господь Израилю вещает: *"Когда ты войдешь в землю, Израиль, которую дает тебе Господь Бог твой, тогда не научись делать мерзости, которые делают народы сии. Не должен находиться у тебя прорицатель, гадатель, ворожея, чародей, обаятель, вызывающий духов, волшебники, вопрошающие мертвых, ибо мерзок перед Господом всякий делающий это и за сии-то мерзости Бог твой изгоняет их от лица твоего, будь непорочен перед Господом Богом твоим, ибо народы сии, которых ты изгоняешь, слушают гадателей и прорицателей".*

Если мы обратимся к болезни как таковой и отношению Православной Церкви к болезни, то увидим, что Церковь болезни приемлет как промыслительное попущение Божие, как средство Господне, которое научает, наставляет нас. Господь попускает те или иные болезни по грехам нашим. Болезнь — это фактически прекращение согласия между телом и душой человека, когда тело и душа приходят в разногласие между собой. В естественном духовно-нравственном настроении человека при его сотворении Господь даровал ему чистую душу и тело, человек не знал болезней. Адам и Ева никогда не болели, они не знали никаких язв, никаких недугов, ибо тело было согласно с душой, душа была согласна с духом, как и сам Адам был согласен с Богом. Поэтому телесное служило душевному, душевное служило духу, а дух человеческий служил своему Богу, слушался Его и исполнял Его волю. Первый человек по любви своей был в полном согласии с Богом. Но после грехопадения произошло разделение. В человеческое существо проникли разъединенность и смятение, грех совершил это разъединение. Теперь тело самовластно начинает требовать от души служения ему. Душа, исполненная различными страстями, самовластно ищет служения себе со стороны духа человеческого. А человек в целом весь отдается своим прихотям и похотям телесным и душевным, и фактически *всю свою жизнь* устраивает в удовлетворение своих страстных вожелений, страстных влечений.

Из этого следует, что человек после грехопадения совершенно перевернулся в отношениях с самим собою и внутри себя и в своих отношениях с Богом. Неудивительно, что при таком состоянии человека разлад между телом и душой при умножении греха совершенно оскверняет жизнь души и жизнь тела. И те естественные проявления нашей телесности, которые фактически направляют всю нашу жизнедеятельность, оскверняются, искажаются, извращаются и становятся несродными телесному естеству и составу, а следовательно нарушают функционирование самого тела.

Любой грех есть скверна, которая оскверняет и тело, и душу человека. Эта скверна нарушает естественное функционирование тех или иных органов человеческого тела. Поэтому издревле говорилось, что человек заболевает по грехам.

Господь силен очистить всякого человека. И эту очистительную силу мы видим, например, в Таинстве соборования, которое совершается над болящими людьми. В этом Таинстве верующий человек приходит в возможность и силу Господнего исцеления, а значит, и прощения Господом человеческих грехов. Прощая, Господь Своими страданиями искупает грехи человека и благодатью Своей любви

освобождает человека от скверны греха. Прощая, Господь в Таинстве соборования исцеляет, если человек верует, что Господь силен это сделать.

Мы знаем немало случаев (даже в нынешнее время), когда во время Таинства соборования, на пятом, шестом помазании или на седьмом чтении Евангелия, человек вдруг чувствует облегчение, вплоть даже до полного исцеления. Бывали случаи, когда на Таинство соборования человека приносили на руках, а после совершения Таинства он уходил своими ногами.

Почему над одними это совершается, а над другими нет? Исцеление дается *по вере* человека. Человек в личных отношениях с Богом способен испросить у Него примирения, Его прощения. Но для этого человеку нужно искренне верить, что Господь способен его простить, потому что он Милосердный, Всемогущий и Любящий. И если с этой верою человек обращается ко Господу, то действительно получает исцеление.

Иной христианин просит священников или своих собратьев помолиться о нем. И тот, кто верует, что Господь силен по молитвам других людей исполнить прошение, тот получает это исцеление, хотя сами люди, которых человек просил, считают себя недостойными испрашивать у Бога исцеления для кого-либо. Но по вере просящего и по искренности отклика тех, кого просили молиться, Господь дает исцеление или облегчение болезни.

Совершенно иную картину приходится наблюдать в различных магических, целительных и экстрасенсорных действиях. Там никаких отношений с Богом не возникает. А если какая-то часть "целителей" и обращается к Богу, проводит "лечение" в увешанных иконами комнатах при горящих лампадах, свечах, перед "исцелением" читает некоторые молитвы, то, в конечном итоге, они попирают все это, когда переходят к "исцелению", обращаясь к той *силе*, которая однажды вошла в их внимательное "вчувствование в свои биотоки". Сначала они обращаются к Господу, к Матери Божией, целителю Пантелеимону, призывают всех угодников Божиих и сразу же после этого (во внутреннем своем внимании) переключаются на ту *силу*, которая начала содействовать им тогда, когда впервые почувствовали они в себе "целебные" способности. Этот возврат к первому факту "исцеления", к первым ощущениям содействующей силы и постоянная опора на эту *силу*, развитие своей чувствительности именно по отношению к ней и составляют главную внутреннюю ложь такого "целителя".

Мне известен случай, когда одна "целительница" вдруг осознала это в себе и раскаялась, вся "целительная" сила у нее пропала. Более "исцелять" она уже не могла. После такого покаяния, почувствовав, что освобождается от чего-то такого, крепко держащего ее в своей власти, она начала просто и настойчиво воцерковляться. Сегодня это добрый, хороший церковный человек.

Следует еще раз вспомнить об отношении к болезням у православного человека. Часто возникает вопрос: почему же все-таки "целители" вылечивают людей? Почему популярные оздоровительные системы так действенны? Почему многие, прибегающие к ним, выздоравливают и живут, не болея?

Гордость человеческая в сочетании с физиологически правильным оздоровлением дает этот результат.

Всякая болезнь лежит в Промыслах Божиих, потому что болезнью Господь напоминает человеку о его грехах. И поэтому православный человек, заболевая, делает два действия. Первое — он ищет исцеления с помощью врачей, а второе — непременно ищет покаяния, чрез которое хочет очиститься от греха, по причине которого началась в нем болезнь. Поэтому для православного человека болезнь есть возможность умножения в нем покаянного чувства.

К сожалению, в новоначалии этого не происходит. Человек, воцерковляющийся первые пять лет своей жизни, заболевая, почти забывает о Боге. Единственное, что он усвоил, — это попросить помолиться кого-либо об исцелении. Он обычно обращается: *"Помолитесь за меня!"*, но сам при этом за своей болезнью внутреннего обращения к Богу и покаяния не ищет. Он как бы забывает об этом. Это происходит по причине отсутствия навыка обращаться к Богу в болезни. А человек православный и воцерковившийся знает в болезнях утонченное, более близкое отношение к Богу, что приводит его к глубокому покаянию. Более того, история знает немало случаев, когда покаянное утешение святые искали именно в своих болезнях. Они отказывались от окончательного исцеления, и, хотя болезнь их мучила, приносила скорби, утесняла в земной жизни, покаянное чувство теплило и хранило их сердца. Выздоровление, вольно или не вольно, отнимает это утешение. Поэтому святые угодники Божии от болезни не отказывались. Мы знаем, что преподобный Амвросий Оптинский болел всю свою жизнь, врачи его потихоньку поддерживали, оказывали ему частичную помощь, облегчали болезнь, но окончательно он так и не излечивался.

Для церковного человека важнейшим становится содействие Духа Божия: участие в его жизни благодати, которое он однажды начинает явно в себе слышать. Чувство причастности действию благодати Божией и составляет главную опору его жизнедеятельности. И если человек это пережил опытно, то он устремляется к благодати и к хранению в себе благодатного действия, старается удержать при себе различные внешние условия, одним из которых *как раз и являются болезни, скорби и искушения*. Болезни доставляют разные недомогания телу, скорби — различные нестроения в событиях жизни, искушения — различные неожиданные несчастья, которые падают на человека. Но при таком утеснении окружающей жизни, потере комфорта и удобств человек внутренне обращается к Богу и от Него получает утешение. Внешне все выглядит довольно скорбно: все тесно, все печально, все почти на грани возможности терпения. Человек теряет силы, физически тает, а внутренне его согревает дивная утешающая благодать Божия. Однажды полюбив это утешение, человек начинает понимать, что оно напрямую связано с внешними скорбями, обстоятельствами, с болезнями, искушениями. И, начиная это замечать, все более и более укрепляется в убеждении о том, что именно при определенных скорбях и болезнях его посещает утешающее содействие Божие. От этого его вера умножается. Человек принимает скорби как норму своей жизни. По этой причине православный человек, в отличие от человека неправославного, с какого-то времени перестает суетиться в выискивании каких-то земных благ.

Отношение к болезням и скорбям в католическом и протестантском мире

Современный католический мир склоняется в сторону чувственных радостей, протестантский — в сторону комфорта и удобства жизни. Целью протестантского мира является созидание уже здесь, на земле, всей полноты комфорта и радости

жизни земной, по их представлениям, радостей, Богом благословенных. И поэтому все богатые силы души устремлены на то, чтобы обустроить этот комфорт и эту радость. Мы удивляемся современным бытовым изобретениям, импортированным с Запада: насколько они удобны, практичны и комфортны. Чудные видеокамеры, прекрасные магнитофоны, микрофоны, шикарная мебель, чудо-холодильники, микроволновые печи — как все удобно устроено! Живи и радуйся. А протестантский пастырь говорит: "Это-то и требуется. Радость в этой жизни, вот что тебе нужно. А чтобы ты радовался, знай, что все это дает тебе Господь. А тебе, чтобы это иметь, надо всего лишь одно: верь в Бога, уверуй в него. И Господь тебе все это даст". И человек погружается в эту жизнь и радуется, совершенно не подозревая, что эта радость является чувственной и никакого отношения к духовной жизни не имеет, Духа Божия не ведает и не подозревает о нем, а лишь дает ощущение душевной, чувственной радости.

В католическом мире есть еще одна глубокая причина, по которой католики раньше протестантов начали свое отхождение от истинных отношений с Богом. Это учение о возмездии и искуплении, которое, увы, отчасти проникло и в наше школьное богословие и теперь отлагает от Церкви и ее правды и нас с вами.

В "Догматическом богословии" митрополит Макарий, следуя латинянам, пишет для семинарий следующее: "Вся тайна нашего искупления смертью Иисуса Христа состоит в том, что Он, взамен нас, уплатил Своею Кровью долг Правде Божией за наши грехи". Уплатил долг за наши грехи... Чтобы так богословствовать, католическому учению нужно все дело спасения заменить "уплатою долгов". Для этого грех нужно выделить как нечто внешнее для души, как то, что человек сделал раньше и теперь это стало во времени достоянием прошлого, но как сделанное или нанесенное оскорбление Богу требует теперь возмездия. Поэтому нужно принести выкуп, искупить человека, чтобы удовлетворить разгневанную правду Божию. Этот выкуп будто бы и совершил Господь наш Иисус Христос.

За грех, выделенный как нечто внешнее от человеческой души, приносится столь же внешний выкуп. Еще точнее — выкуп грех превращается в событие, внешнее для души. В таком случае, по поводу греха могут совершаться любые расчеты как с Богом-Отцом, так и со стороны человека с Иисусом Христом. Уплата за грех может быть делами, деньгами... ибо и человеку нужно *выкупить себя* перед Господом. В противном случае не миновать возмездия.

Страх перед возмездием и необходимость оправдать себя праведными делами движет и многими из нас в Православной Церкви. В результате *дело спасения души от греха* превращается в *дело искупления или выкупа за соделанный ею грех*. Труд и внимание обращаются не к чистоте души, не к добродетелям, не к благодати Духа Святого, от Которого жизнь, а к избеганию возмездия и к избавлению от соделанных грехов. Православный человек весь обращается к восстановлению добродетелей и исполнению Заповедей и правил Церкви, а наш окатоличенный мирянин, боясь не спастись, занят отыскиванием новых и новых грехов, чтобы все записать и принести на исповедь. Затем, по исповедании, вновь заняться грехами же, выискивая те, что еще не обнаружены, фиксируя те, что вновь повторяются, и проводя ревизию в тех, которые, возможно, не до конца исповеданы. При этом особенным успехом будут пользоваться книжки с перечислением как можно большего числа грехов — сто, двести и даже тысяча с лишним. От одних грехов к следующим. Так и течет его жизнь в Церкви: без

всякой радости и без любви к ближним. Получается, у католически настроенных людей жизнь безрадостная, у протестантски настроенных — радость беспечная и чувственная. Где же радость настоящая?

Только в Православии возможно узнать *истинную радость* — радость благодатного прикосновения Божия. Но и она открывается лишь по исполнении немалых, тяжких, порой многолетних трудов по приближению характера своей жизни к Богу, к Его Заповедям, к Его заветам.

В основе этой жизни, обращенной к Нему, лежат *живые отношения с Богом*. Эти отношения в нас подвигаются Святым Духом, Его божественною благодатью и мы, живые, по благодати, входим уже от собственного произволения в отношения с Ним, Господом. Мы ищем спасения от греха, потому что несносно нам его зловоние; от проклятия, потому что не в силах сами побороть лежащую на нас власть и силу страсти, которая настигает нас изнутри и роняет нас, низвергая в ад падшей жизни; от смерти, потому что не хотим, не можем переносить мрак, холод и запустение всякий раз, когда грехом, нами содеянным, душа теряет благодатное присутствие Бога, Его свет, Его тепло, и через то теряет способность любить, милосердствовать, терпеть, жить в мире и многое благое, что и составляет для нее действительно жизнь.

Мы входим в отношения с Господом, Который тогда, две тысячи лет назад, как Бог, пребывая вне времени и потому заключая в Себе все времена, принял в человеческое Свое естество каждого из нас по естеству и, как человек, невинный и безгрешный, страдал за наши грехи и умер. В смерти Своей явил торжество послушания и смирения. В Его Богочеловеческом смирении грех нашел свою смерть. И содрогнулась и потряслась вселенная от совершившегося. И далее как Бог, спасая нас из греха, проклятия и смерти, воскрес, воздвигая нас в новую жизнь, в нового человека.

Как Человек — тогда, как Бог — сейчас, содержа в Себе в "тогда" мое теперешнее, мое "сейчас", не "искупал", как говорят католики, а ***спасал и спасает меня***, извлекая из тленного человека. Его земная жизнь сейчас проникает в мою земную жизнь, совершая мое спасение в каждой Божественной Литургии, в каждом Таинстве моего вхождения в Его милосердную любовь, в каждой исповеди, в каждом Причастии.

Сейчас, в настоящем времени, православный человек, обретаясь в своей любви к Богу, ищет последовать Ему, смирением в болезни соразделяя Его страдания и стяжая тем самым благодатное участие Бога. Господь, приемля любовь человеческую, попускает ему болезни и скорби, одновременно любовью Своею благодатно утешая его во внутреннем человеке.

Вне Православия многие люди ищут другого, более легкого, бесскорбного способа жизни, при котором можно было бы иметь все — и веру в Бога, некий образ религиозного жительствова, включая посещение Богослужений, молитвы, благотворительность, как бы быть оправданным перед Богом, и в то же время иметь комфортную по земным меркам жизнь. Но православному человеку известно, что так жить невозможно, если ты хочешь иметь реальную причастность Духу Божию. Нельзя служить двум господам.

Все вышесказанное имеет прямое отношение к нашему разговору о "целителях". "Целители" о таком православном характере отношения к скорбям, болезням и искушениям вообще ничего не ведают. Более того, такое отношение их возмущает, раздражает, даже приводит в гнев. Именно по этой причине, что сами они устремлены к тому, чтобы устроить земную жизнь более удобно. Даже самые искренние "целители", которые самозабвенно отдают себя с утра до ночи на "исцеление" больных, тоже любят себя и ищут земного комфорта.

Все это дает нам некоторую возможность различить, где *правильное* отношение к болезни, а где *неправильное*, и к кому надо прибегать — к "целителям", или же к Церкви, ее Таинствам, или же к благословленной Церковью врачебной помощи.

О духовном отце

На путях воцерковления рано или поздно встанет вопрос: как найти духовного наставника, духовника?

Это один из самых трудных вопросов сегодняшнего дня. Прочитав много книг, большинство из нас, естественно, начинают искать себе духовного отца. Тем паче, что вся святоотеческая традиция говорит о необходимости духовного руководителя. В то же время мы часто сейчас слышим от церковных людей и от священства, что наступило такое время, когда духовных отцов быть не может. Вера оскудела, и по этой причине не надо пытаться, не надо искать...

"Единственным наставником твоим, — говорят они, — могут быть сейчас лишь святоотеческие книги"... Не спешите сразу судить, так это или не так.

Чтобы не возникала путаница, мне думается, нужно различать такие понятия, как *исповедник, духовный наставник, духовный отец* и *старец*. Есть общецерковное мнение, что старчество теперь сильно оскудело. Но и сейчас есть всеми признаваемые духовные люди, к которым верующие прибегают за советом и считают их старцами.

Таковыми, например, являются: архимандрит Иоанн Крестьянкин в Псково-Печерском монастыре, архимандрит Кирилл — в Свято-Троицкой Лавре, протоиерей Николай на острове Залита, монашествующие в некоторых других монастырях нашей Церкви. К ним верующие люди часто прибегают для того, чтобы получить наставления, духовный совет, обрести правду жизни.

Но существует и другая сторона этого явления, о которой неоднократно говорил митрополит Антоний Сурожский в своих выступлениях. В наше время немало молодых священников принимает на себя старческие обязанности. Не вполне осознавая, *что* есть духовная жизнь, они берутся отвечать на какие-то очень серьезные и глубокие жизненные вопросы прихожан. Они пытаются даже указывать им жизненный путь, более того, указывать с некоторой жесткостью, самонадеянно считая себя возвестителями воли Самого Господа. Такое *"младостарчество"* представляет собой серьезную опасность для воцерковляющегося человека.

В то же время духовное наставление, на мой взгляд, явление необходимейшее, без него входящему в церковную жизнь обойтись никак нельзя. Представить

порядок своей церковной жизни в миру дело непростое, увидеть самого себя сложно и практически невозможно, поэтому очень нужно и очень важно прибегать к священнику за советом, за наставлением.

Возникает вопрос о постоянстве обращения к наставникам, т.е. можно ли ходить к разным священникам и получать от них наставление или же необходимо советоваться только с одним. Тут возникает чисто психологический нюанс: если ходить к разным священникам, то невольно возникает искушение — наиболее трудные вопросы приносить к наиболее беспечным и слабым священникам, а малозначащие вопросы приносить наиболее строгим. В результате человек очень удобно устроит свое самоугодие, будет ходить с одним и тем же вопросом к двум, к трем священникам, а в итоге выберет один какой-то ответ из трех, тем самым приобретая навык определять *самому*, как ему поступить, возможно, искренне считая, что он живет по послушанию. Но в духовной жизни требуется как раз *отложение от самого себя*, своих самохотений, которые часто порождаются самоугодием. Такое послушание — одно из важнейших средств церковного развития, которое, к сожалению, многие не могут принять почти до самой смерти. Св. Феофан Затворник говорил, что узы духа, узы самоугодия, как самые глубокие, могут сопровождать человека до самого конца его жизни.

Во многих случаях бывает, что уже на смертном одре человек неожиданно переживает некоторое потрясение, в результате которого освобождается от этих уз. Обретение духовника проходит обычно четыре этапа.

На *первом* этапе человек приходит к священнику просто как к *исповеднику*, которому приносит свои грехи. Человек почти ничего не спрашивает у священника, ему вполне достаточно тех книг, которые читает, и своего саморазумения, по которому, собственно, он и выстраивает свою жизнь. Он привык так жить в миру.

На следующем, *втором*, этапе, человек начинает все более и более доверять священнику и поэтому начинает уже прислушиваться к его советам. Однако часто относится к совету очень произвольным образом. Совет можно принять, а можно и не принять. Значит, слово священника, воспринятое как совет, все равно остается в произвольном обращении самого человека. Человек как хочет, так с ним и обращается. Если он продолжает дальше ходить к этому священнику (а это возможно только в случае постепенно возрастающего доверия к нему и взаимного, а может быть, одностороннего, притяжения), то возможен выход на следующий этап. Он начинает удостоверяться в том, что некоторые невыполненные им советы были не просто человеческим измышлением. Потом, в дальнейшем, обстоятельства показали, что он был *наказан* за то, что их не выполнил, а значит, за ними стояла Воля Божия. Он ее не исполнил и теперь наказан.

Такие откровения, которые он переживает в течение нескольких лет хождения к священнику как к духовнику, дают основание уверовать в то, что к словам священника надо все-таки прислушиваться. И постепенно он начинает относиться к священнику как к *наставнику*. Слова священника на этом этапе их отношений воспринимаются как наставление, а с наставлением обращаться вольно уже не будешь.

Наставление — это слово, которое ты принимаешь к исполнению. Это уже не совет. Если наставление принято к исполнению и, исполняя его, человек открывает, обнаруживает, что они помогают ему возрастая в духовной жизни, то в результате он все более и более укрепляется в своих отношениях со своим духовным наставником. Прочитанные святоотеческие книги показывают, что путь, по которому ведет его духовный наставник, не расходится со Святыми отцами, общий единый дух сохраняется, и это его вполне устраивает.

И, наконец, по мере того, как христианин удостоверяется в точности и правильности наставлений, когда он их выполняет, получается хорошо, а когда нет — плохо (именно таким образом приходит вразумление), то его доверие укрепляется, и он с какого-то времени начинает относиться к священнику уже как к *духовному отцу*. Это совершенно новое качество. Формируется новое право священника по отношению к своему чаду, но это право не самовластия священника, это властное право, которое чадо вручает пастырю как своему духовному отцу. Что это такое — властное право?

Рассмотрим на примере. Ребенок, родившийся в любой семье, относится к родителям как к власти имеющим над ним. Мама или папа могут ему не только указать, но и наказать. Могут не просто наказать, а наказать так строго, что никто другой такого права на ребенка не имеет... И при всем при этом ребенок, переживая ужас и трагедию наказания, вплоть до истязания, тем не менее, успокоившись, вернется к родителям. Он не сбежит из дома и не скажет: "У меня нет больше отца или матери". Это надо очень сильно и очень грубо обращаться с ребенком или совсем его не любить, чтобы ребенок убежал из дома. Сейчас, правда, такое можно очень часто встретить, но это уже случаи явного отсутствия родительской любви. Если же родитель с любовью будет исполнять свой долг, если отец и мать своей родительской властью строго наказывают ребенка, он не убегает от них, и через день — уже как ни в чем не бывало он исправился, он больше так не делает. Дитя знает, что за это мать или отец его строго накажут. Ребенок дает родителям это право, ибо он вверен родителям своей внутренней волей, которая не зависит уже от того, пекутся о нем родители или нет, пекутся плохо или хорошо

Когда у взрослого человека по мере углубления отношений со священником нарастает такая степень доверия, в конечном итоге она отпечатлевается его решимостью верить себя уже как духовное чадо своему духовному отцу. С этого времени начинаются новые отношения с тем же самым священником, но уже как с духовным отцом, т.е. имеющим право *жестко и строго* отвращать свое чадо от его самохотения, самоугодия, своенравия и прочего.

С одной стороны, мы видим, что в этом случае духовный отец может применять очень суровые меры, потому что своенравие в некоторых своих видах настолько глубоко коренится в нашей душе, что искоренить его бывает порой очень трудно. Можно только вырвать это своенравие из нас, сделав какие-то крутые запрещения, или же жестокое наставление, или жестокое благословение поступать так и не иначе.

С другой стороны, отношения с духовным чадом принимают тишайший характер, когда священник не настаивает ни на чем, но дает лишь совет, ненароком сказывает. И, тем не менее, и совет, и слово воспринимаются чадом в самой глубине его сердца, его доброхотного следования сказанному духовным отцом.

Не потому чадо слушается, что духовный отец поступил грозно, а потому, что само чадо доброхотной волею предано своему отцу, а любящим сердцем открыто его благословениям, ибо в них он приемлет саму волю Божию о себе.

Откуда же взяться сегодня таким священникам или монахам, которые могли бы показывать своим чадам сразу волю Божию? Действительно, благоразумный духовник на третьем этапе отношений не доверяет себе и волю Божию испытует. Благословит духовное чадо поступить так. Чадо исполнит, а дело не пошло. Человек возвращается к духовнику: "Вы благословили, а дело не пошло". Еще раз уясняются обстоятельства, заново ищет духовник волю Божию, молитвенно испрашивает, смирением слушает, даром рассудительности рассуждает, либо в молитве молча предстает Богу (каждый духовник делает, как ему дается) и вновь благословляет. Может опять ошибиться. Вновь чадо, все исполнив, как сказано, вернется с плохим результатом, если хочет, со своим рассуждением, и вновь будет думать и молиться духовник. И вместе с ним в то же самое время чадо будет смиряться пред волей Божией и молиться о ней. И так до тех пор, пока не обретется, в чем же воля Божия.

Благодаря этим отношениям духовное чадо обучается вере и доверию, а духовник обретает духовный опыт наставничества. Придет ли он к той степени, когда воля Божия будет открываться ему с первого или со второго раза, знает Один Бог. Сам же он будет оставаться в чувстве неведения воли Божией по своему недостоинству, а руководить чадом будет по послушанию своего служения. Сколько времени могут длиться такие испытующие волю Божию отношения? Для нас, нынешних духовников и нынешних чад, пожалуй, всю жизнь. Потому и не возможен, наверное, в наше время, т.е. для многих из нас, четвертый этап, т.е. степень старчества. Не каждый верующий найдет в священнике и духовного наставника. Большинство задерживается на первом этапе — ходят как к исповеднику. Немногие, выйдя ко второй степени, остаются на ней долго. Вскоре охлаждаются и возвращаются к первой. Те же, кто остаются, годами пребывают на ней, не решаясь к переходу на третью степень. Прибегать к священнику за советом, оставляя окончательное решение за собой, или искать благословения священника на дело, уже принятое своей волей и определенное своим разумением, как его совершать, — вот состояние многих современных церковных людей.

Да и священники в большинстве своем не ищут третьей степени, а тем более четвертой. Одни — по чувству недостойности, другие — по благоразумию, третьи — по нежеланию брать на себя много заботы, четвертые — по лени, избегая лишних трудов, пятые — по маловерию.

В первые пять лет после хиротонии по воодушевляющей благодати Божией, неправильно с ней обращаясь, священники могут соблазниться "младостарчеством". Но эта болезнь недолго длится.

Сколько же времени проходит от первого этапа до третьего? Около пяти - десяти лет. Третий этап может длиться до конца жизни. Могу сказать, что вряд ли сегодня можно встретить отношения верующего человека со своим пастырем как отношения духовного чада с духовным отцом. Состояние сегодняшнего церковного народа настолько немощное, что даже обычное наставление священника не каждый вытерпит. Сегодняшний верующий и не всякое наставление сможет понести, потому что только духовная сила, благодатность

позволяет нести это ради Христа, чувствуя и слыша в этом повеление, согласное с Евангелием, с Евангельским характером жизни. А чаще всего по нашей духовной немощи в сердцах присутствует мощь гордынная, мощь себялюбия, мощь тщеславия. И эта мощь скрыта за хлипкой, как фанерка, оболочкой, которую только задень, она тут же задрожит вся, затронь сильнее, уже и прокололи. А если прокололи, то через эту фанерку такой фонтан забрызжет, что потом будешь за километр обходить этого человека. Не то что наставления будешь бояться сказать, даже советовать, когда действительно спрашивать будет, и то станешь с великой осторожностью. Церковные люди сегодня настолько уязвимы, что с ними приходится обращаться очень осторожно.

Я вижу вокруг себя, редко кто из опытных, зрелых священников дерзает вообще предложить себя в наставники. Бывает, что священник это исполняет, если чадо того настойчиво просит, но соглашается на это далеко не сразу. Неопытные же священники соглашаются, но из этого редко что выходит доброе, или же складываются чисто поверхностные отношения, не имеющие в глубине своей смыслов церковной жизни.

Мы видим, что уже на степени наставничества от священника требуется не только священническое слышание событий, но и педагогическая мудрость. Сочетание священнической и педагогической мудрости дает реальную возможность для того, чтобы вести свое чадо. Дело это очень сложное. Все осложняется не только тем, что многие из нас очень своенравны, очень самолюбивы, уязвимы и самонадеянны. Сегодня подавляющее большинство воцерковляющихся людей имеет образование — среднее, а большинство и высшее. Во многих живет мера самопознания, самодостаточности или же мера уверенности в себе. Каждый думает, что *сам* во всем разберется, если уж не сегодня, то завтра или послезавтра, почитает книги, хорошенько подумает, поразмышляет и обязательно доберется до истины. Вот эта уверенность в себе настолько сильна в сегодняшней интеллигенции, что к совету человек еще позволяет себе как-то *прислушаться*, тем более, что при этом свободен сам размышлять. А вот уже *воспринять* слово как наставление, а значит, делать и действовать уже именно так, как сказано, отложить свою волю, свое сознание, свое разумение, — этого сегодняшний человек позволить себе не может. А если при этом священник ведет себя чуть поостороже... Обычно строгий священник, давая наставление, не будет объяснять, почему так, а почему эдак... Когда мы начинаем объяснять, то привлекаем к исполнению *сознание* человека, т.е. мы уговариваем, убеждаем человека и в итоге добиваемся его согласия на то, что ему так полезно поступить. И человек действительно принимает это как наставление, но оказывается, что это наставление принято вовсе *не сердцем*, и потому серьезного духовного значения не имеет. Оно принято *сознанием*, которое удостоверилось в том, что священник действительно прав, советует разумно и здраво, настроен благожелательно... После такого убеждения человек остался внутренне доволен, он убедился в том, что не ошибся в священнике. И только после этого он позволяет себе принять данное слово священника как наставление. ***Здесь нет послушания, здесь есть согласие с разумным словом.***

Как видим, в глубине человеческого сердца остается в этом случае все то же самоугодие, самодостаточность, человек не выходит за их пределы. К сожалению, большинство сегодняшней интеллигенции, живущей церковной жизнью 10-15 лет, пребывает в таком состоянии, даже не подозревая этого. Не удивительно, что по этой причине исповедь почти не бывает исповедью, ***там нет покаяния.*** Человек

исповедует грехи, но больше по сознанию, а не по сердцу. Это все равно что собраться на исповедь, наклеив на себя банные листы, — пока лепил, то вроде бы держались на теле. А пока в очереди к священнику постоял, успел обсохнуть, и все отвалилось, лишь один-единственный какой-нибудь только и остался. И стоит человек, снова стараясь вспомнить, или выручает его бумага, которую он написал.

Священник советует ему:

— У тебя целых две страницы написано, там больше ста наименований грехов, а ты начни с того, о чем более всего скорбит твое сердце, о чем болит твоя душа. С этого начни, а потом и написанное вспомнится.

Человек на это медленно опускает свой листик и говорит:

— Батюшка, мне нечего сказать.

— Ладно, тогда говори по бумажке.

Но сказанное "по бумажке" при том, что **ничего от сердца сказать**, это явное говорение **от сознания**. Все то же самое интеллигентское состояние. Ничего более. Вся та же глубина и глыбища *самоугодия, самодостаточности*, которая очень хочет стать православным и поэтому по своему сознанию теперь выискивает методы и способы — *как им стать?* И обретя все эти методы, вооружившись способами, прочитав даже все пять томов "Добротолюбия" и вытащив оттуда все необходимое для этого, он, "вооруженный до зубов", теперь живет церковной жизнью! А в действительности это как раз и есть то самое состояние, про которое Господь сказал: *"Многие скажут Мне: Господи, Господи!.. И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие"* (Матф. 7, 22-23). К сожалению, это состояние очень свойственно сегодняшним людям, и обратить такого человека к настоящему покаянию — дело очень непростое.

По своему опыту и по опыту других священников, очень серьезно трудящихся над своей паствой, знаю, что порою приходится до получаса беседовать со чадом, прежде чем в нем возникнет хоть какая-либо скорбь и покаянное чувство. Часто это бывают слезы саможаления или слезы скорби о самом себе. Тут очень много трудностей, очень много сложностей— это непаханная целина. Как над ней работать? Что при этом делать? Совершенно неизвестно.

По своему сегодняшнему состоянию мы, церковный народ, видимо, сильно отличаемся от народа прошлого столетия, уже не говоря о предыдущих. И тот опыт, который был в прошлом столетии или в позапрошлом, не вполне применим к нынешнему народу. Состояние наше более тяжелое. Тогда малейшее слово слышалось и чувствовалось сердцем. Сейчас сердце не слышит даже очень строгое слово.

В отношениях с духовником необходимо коснуться еще такого момента: очень сильно осложняют ситуацию бесы, которые не спят, и там, где действительно начинаются серьезные отношения между чадом и духовником, стекается это невидимое зло. Там, где отношения хладные, или теплехладные, или же формальные, там бесы особенно не тревожатся, но там, где начинается

серьезное наставление, вдруг, в одну минуту может произойти полный разлад всех отношений. В состоянии такого искушения духовное чадо не может правильно осознать происходящего. Ясно, что не может одна минута разлада перечеркнуть четыре года совместной духовной жизни, значит, явное искушение, которое нужно просто перетерпеть, и этим оно преодолется.

Если из-за минутного проявления самоугодия возникает такое противление духовному отцу, то это явное искушение. Не могут никакие подобные случайные моменты перечеркнуть пяти или десятилетнего хождения к своему духовному наставнику. Никак не могут. Благоразумие или же простая рассудительность позволяют человеку все эти вещи распознавать, как бы его ни заклинило. Но когда человек уязвляется, у него закрываются не только чувства, но и разум. Тем не менее все-таки самими остатками своего разума все равно должно помнить, что минутные или длящиеся в течение месяца искушения разлада отношений никак не могут перечеркнуть многие годы вашего пребывания со священником. Минутным и даже многодневным искушениям нельзя доверять. Нельзя из-за того, что заклинило, рвать многолетние отношения. Претерпите до конца, и откроется Божий Промысел. Он всегда неожиданно мудр и глубок.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ (БЛОК 1)

О призывающей благодати

— Возникает вопрос: если призывающая благодать Божия сама подвигает человека во время оглашения, и по себе каждый знает, что она особенно подвигает именно молитву, богослужение, пост и чтение книг, разве не могла бы она также подвинуть человека к правилам хранения чувств и к трудам над нравом. Почему же человек в первом легко подхватывается, а во втором и третьем так вязнет?

— Думаю, тому есть две причины. Когда человек молится, стоит на службе, постится или читает, он делает это с ревностью, но своим, ему присущим образом, делает так, как может. Как надо, не знает и не умеет. И Господь по милости и долготерпению приемлет его таким, каков он есть. Когда же он с такою же ревностью начинает обращаться с ближними и делать это так, как он сам может и как умеет (не имея ни кротости, ни смирения, ни любви), ближние недолго терпят его и скоро вступают в то или иное противление ему, громкое или тихое. Одним словом, с явно деятельными и к ответу готовыми ближними не очень-то просто умножать свою ревность. Не то что с книгами святых отцов, которые ничем ответить не могут.

Иные ближние, напротив, придут в сильное беспокойство и скорбь, встретившись, на их взгляд, со странностями уверовавшего человека и своей заботой и попечением, обидами и раздражением, не дадут человеку отойти от привычного порядка жизни.

Другая причина более важная. Труд над молитвою, умножая ее объем, можно совершать, при этом не участвуя в ней своим сердцем. Сердце при этом может далеко отстоять от Господа. Но как только человек обращает внимание на сердечные чувства, в нем же самом поднимается собственное самоугодие и себялюбие, которое не всякий человек может преодолеть. Более того, многим из нас удобнее ничего не делать в чувствах и нраве и вполне оправдываться

молитвой или жить преимущественным воодушевлением в ней. Тем более, что и в ней мы уклоняемся от трудов над качеством. То есть, самоугодием и себялюбием, которые могут вполне вписываться во внешние церковные действия, человек схватывает ревность к молитве, богослужению, посту и чтению книг и, считая, что он тем самым уже весь "церковный" устраняется от трудов над чувствами и нравом.

О заповедях блаженств

— *Расскажите о заповедях блаженств.*

— Заповеди блаженств — это сверхчеловеческий опыт нрава. *Чей это нрав? — Господень.* Это нрав Христа. В них Господь излагает, раскрывает *Свой* нрав. А обрестись в нрав Христов можно ли без Самого Господа? Только с Ним, с Господом, и совершается в нас этот нрав. Другое дело, что любой человек по своему устройению уже имеет такую душу, которая располагает внутри себя задатками Богодарованного нрава. Он превосходит все известные, человеческим умом обусловленные формы нравственности. Он имеет нрав Адама и Евы до грехопадения, высоту, которая превышает многих праведников Земли времен Ветхого Завета. Ведь это были первые люди, т.е. люди, которых Господь сотворил Своею Божественною Любовью и вложил в их душу такую нравственную красоту, каковой мы с вами сейчас даже близко не видим и не слышим ни друг в друге, ни в себе самих.

Иногда приходится слышать: *"Если уж Адам и Ева, те, которые превыше по нраву своему всех нас, согрешили, то что говорить о нас?"* Надо всегда помнить и памятовать о том, что сейчас Адам и Ева в раю молятся за нас. Господь принял их раскаяние. И, возможно, их молитвою многие сейчас приходят в Церковь.

В Нагорной проповеди Господь говорил о таком нраве, который превышает нрав Адама и Евы, т.е. который даруется сугубо благодатью Божией. Во времена Ветхого Завета эта благодать не была дана людям, а открылась по пришествии Христа, по исполнении Им мучительного подвига Крестных страданий и искупления нас из власти греха. Эта спасающая благодать подает человеку те одежды нрава, одежды добродетели, благодаря которым человек становится способен исполнять заповеди Блаженств.

Нравственные Заповеди Господь говорил дважды. Первый раз Он произнес их на горе Синай, первые десять заповедей, которые были преподаны Им Моисею. А в Нагорной проповеди Он произнес новые заповеди, которые превыше первых. Превыше, потому что они могут быть совершены только благодатию Евангелия, только в Церкви Православной, в ее Таинствах. Таинство — это и есть то самое место, где человеку преподается дар благодати, которым возможно исполнить эти заповеди.

Заповеди блаженств — это то, что стяжали Святые отцы и к чему указали нам путь, указали последовательность этого восхождения.

О том, стоит ли делиться впечатлениями о паломничестве

— Можно ли в назидание рассказывать о промыслительных встречах, о том, как видел благодатные лучи, возгорание свечей во время схождения Благодатного огня? Можно ли рассказывать о пребывании на Святой Земле, вообще о паломничестве?

— Безусловно, мы, паломники, будем рассказывать и делиться этим друг с другом, а потом, вернувшись, будем рассказывать всем, где мы побывали и что мы видели. Можно многое рассказывать и нужно рассказывать. Более того, ведь, может быть, для того Господь и открыл сейчас эту удивительную возможность: так свободно поехать на Святую Землю. И в таком количестве! За один только рейс — сразу пятьсот возможностей для благовествования Христа в разных местах по возвращении. Конечно же, можно и нужно благовествовать. Не благовествовать — это будет преступлением. В череде нашей жизни это паломничество имеет особое значение, и во время сборов каждый, наверное, испытал участие Божие в себе. Потому и послушание Божие всем: благовествовать.

Но только надо при этом иметь в виду второе непременно необходимое обстоятельство — *благоразумие*. Неблагоразумный не только никого не воцерковит, но и сам все растеряет. Можно после первого часа своего благовествования уйти совершенно пустым, все потеряв. Куда же после этого переместится рассказанное? Оно переместится в память, в сознание. При этом можно продолжать благовествовать, но уже *из памяти и из сознания*. При этом можно эмоционально разгорячиться и так рассказывать, что толпы будут собираться, но от этого, кроме вреда, ничего не будет.

Картина такого "благовествования" будет все более и более разворачиваться, будут припоминяться различные особенности, какие-то неожиданные подробности..., и в конечном итоге можно прийти в такое эмоциональное состояние! Будут собираться толпы, возгораться... а потом, наслушавшись таких возгорающихся проповедей или же рассказов, слушатель побежит собирать деньги, купит путевку и тоже поедет на Святую Землю...

Каждому, кто когда-нибудь из провинциального города впервые приезжал в Москву и был на Красной площади, известен этот эффект разочарования. Ему казалось, что Москва такая великая, высокая, а приехал — все оказалось значительно меньших масштабов, совсем не таким, как предполагалось... Подобное происходит и с паломниками в Святую Землю. От разгоряченных рассказов создается ложное впечатление, а из него — избыточное ожидание. В итоге человек, прибыв на Святую Землю, ничего особенного в ней не найдет. И в этом будем виновны мы с вами. Если человек переживает в разные моменты своего паломничества смущения, сомнения, неверие или маловерие, или особенную какую-либо хулу, которая вдруг здесь начинается в мыслях, помыслах, то все это может случиться только по одной причине: *человек неправильно приготовился к встрече со Святыми местами*. Вот эту неправильность, в силу нашей разгоряченной эмоциональности, можем создать мы с вами.

Кроме того, может произойти большая потеря и для нас самих.

Как бы нам не уподобиться тем, о которых говорит преп. Макарий Египетский: *"Имеющие внутри себя Божественное богатство Духа, если сообщают кому-нибудь духовное учение, то, как бы вынося собственное сокровище, дают им.*

Напротив, те, кои не имеют сего богатства внутри сердца... схватив только несколько цветов из Писания, носят их на конце языка..." (Слово о любви, гл. 5).

Поэтому помните тот *сокровенный* опыт, который мы с вами имеем и который сейчас еще невозможно вполне охватить. Разве знает по-настоящему кто-либо из нас, *что* мы с вами пережили, к *чему* Господь дал нам *прикоснуться*. Душа восприняла, а сознание еще нет. Даже чувство в полноте этого еще не восприняло.

С течением времени какие-то моменты пребывания там, на Святой Земле, воспринимаются по-новому. А поэтому все то, чем Господь нас облагодетельствовал, *постепенно* будет проникать в каждую клеточку, проникать в чувство, в сознание, в ум, сердце, волю человека. Этот процесс проникновения может происходить очень долго. Поэтому каждому из нас должно сохранить для себя возможность благодатного освящения.

Я хочу призвать всех к благоговейному хранению обретенного дара. Пока мы не знаем ни меры, ни глубины, ни полноты этого обретения. Мы только можем чаять, что оно есть в нас, что мы его несем сейчас в себе.

Пройдет время, и мы постепенно будем преображаться, пребывая в Церкви, участвуя в ее Таинствах, пребывая в ее молитвах, мы будем *меняться*. Кто знает, чем обернется в итоге в нашем личном жизненном опыте это единичное прикосновение, может, для многих из нас, вообще единственное в жизни прикосновение к Святым местам Христовым. И памятуя все это, в рассказе своем мы должны быть благоразумными.

Неприменно надо проповедовать, непременно надо рассказывать обо всех событиях, которые мы здесь пережили. О многом позволительно говорить и рассказывать, о тех событиях, которые были, свидетелями которых мы являлись, *но блюдите и храните себя при этом так, чтобы не расплескиваться, не уйти в эмоциональность, не уйти в "ах!.." и "ох!..", в восторги, в эмоциональную восторженность*.

Если пережитое на глубине всплывет на поверхность сознания, мы сможем рассказывать об этом очень долго, даже годами. И чем дальше сегодняшний день будем отходить по времени, тем больше мы сможем рассказать... Со временем может обнаружиться фантастическая способность человека умело дополнять свои слова несуществующими подробностями, приукрашать их до желания написать большую книгу о нашем паломничестве, причем полностью растеряв все обретенное здесь, в Святой Земле.

О фотографировании в паломничестве

— *Не грех ли фотографировать на Святой Земле?*

— Когда фотографируешь, невольно внимание отходит совсем на другое, т.е. ты уже не с Богом и не в молитве. Сохранять внимание в молитве во время фотографирования — это, наверное, способны делать лишь подвижники. Но мы-то с вами — вряд ли таковы. В процессе фотографирования, фиксируясь на внешних предметах, мы вполне можем забыть ту цель, с которой ехали сюда, в Святую Землю.

Поэтому ради Святых Мест и благодатного опыта встречи с ними, надо точно определить то время, и те обстоятельства, когда я не касаюсь фотоаппарата. В такие моменты не думать о фотографировании, сосредоточившись на святыне, которой необходимо оказать подобающую честь.

О молитве за врагов

— В Евангелии говорится: *"Молитесь за врагов ваших"*. Насколько мы в силах это делать? Правда ли, что молящийся человек получает удар бесовский или берет на себя эти искушения, или все искушения идут по силам молящегося?

— В своих посланиях Апостол Павел неоднократно просит: "Молитесь за меня". Апостол просит воцерковленных им мирян молиться за него. Человек, водимый Духом Святым, — и вдруг такая просьба. То есть молитва за других — это необходимость. Более того, Апостол Петр говорит: *"Молитесь друг за друга, чтобы исцелиться: много может усиленная молитва праведного"* (1 Пет. 5, 16). Церковь жива единокровием молитвы друг за друга. Молитва должна быть искренней, сердечной, простой.

В молитве не должно быть лукавства, корысти. В молитве не должно быть такого страха: *"Я сейчас помолюсь, и все бесы с него на меня слетятся, или же все его болезни моих врагов моими станут"*.

Правда, иногда от церковных людей можно слышать такое предостережение. Опыт церковный показывает, что не каждому и не за всякого человека стоит молиться. Молящийся действительно раздражает бесов. Везде, где начинается настоящая церковная жизнь, там начинаются искушения, а это признак активизации демонических сил. Бывает, что человек ходит в церковь, молится, исповедуется и причащается, но по нраву далеко отлежит от Христа, и там бесы особенно не волнуются, не тревожатся. "Пусть себе молится, — говорят они, — все равно он наш". Ведь *"люди сии чтут Меня устами, сердце же их далеко отстоит от Меня"* (Мк, 7, 6), — говорил о таких Господь.

Там, где начинается работа над нравом, там непременно будут искушения. Более того, Господь попускает искушения для того, чтобы человек упражнялся ими к стоянию в благодати Божией, к стоянию в смирении, коим обретается благодать. Это упражнение смирения совершается именно искушениями и скорбями. Поэтому скорби и искушения, попускаемые Богом, есть признак близости Божией, есть особая сугубая Любовь Божия к человеку. Но естественно, что Господь всегда как Премудрый Учитель точно вымеряет и знает меру этих искушений и скорбей. Поэтому никогда не сомневайтесь в том, что искушения подаются по вашим силам. Не впадайте от этих мыслей вдруг в смятение, смущение или же страх, или же болезнь какую-то, или же суеверные переживания. Уповайте на Бога с верою и истиною, и будете не постыжены. Какие бы искушения, или какие бы скорби на вас ни свалились, помните, что они свалились учительным попуском Божиим, а вовсе не самопроизволом якобы перепрыгивающих от кого-то на вас бесов.

О молитве за иудеев

— Как молиться о здравии и упокоении иудеев? Можно ли писать записки и ставить свечи за них?

— В Церкви совершается поминовение, пишутся записки и ставятся свечи только за крещеных людей. Если человек некрещеный (неважно при этом, какой он национальности), то молитва за него может возноситься лично его ближним, в домашних условиях, но не в церкви.

Если же человек воцерковляющийся, допустим, иудей, и он слушает, внимает разговорам о Христе, интересуется Церковью, то этот человек уже в оглашении. И тогда за него можно молиться на Литургии оглашенных. Вспомним ектению, которая начинается словами возглашения дьякона: *"Помолитесь, оглашеннии, Господу!"* и далее: *"Вернии, об оглашенных помолимся, да Господь помилует их!"*

Как раз во время нее и возносятся наши молитвы за всех наших близких, которые худо ли, бедно ли, но все-таки расположены к Православию, худо ли, бедно ли, но все-таки слушают и внимают церковному учению, хотя бы изредка, но все-таки воспринимают наши слова.

Если же человек активно воинствует, борется против Церкви, то нужно просить личной молитвы верующих людей. Имя такого человека нельзя подавать на проскомидию, т.е. подавать записку на литургию (в некоторых местах ее называют "обедня") не следует. Потому что на проскомидии за каждое имя вынимается частичка из просфоры, а потом частицы после причащения всех погружаются в Кровь Христову. И когда Кровь омывает частичку, благодать Божия омывает душу данного человека, которого мы помянули. Если человек волею расположен ко Христу и как-то интересуется Церковью, не противится Церкви Православной, то благодать встретит это непротивящееся настроение сердца и сочетается с ним, и тем самым омоются или ослабятся грехи его.

Что будет в случае, когда человек противится Церкви, а имя его подают на проскомидию? Если человек своею волею сознательно нераскаянно проживает в грехе, воинствует против Церкви, то благодать Божия, омывающая его душу, встречается с самочинною волею, вооруженною грехами. И эти грехи, восстающие в нем на благодать, восстанут с еще большею, особою силою. Воля человека вся связана с грехами, он с этим согласен, а с Церковью не согласен. Было неоднократно замечено, что в подобных случаях при нашем поминовении человека в церкви на проскомидии он в этот день вдруг приходит в такую неожиданную ярость или же в такое падение в свои страсти, в свои грехи, которые превышают обычное будничное его поведение. Это знак того, что за этого человека на проскомидию подавать не стоит. Если же мы начинаем его усиленно словесно воцерковлять, то мы только усугубляем его грехи. Это все равно, что дразнить его, искушать его и в результате вызывать его на усиленное согрешение против Христа, просто хулу на Бога. Такого человека надо вымолить в домашней молитве, что одновременно означает и добронравно вытерпеть. На это уходят не месяцы — годы.

О помыслах во время молитвы

— *Во время молитвы очень много помыслов. Как от них избавиться?*

— Помыслы посещают нас по двум причинам. Первая причина кроется в нас, вторая — вовне. Первая — это наши собственные страсти, привязанности к самым разным житейским делам, которые отвлекают от молитвы, а вторая — это бесовское действие.

В житийной литературе можно встретить такую фразу: *"Отгоняйте помыслы"*. И человек неопытный, прочитав это, берет совет на вооружение, пытается бороться с помыслами, отмахиваться от них, отгонять. Но все тщетно. Почему?

Когда идут помыслы, важно всегда помнить такую вещь: помыслы отогнать можно лишь только при содействии Божией благодати. Каждое слово, которое мы читаем в книгах Святых отцов, надо тщательно сверять с контекстом внутренним опытом понимания. Святые отцы под фразой *"отгоняйте помыслы"* имеют в виду одно, а мы понимаем совсем другое, и перетолковывая их слова на свой лад, понимаем их совершенно искаженно.

Что же имели в виду Святые отцы под отгнанием помыслов?

Человек, отгоняющий помыслы, подобен утопающему в болоте. Если он начнет барахтаться и пытаться вырваться из болота, то еще сильнее завязнет. А отвлечься, переключиться можно. Правда, человек навывод от одного помысла отвлекаться в другой. Допустим, пришли помыслы о делах, которые остались там, вне храма, вне службы, а человек может отвлечься от этого помысла и вспомнить вчерашний фильм и заняться этим фильмом. Или заняться ссорой, произошедшей вчера, или вдруг вспомнить, что вчера сильно продешевил на рынке... Таким образом отвлечься можно. Это часто происходит, человек начинает отбрыкиваться от помыслов, а на самом деле попадает в новый помысел.

Отогнать помысел может только благодать Божия. Что *это* такое, знали Святые отцы, мы же знать этого не можем. Например, размышление над Евангелием или над смыслом молитвы, прозвучавшей только что, будет намного полезней, чем бесплодная борьба с помыслами. Можно отвлечься в какое-нибудь наставление Святых отцов и поразмышлять о нем. Можно вспомнить фразу из Псалтири и поразмышлять над ней. В крайнем случае вспомните любую из молитв, утренних или вечерних. Само по себе это размышление привлечет благодать Божию, а только ею отгонятся мешающие помыслы.

Есть еще другой способ борьбы с помыслами: раскаяться, покаяться человеку в том, что он впадает в этот помысел. Тут мы переходим к внутренней причине помыслов.

Ради ответа сделаем небольшое отступление в теме. В двух словах вспомним, что значит термин *"новоначальный"*. *Под новоначальным я подразумеваю человека, пребывающего в Церкви 10-15 лет. Нынешнее наше духовное состояние таково, что 10-15 лет активного воцерковления, Исповеди, Причастия, церковной жизни — это состояние новоначального.*

На основании чего я утверждаю это? Если мы сопоставим те состояния церковного человека, которые описывают Святые отцы, и состояние сегодняшнего христианина, то увидим, что даже пятнадцатилетняя церковная практика многих из нас есть всего лишь новоначание... Так отчего же происходит такая борьба помыслов в человеке новоначальном? У новоначальных помыслы от бесов могут прийти по одной только причине: у нас есть за что им зацепиться. Это значит, есть наши страсти, а по ним и привязанность к разным житейским делам. Например, у одних большая привязанность к желанию непременно *отыграт*ся по отношению к ближнему. С кем-то поссорился, и последнее слово осталось за

соперником, но очень хочется, чтобы последнее слово было за мной... Отыгаться — это проявление уязвленного самолюбия. У человека оно бывает очень сильным, иногда до такой степени, что он этими ссорами только и занят на богослужении. Перебирает вчерашние, позавчерашние ссоры, — мало ли какие... У другого очень большая страсть к вещам или к деньгам, он тоже проигрывает различные моменты уязвления — где-то продешевил, где-то потерял вещь...

Если мы во время богослужения вдруг занялись житейскими делами, разве это не повод для нашего покаяния? Поэтому, если это все же произошло, могу дать такой совет: остановитесь в богослужении, перестаньте слушать службу, займитесь немного собою, т.е. рассмотрите со вниманием *сами помыслы*, **каково** их содержание. Вы увидите, что оно чаще всего *одно и то же*. А значит, одна и та же страсть, какая-то обычная житейская привязанность наша мешает нам и во время богослужения.

Следует всегда помнить слова Апостола Павла: *"Там, где преизобилует благодать, оживает грех"*. В храме преизобилует благодать Божия. Естественно, что в нас оживает грех, а значит, всякая житейская, земная привязанность. Грех со всею властью и силою будет увлекать наше жизнелюбие. Человеческая душа будет увлечена этою силою и будет с большим жизнелюбием заниматься страстями, совершенно ее, бедную, опустошающими. Иными словами, она будет попусту тратить свою жизненную энергию.

Чтобы научиться бороться с этим надо дойти до сути, до корня. Для начала узнайте содержание помысла. Увидев содержание, найдите его причину. К примеру, это привязанность к вещам. Увидев такую привязанность, сокрушитесь о связанности своей этим греховным состоянием и упадите в земном поклоне Богу с молитвою: "Господи, помилуй меня, прости меня!" Иногда бывает одного такого земного падения пред Богом — не поклона, а падения — достаточно для исцеления.

Некоторые говорят: "Мы делаем поклон, но бесы или же наши страсти от этого несколько не поражаются, сколько бы поклонов ни делали". А вот когда ты *упал* перед Богом в глубоком земном поклоне, это совсем другое дело. И когда человек осознает, что стоя на богослужении в то время, когда Царские Врата отверсты, когда совершается Величайшее Таинство, он занимается своими ничтожными проблемами, и падет с великой скорбью, с покаянным чувством, со страхом пред Богом, сокрушение придет к нему. Этим сокрушением он несомненно призовет к себе содействующую благодать Божию. И лишь эта благодать способна побороть, отогнать помысел.

Итак, первое из этих действий — размышление над любым Богоугодным содержанием, второе — рассмотрение самого себя: откуда идет помысел; и третье — сокрушение в помысле, который вы переживаете в этот момент.

Третье — это смирение Богу. Пришли на службу, смиритесь, что дела ваши теперь не в ваших, а Божиих руках. Ваше дело сейчас быть ближе к Богу, тогда Господь позаботится о нормальном течении ваших дел. Имейте надежду на Бога, она поможет вашему смирению. Когда научитесь делать что-либо из этих трех, тогда можно следовать святым отцам и отгонять помыслы.

О борьбе со сном во время молитвы

— *Как побороть сон во время молитвы?*

— Дело очень сложное. Я и сам не могу побороть... Единственное, что помогает, это земные поклоны. Во время молитвы можно делать земные поклоны, но с искренним обращением к Богу, потому что сам по себе поклон мало что дает, и сон тут же наваливается снова. Если вы молитесь, и сон борет вас, святитель Феофан Затворник рекомендует перестать молиться. Отвлекитесь, займитесь каким-либо делом, буквально на пять минут — оно вас вполне взбодрит. А потом опять возвращайтесь к молитве.

Если же вы стоите на службе, и сон одолевает вас во время богослужения, то не стесняйтесь, сделайте земной поклон. Хотя часто человек смущается, боясь мнения окружающих людей. Не надо, не смущайтесь.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ (БЛОК 2)

Как молиться за отроков и как привести их к вере

— *Как молиться за детей в отроческом возрасте, чтобы они пришли к вере, и как это сделать, если сам находишься на самом первоначальном этапе?*

— Отроческий возраст — это период от 7 до 14-16 лет. Очень трудный период, очень трудный возраст. Дело в том, что до 12 лет дети запечатлевают, как жить, и в своей любви, своей верности обращены к родителям. А после 12 лет у них наступает самостоятельность действий. То, что дети уже запечатлели до этого возраста, то и проявляют в своей жизни как самостоятельные поступки. Неудивительно, что, если они запечатлели в доме родительское поведение, совершаемое в самоутверждении, самодостаточности, своеволии, своеправии, то именно *это* они будут потом осуществлять в своей личной жизни. И поэтому так неожиданно вдруг меняется характер отношений с детьми, когда им становится 12-14 лет. В действительности, ничего удивительного в этом нет. После 12 лет в детях мы встречаемся с самими собой. Потому что ребенок до 12 лет запечатлевал своих родителей, он имел возможность взять только то, что прежде всего дают родители, ведь чаще всего и ближе всего он видел именно их. Душа детская обращена с самого рождения к родителям как к важнейшему началу — с кого делать жизнь. Это свойство в природе детской души вложено Богом.

Поэтому неудивительно, что часто встречается такой феномен. Родители воцерковляются, когда ребенку, например, 3-4 года, его тоже одновременно активно воцерковляют. Но по достижении 12-14 лет дитя вдруг совершенно отвращается от Бога. Почему? А по той простой причине, что, пока родители воцерковлялись, первые пять лет у них никакой работы над своим нравом не было, они по нраву оставались прежними, такими, каковы были до воцерковления — своевольными, своеправными, своемерными, самомнительными, своемнительными. И вот это-то их настроение души и запечатлел ребенок, хотя при этом он постоянно причащался, после семи лет исповедовался, и родители были внешне достаточно церковными... Но это всего лишь первые 5 лет воодушевленного периода. Внешне ребенок живет как церковный, а внутренне запечатлеывает *неизменный* нрав родителей. После 12 лет, ребенок начинает проявлять то, что он запечатлел, а именно — неизменный нрав родителей. И родители вдруг с этим сталкиваются. Искренняя молитва, хождения на службы, посты, чтения Евангелия были вовсе не их нравом, обращенным к Богу, а

призывающей благодатью Божией, которая жила в них, поддерживала, окрыляла их. А в нраве своем они не были устремлены к Богу. А коли так, то ребенок, запечатлев таких родителей до 12 лет, после начинает просто проявлять то, что же были тогда его родители.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что дети, которые в раннем детстве были очень церковными, после 12 лет совершенно отвращаются от Церкви. Этот период надо переждать, молясь за них и каюсь за свои родительские грехи, за свой нрав, при этом меняясь в нем, полагая труд по его перемене. Если такой труд будет положен, то это и будет решающим моментом изменения своих отношений с подрастающими детьми. С 12 до 24 лет — это целых 12 лет в жизни отрока, затем юноши, который зависим от родительской воли и от характера отношений с родителями. Поэтому пока ребенок еще поддается воспитанию, очень много зависит от того, как родители, меняясь в лучшую сторону в своем нраве, строят свои отношения с сыном или дочерью.

Об осуждении

— *Как поступить в таком случае: я встречаю знакомого, и в беседе он начинает кого-нибудь осуждать. Что делать? Оборвать ли разговор, читать ли Иисусову молитву про себя или попроситься и уйти?*

— Осуждение — излюбленная тема церковных людей. Создается такое впечатление, что это *неотъемлемая особенность церковных людей*. Раньше, пребывая в нецерковной среде, я не помню, чтобы люди так активно обсуждали, перемывали косточки разным батюшкам, сослуживцам или еще кому-то. В миру у нас было множество всяких поводов, о которых можно было поговорить. Конечно, через это проскальзывал рассказ о том или ином сотруднике, но это не составляло главную тему разговора.

А когда попадаешь в среду церковных людей, создается такое впечатление, как будто нет других тем. "Ты знаешь, что сказал тот епископ?..", "А как поступил тот батюшка...", "А ты знаешь, что та сестра делает?..", "А что приключилось с тем человеком?..", "А что с тем монахом?.."

Нам заповедано быть едиными, а значит — непременно быть во внимании друг ко другу, во внимании к добродетелям друг друга. Это и есть область Церкви. Когда я открыл добродетель в другом и радуюсь ей, когда единоклубен в этой радости с его добродетелью — это и есть едино собиание Церкви, это и есть ее свойство.

Но, имея эту заповедь, современные христиане ее искажают с точностью до наоборот и с совершенной искренностью начинают заниматься осуждением и выискиванием друг в друге всяких безобразий. Забывая совсем, что ты становишься соучастником того греха, который осуждаешь в другом.

Как многие из нас поступают, когда собеседник начинает осуждать или что-нибудь еще делать неправильно? Нравом своим, а значит, сердечным настроением, сердечным чувством человек *решает* не участвовать в этом мероприятии. Но вместо того, чтобы отложиться от осуждения по движению сердца, он начинает интенсивно лопотать про себя: "Господи, помилуй! Господи, помилуй!" И что же обнаруживается? Человек в этот момент как бы двойственен. Он всем своим сознанием (которое знает, что осуждать грех) взывает к Богу в молитве и

пытается от невольно возникающего своего сердечного осуждения убежать с помощью молитвы. Но в это время сердце продолжает быть осуждающим все равно — ушко-то слушает, и сердце откликается. Где-то в глубине души все равно остается напряженное внимание к фразам собеседника. Проговорив в таком настроении молитву и тем самым отрекшись от своего осуждающего действия, человек после разговора уходит домой и чувствует: та фраза, которую он зацепил сердцем, начинает в нем разворачиваться. А если при этом он еще пошел и на службу, на богослужение... Тут уже сразу все явно предстанет перед внутренним взором, потому что в церкви, во время молитвы, действует благодать Божия, и падшая натура человеческая восстает против этой благодати. Поэтому человек, который не научился *сердцем* устраняться от своей падшей природы, сколько бы ни пытался в этот момент молитвою *забивать* ее, почти не справляется с этим. И в результате помыслы его будут схвачены падшей натурой, во время богослужения он будет помышлять обо всем услышанном, впадет в осуждение, и этим будет занято его сердце. То ли это мысли о его работе, то ли это осуждение ближних, то ли это какие-то влечения, привязанности... Чему принадлежит сердце, то и будет побуждать различные помыслы. И он, занятый этим, стоит на молитве и пытается молитвою же отделаться от помыслов.

Если человек творит молитву и просит благодати, а сердечного храма не приготовил, если в его сердце, как в чулане, масса самых ужасных земных вещей, то куда же войдет благодать Божия? Видите, как в действительности необходим труд над нравом? Надо в своем сердце научиться не осуждать, отложиться от осуждения, а значит, не обращать прежде всего *сердечного внимания* на осуждающие слова, которые говорятся. Это сердечное злое движение надо почувствовать, надо в себе однажды его схватить и больше на него не поддаваться. А когда навык отложения имеется во нраве, тогда уже и надо молить, просить Бога, чтобы Он в этом укрепил. И тогда по молитве благодать войдет в душу и сердце, ибо они приуготовлены, как храм для Бога.

О Святом Причащении

— *Перед Чашей вспомнил грех, что делать?*

— Если ты уже благословлен причащаться, значит, на тебе благословение Божие, преподанное тебе через священника, Христова служителя, и поэтому иди и причащайся. Но вдруг ты действительно вспомнил грех, и совесть затомила, сердце заскорбело, — уподи перед Чашею в положенных трех поклонах, покайся, ибо Сам Господь пред тобою, и причащайся. К этим словам добавлю следующее.

Вчера и позавчера мы имели возможность прикладываться к различным святыням. Кому-то из нас посчастливилось попасть в Дарохранительницу храма Гроба Господня, где почивают мощи многих святых. Большинство из нас приложилось к мощам новомученицы Российской Елизаветы Феодоровны и инокини Варвары. С каким благоговением, с каким чувством мы прикладывались к ним, испрашивая от них благодатной помощи!..

А здесь — Тело Самого Господа, Кровь Самого Христа износится из алтаря, и Сам Господь преподает нам это Причастие. И затем благодатию Своею, Телом и Кровию входит в нас, чтобы обрести нас Себе. Конечно же, если ты вдруг вспомнил грех, уподи и покайся Богу, прямо здесь. Со слезами попроси у Него прощения: "Господи, прости меня недостойного!"

Мы никогда не можем быть достойны Причастия. Поэтому, если человек чувствует, что он подходит к Причастию достойно, он пребывает в прелести. Не может быть достойно причащающегося человека! Все святые угодники, описывая моменты своего Причастия, плакали о своем недостойнстве. Но можно говорить о достойном приготовлении: мера приготовления у каждого своя. И вот эту *свою* меру ты должен исполнить. Это будет твое достойное *приготовление*. Если ты вдруг обнаружил, что подготовился еще недостаточно, если у тебя заскорбела об этом совесть, прямо сейчас возьми и исполни долг свой, прямо сейчас покайся Богу, попроси у Него прощения и со всею верою, что ты причащаешься Самого Господа нашего Иисуса Христа, Самого Бога, Который есть любовь, прими Причастие, и Господь всего тебя просветит и Себе усвоит.

О телесном наказании детей

— *Как Вы относитесь к телесному наказанию детей?*

— Во всех церковных книгах прошлых веков, касающихся воспитания детей, сказано о *необходимости наказания* детей. Но одно дело — наказание, исполненное родительского требования, а другое — наказание, *исполненное любовью*. Любовь радуется о спасении своего дитяти. Любовь радуется о его Богодарованной душе, о том, чтобы эта душа отложила от греха и усвоилась бы добродетели и добродетели. А когда ребенок, зная все это, тем не менее не владеет собою и грешит (два раза ему сказали "не делай", а он все равно сделал), то третий раз приходится его наказывать.

Я часто привожу такой простой пример: малое дитя сидит за столом и тянется к фарфоровой кружке. Мама говорит:

— Не надо, не трогай, нехорошо так делать, это не твое.

Ребенок отдернул руку. Через некоторое время мама видит, как он снова осторожно тянется к этой кружке. Тогда мама делает второй шаг и предупреждает:

— Я же сказала: нельзя, если будешь дальше так делать, придется тебя наказывать.

Ребенок вновь отдернул руку. Проходит несколько минут, и мама видит, что он все равно тянет руку исподтишка, хочет все-таки эту кружку схватить... И вдруг резкий шлепок по рукам.

— Ай! — отдернул руку ребенок, и вместе с этим из него выскочило и желание прикоснуться к кружке. После этого ребенок успокоился, и теперь сидит себе спокойно, и довольно болтает ножками, и очень любит свою маму.

Такое наказание, сделанное от любви, дитя не уязвляет, оно освобождает его от греха, от сильного влечения, которое со властью им владеет. Ребенок сам с этим не справляется, даже мамино предупреждение не помогает ему управиться с этим. И поэтому мама в конечном итоге берет и наказывает его. Но это наказание краткое и достаточно чувствительное, оно сделано для того, чтобы сразу высвободить ребенка из плена жадности и желания греха.

А что делает требование родительское, которое происходит от самости родительского антагонизма? Оно вот что делает. Оно долго-долго зудит над ребенком, что не надо делать так, так и так, терпит, терпит ребенка, постепенно накаляется внутри себя, потому что ребенок упрямится и делает свое. И в конечном итоге родитель, не владея собой, совершенно разгневанный и раздраженный, вырывается, хватается за ремень или первый попавшийся в руки мягкий или жесткий предмет и начинает наказывать ребенка. Нет. Это уже не наказание, это истязание ребенка. И до тех пор, пока родитель весь в своем возбужденном состоянии не утихнет, он не остановится. Это не наказание, здесь нет любви, здесь есть сильное раздражение, досада, задетое родительское самолюбие, отсюда, конечно, рождается истязание. Будет ли здесь какая-нибудь краткость? — Не будет. Наказание всегда краткое, но чувствительное. А истязание будет продолжаться до тех пор, пока злоба родительская не истощится.

О воспитании детей в воцерковляющейся семье

— Расскажите, пожалуйста, об этапах воспитания детей в воцерковляющейся семье. Ведь сегодняшнее воспитание детей в церковном духе тяжелым бременем ложится на плечи родителей. Как избежать перегибов? Почему у детей из верующих семей можно наблюдать такое резкое отторжение от веры и церкви?

— Верующие родители (по нраву верующие, а не просто по сознанию и способности произносить молитву и ходить на службы) воспитывают ребенка мягко, без надрыва и излишней эмоциональности.

Часто приходится слышать, что дети верующих семей очень сильно отличаются от неверующих, кстати сказать, в худшую сторону.

Дело в том, что ребенок должен пройти все этапы становления как полноценный человек в телесном, душевном и духовном своем достоянии, а значит, тело, душа и дух ребенка должны получить свое окормление, свой образ, т.е. образ хождения, поступка, поведения. Ребенок, получая этот образ, напечатлевается и навывается в нем. Этот образ потом и является хранителем ребенка в определенной манере поступков, действий души и духа.

Допустим, ребенок живет в семье неверующих родителей. Это значит, что дух его не получил должного окормления, он остался связанным узами греха. И, связанный этими узами, он получает от них ясный и четкий навык действия ко греху. Поэтому такому ребенку будет свойственен дух гордости, упрямства, каприза, обидчивости, жадности, дух брани и прочие разные негативные проявления. Такой ребенок будет проявлять все это с великой силой и властью, вплоть до того, что впоследствии и родителей своих в этих проявлениях перецеголяет.

Душа тоже должна получить свое окормление, получить душевный образ. Душевный образ — это и есть те самые чувства, которыми исполняется душа, и которыми мы относимся друг ко другу. Например, великодушие. Его можно описать словами, можно даже дать ему определение, но это ничто по сравнению с тем, когда вы реально встретите, услышите, почувствуете на себе чье-то великодушие, чье-то умиление, благодарность и радость, полноту жизни, которая

исходит от великодушного человека, свободу и простоту жизни. Такой свободы и простоты, как с великодушным человеком, ни с кем другим не обретешь.

Или совсем другое. Например, душевная скупость. Вы нуждаетесь в утешении, а человек даже слова-то утешающего произнести не может. Он сидит, смотрит на вас и ничего не говорит. Вы уже всего себя раскрыли, всю боль и обиду свою рассказали, а он вдруг возьми и скажи какие-то несуразные слова, не от сердца, а от сознания идущие и ни в чем не помогающие, душевно вас не утешающие. И вы явно слышите: собеседник ничего не дал вашей душе.

А милосердный буквально одну коротенькую фразу скажет или же шутку какую, и у человека все растаяло. Откуда у него эта шутка? Из сознания? — Нет. Она родилась из сердца его милосердного, потому что утешительное слово рождает душа, а значит, сердце. Правда, слово может извлекаться и из сознания. Но слова, извлеченные из сознания, и слова, рожденные из души, — совершенно разные слова.

Родители, имеющие душевный образ, душевную полноту отношений друг с другом и с ребенком, научают его благоприятному и благодатному обращению с людьми. Трагедия сегодняшних взрослых такова: мы почти не имеем образа добродетельного обращения друг с другом, потому что мы уже — третье и четвертое поколение, возросшее в неверии, пребывающее в сильнейшем оскудении духа и поэтому утратившее те удивительные дарования, добродетели, которыми Господь наделяет всякого церковного человека. И так как мы с вами только новоначальные, то нам еще очень далеко до нрава Христова, поэтому мы пребываем в своенравии. Получается, что сегодняшний верующий родитель передает (на душевном уровне) своему церковному ребенку *свой падший нрав*, и дитя запечатлевает его.

Если при этом его водят ко Причастию, дух младенца окормляется Причастием, а душа через какое-то время восстает против этого же Таинства. И только первый час, может быть, полчаса после Причастия ребенок умиротворяется силою и властью Господнего участия, а потом его вдруг начинает что-то терзать. Дух его, связанный грехами, вступает в согласие с падшим устройением души и восстает безнравием. В то же время в дни, когда ребенок не причащается, он с такой силой не бесчинствует. В целом его поведение имеет более-менее умиротворенный характер. Он чуть-чуть упрямится, чуть-чуть злится, чуть-чуть капризничает, но все-таки остается управляемым. Таковы все неверующие и нецерковные дети.

Верующий ребенок, напротив, получив благодать Божию, нередко становится неуправляемым. Особенно сильно это наблюдается там, где родители совершенно не имеют церковного нрава, а исполнены нрава падшего. При таких родителях состояние ребенка чрезвычайно критическое, в результате чего мы видим таких раздерганных детей.

Опираясь на нынешний опыт, могу сказать, что такое постепенное преобразование ребенка начинается по достижении родителями образа прощения и оправдания, а значит, и возможности проявления сердечного участия к ребенку, проявления, возрастающего до духовной любви. Одновременно с родительским преобразованием постепенно изглаживаются и утихают все греховные привычки, капризы их детей.

До 12 лет запечатление родительской неправды бывает настолько ярким и сильным, что ребенок, вступая в подростковый возраст, начинает совершенно противиться всякому духовному действию. Таких детей бывает невозможно привести к Причастию, поднять на молитву, они бегут от Исповеди. Они выискивают любую возможность убежать даже от любимых батюшек. Вглядываясь в эту подростковую неправду, от которой страдает душа ребенка, ищущая по своей природе пробуждения и возрождения, но внутренними обстоятельствами падших запечатлений родителей не может пробиться через них, как порой живой росток не может долго пробиться через асфальт, мы, взрослые, спрашиваем себя: "Чем мы можем помочь ему?" Чтобы ответить на этот вопрос, рассмотрим причины возникновения таких состояний у детей.

Первая причина, не по значимости, а по очередности, в которой буду излагать их, — это *неправедная жизнь самих родителей до рождения ребенка*. Дитя от родителей получает искаленную грехом душу, поэтому вся предыдущая жизнь родителей становится началом, основанием той неправды, которую ребенок воспринимает еще в материнской утробе. Родившись, он ищет удовлетворения этой неправды. И поскольку родитель рождающий и родитель воспитующий ребенка — один и тот же, с теми же привычками, часто далеко не измененными, ребенок легко и закрепляется во внешних запечатлениях в родительской неправде. Запечатленный образ потом становится движущим началом поступков и действий ребенка. Следовательно, вторая причина — это *конкретное поведение взрослого человека, родителя, которое происходит на глазах детей*.

Но есть под этим еще более фундаментальная причина, которая порою объясняет не совсем понятные явления в православной семье. Иногда мы видим, что очень хорошие родители имеют совершенно невыносимого ребенка. Вглядываясь в родовую жизнь, мы обнаруживаем, что род не сумел сохранить чистоты, в роду были действия преступления Божьего закона. Этот порок, этот грех не был раскаян и теперь каким-то тайным образом проявляется в ком-то из детей: во внуках, правнуках и праправнуках.

Мы научаем ребенка смирению перед самим собою, перед своими тяжелейшими, труднейшими привычками, с которыми ребенок порой ничего поделать не может. Попытка обвинить или обличить его в неподчинении нам является проявлением еще большей родительской нелюбви к нему и духовной слепоты, при которой он обвиняется в том, что запечатлел от родителей. Крайней несправедливостью будет, когда отец и мать не только обличают, но и ненавидят за то ребенка. "Я в нем вижу отца его и ненавижу его за это".

Терпеть таких родителей — крест ребенка. Душа всякого ребенка находится в оковах неправильных поступков родителей, которые к тому же еще пытаются смирять ребенка и подгонять его под свой собственный образ.

Психологи заметили, что ребенок запечатлевает образ родителя, особенно отца, как прообраз Бога. И если родитель довлеющий, если родитель скручивает ребенка под себя, то и запечатление образа Божия происходит как властное, строгое, подавляющее. Такие дети обычно не прибегают к Богу, они Его боятся, вплоть до мистического чувства страха перед Ним. И если не знать этой закономерности, то всякая попытка насильно привести такого ребенка к Причастию, к другому церковному действию является неправдой, нелюбовью к нему, проявлением слепоты.

Но если такого ребенка потерпеть, если родительский крест понести самим, или если такого ребенка возьмет на воспитание и поведет чуткий педагог, воспитатель, пастырь, то постепенно изглаживается внутренняя надломленность характера, умиротворяется и сам ребенок. Повзрослев, он сам будет искать собственного исправления. А пока важно терпение, прощение и любовь к ребенку, которые становятся главным в душевных отношениях с такими детьми. И детская душа распрямляется, обретает в таких контактах нескоротечную радость.

Добавим еще о телесном воспитании.

Святитель Феофан Затворник говорил, что тело ребенка тоже должно быть воспитано в строгости, суровости. Оно должно быть воспитано для мужественных поступков, для исполнения мужества души. А значит, оно должно быть способно терпеть лишения, что его надо воспитывать в мужестве. А что делают сегодня церковные мамы с папами? Они лелеют своего ребенка, голубят, холят, и в результате получается, что дитя ни к чему телесно не приспособлено. А отсюда малейшее неудобство телу плюс душевная взвинченность, необузданность тут же рождают в нем каприз, упрямство или вообще полное неповиновение родителям, причина которого возвращенное тело- и самоугодие ребенка.

Вот, на мой взгляд, основные причины того, почему церковные дети в современных воцерковленных семьях оказываются в более худшем положении, нежели дети нецерковные. Несмотря на это, у нас все же остается упование на милость и благодать Божию, к которой они прибегают. Ребенок все-таки получает Причастие, духовное окормление, и, может быть, этим будет оправдано его столь перевернутое воцерковление. Хотя... не всегда так происходит...

О возможности воцерковления взрослых детей

— *Посоветуйте, пожалуйста, как уже взрослых сыновей привести к Богу.*

— Это очень важная, но очень трудная забота, потому что мы с вами, с одной стороны — не просвещены, *во что* призываем наших ближних, а с другой — не знаем средств этого призывания. Обычно мы прибегаем к тем средствам, которые кто-то советует, но чаще всего оказывается, что основного-то мы и не делаем в силу своей некомпетентности и неумения. И даже имея в руках эти средства, мы не имеем силы или инструмента, которым можно все это привести в действие. Потому что с помощью этих средств мы должны сами, без посторонней помощи, без излишней суетливости и поспешности действовать. А мы кто? Своемерники. Мы живем во грехе и во страстях пребываем. И поэтому даже такое церковное средство, как молитву, мы используем как проявление нашего властолюбия и уязвленного родительского самолюбия. И именно эту силу мы наполняем нашу молитву, вместо того, чтобы искренне, со слезами, с чувством собственной немощи и беспомощности помолиться Богу.

По этим причинам забота о восстановлении наших чад в Церкви становится для нас очень сложной. Это не значит, что не надо молиться. Молитва о детях необходима. Это не значит, что не надо призывать Церковь к молитве, писать записки, приносить их на богослужение. И это необходимо исполнять. Но только в случае, если произойдет изменение нашего своенравия в нрав Христов, может проявиться реальный плод наших родительских усилий. Кому из наших ближних

надо воцерковиться, тот воцерковится. А кому сейчас еще рано воцерковляться, тот будет приуговтавливаться к этому воцерковлению.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ (БЛОК 3)

О правильном отношении к животным

— *Каковым должно быть христианское отношение к животным?*

— Очень доброе, в том числе и к собакам, хотя по церковному уставу собака не должна жить внутри человеческого жилища. Собака сама по себе — животное доброе и назначена человеку в охранение его жилища. Поэтому, если есть собака, охраняющая жилище, то ее нельзя кормить со злобой, с отвращением, как бы ее не коснуться, т.е. миску положил и бросился от нее. Так нельзя. Если собака во дворе, то она сторожит дом. Но никак не позволительно собаку держать в квартире. Церковному человеку в квартиру, где находятся иконы, лампадка, крест, допускать собаку нельзя. Мы знаем, что появление собаки оскверняет церковь, и поэтому в случае, если забежала собака, церковь приходится переосвящать. Многие верующие обращаются с такими проблемами: живу с родителями, они любят собаку, не могут расстаться с ней, а я уже воцерковился. Что делать? — Надо терпеть. Мира ради, любви ради. Терпение, любовь выше, чем гнушение собакой.

А все остальные животные: кошки, аквариумные рыбы и птицы, которые благословлены в доме, — можно ли их держать? Если ребенок хочет, если он будет заботиться о них, то, конечно же, это очень хорошо. Если бы мы жили в деревне, в селе, где была бы большая и малая скотина и разная птица, за которой мог бы всякий ребенок ухаживать, то тогда посильный, реальный труд имел бы нравственное значение. Человек нравственный питается от дел рук своих, значит, человек должен трудиться. А каков духовный смысл труда? Апостол Павел заповедует о том, чтобы трудиться, дабы иметь возможность подать милостыню требующему, нуждающемуся. Человек должен трудиться, чтобы не только себя накормить, но еще и иметь подаяние. Вот смысл труда. А все остальное — работа. Если ты трудишься ради своей способности или ради заработка, то это работа, это уже не труд.

В детях *необходимо* воспитывать труд. Когда есть домашние животные: скотина, птица, — то уход за ними по силам даже трехлетним детям и очень много дает в их трудовом воспитании. Там, где трудового воспитания детям не дают, потребность в попечении в детях все равно остается, и тогда она начинает компенсаторно перебиваться игрой, т.е. дети начинают *играть в труд*. Игровым образом они выражают свое попечение о куклах, о больных, о покупателях.

Дети незакомпьютеризованные и незателевизированные все-таки еще играют, но играют, к сожалению, во взрослые игры, хотя по природе своей души они должны были бы реально исполнять эту взрослую работу. Но мы ее не даем. Нужно дать им хотя бы животных в квартире. Но тут важно, чтобы ребенок обязательно о них заботился. Поэтому прежде, чем вы купите ребенку кошку или аквариумных рыбок или птичку, сначала удостоверьтесь: "А ты будешь ухаживать за ней или нет?"

Расскажу вам два случая. У нас в Волгограде живет одна мама, воспитывает она двух детишек. Запросили дети у нее (она тогда еще не была верующей) собаку.

Мама им отвечает:

— Но ведь за собакой нужно ухаживать — каждое утро ее надо по нужде выводить. Вы так сможете?

— Конечно, мама, сможем.

— Ну давайте потренируемся. Вот вам плюшевая собака. Теперь вы будете каждый день ее выводить и гулять с нею.

И вот в 6 утра оба ребенка (четыре и шесть лет) поднимаются мамой и выпроваживаются на улицу. Грустные, клюющие носом сидят они до семи утра возле своей плюшевой собачки во дворе. Возмущенные соседи говорят ей: "Ты что издеваешься над своими детьми?" Но мама, не обращая внимания на соседей, каждый день продолжает их поднимать. И так длится в течение недели. В конце недели дети сами говорят:

— Мама, ты знаешь, наверное, собаку покупать не надо.

Или другой случай, который рассказывал отец Валериан Кречетов в своей лекции.

Однажды его малолетний сын подошел к нему и говорит:

— Папа, давай купим слона!

Озадачился папа, как ответить сыну, чтобы не уязвить и не запретить. Что же делать?

— Но ведь он же много ест.

— Ну так я буду ухаживать за ним. Я буду его кормить.

— Но ведь это надо очень-очень много кормить...

— А я буду все равно.

— Тогда, знаешь, давай поупражняемся, действительно ли это у тебя получится. Видишь, у нас какая большая семья, как нас много? Но все равно, даже все вместе, мы слона не составим. Мы составим всего "полслона". С сегодняшнего вечера ты будешь кормить нас. Значит, теперь каждый раз ты будешь накрывать трапезу и будешь убирать после нее.

Семья отца Валериана действительно большая, у него семеро детей, матушка, бабушка, а ребенку в то время было 6 или 7 лет.

И вот ребенок накрывает на стол, приносит с кухни все необходимые продукты. Взрослые и все остальные терпеливо ждут, пока он со всем этим управится, затем садятся кушать. После еды все уходят, а он еще долго-долго все это моет.

На четвертый день ребенок подходит так вкрадчиво к отцу и говорит:

— Папа, слона, наверное, покупать не надо.

— Почему так?

— Но ведь он же много ест...

Видите, какая педагогическая мудрость, вот мудрость находчивости, смекалки родительской, любящего родительского сердца. Родители должны знать, что прежде, чем заводить животное, надо серьезно подготовить к этому ребенка.

О суевериях в церковной жизни

Особенно подробно хочется остановиться на проблеме язычества в Православии. Священнику часто приходится встречаться с вопросами: "*Как завязывать платок?*", "*Пить лекарство — это грех?*", "*Не фотографируйте!*", "*Не мойтесь!*" — Каждый из нас в свое время получил много таких наставлений. Как быть с ними?

Православие — это область любви, и поэтому исполняющийся любовью и есть православный. Господь говорит: "*По тому узнают вас, что вы Мои, Христовы, если будете иметь любовь между собой*". Не сказал: "По тому, как вы храмы посещаете", "по тому, как к мощам прикладываетесь", "по тому, как вы любите молиться", или "как вы тщательно поститесь", или "как вы стремитесь к тому, чтобы по-православному одеваться", а сказал: "*Как вы любите друг друга*". И вот в этом — *тайна Православия*, тайна, потому что любить, действительно любить можно только от Бога, а это значит — только по благодати, по действию Духа Святаго. А для этого надо уметь Его стяжать, надо уметь Его сохранять, поэтому необходимо уметь усваиваться Духу Святому, и только усваивающийся может нести Его в себе, от Него совершенствоваться в своих поступках и действиях, от Него любить.

От того, что кто-то как-то там завязывает платок, вовсе не зависит состояние его церковности. Разве это важно?

Я знаю, что для многих девушек и даже для многих женщин ношение платка есть тяжелое бремя, в то время как потребность воцерковления очень высокая. Ну и что же теперь делать? Значит, все, с этого момента, изволь, пока ты не начнешь носить платок, не смей даже войти в храм? — Конечно же, нет.

Вся внешняя сторона церковной жизни является тем необходимым *средством*, внутри которого возможна правда жизни церковной. Внешнее благочестие нам необходимо. О нем надо узнавать, его нужно усваивать. Это ограда. Только ее мы должны создать не сразу, а со временем. Почему? — К примеру, мы хотим полить огород, а вода в километре или в пятидесяти метрах от нашего огорода. Так вот, чтобы эта вода дошла до огорода, нам необходимо проложить русло. Если же мы с вами, как неразумные, возьмем и начнем вычерпывать эту воду насосом прямо на берег, чтобы вода самотеком добралась до нашего огорода, она растечется по всему пространству и в итоге дойдет ли до огорода вообще, неизвестно. А чтобы ее к своему огороду привести, мы прокладываем русло, и по этому руслу вода идет постепенно. Все внешние признаки церковного человека — это и есть то русло, та самая ограда, внутри которой православный характер жизни действительно может быть сохранен. Его очень трудно обрести, совсем непросто усвоить себе и усвоиться ему, но растерять его очень легко.

Ограждением от потерь являются внешние формы нашей православности, и в этом смысле они очень важны. Но *не они* — *наша цель*, они вообще не являются никакой целью. Они не являются даже признаком православности человека. И поэтому мы говорим о том, что надобно иметь одеяние православного человека, чтобы не соблазнять других и чтобы самим собою не соблазняться, как внутренне, так и перед зеркалом. Но всему свое время. Полагать, что, будто бы одевшись православно, я уже стал православным человеком, будет неверно. Это и есть прелесть.

О язычестве в Православии

— *В связи со сказанным Вами хотелось бы услышать, где кончается христианство и начинается язычество?*

— Язычество начинается всякий раз, когда мы каким-то предметам придаем самостоятельную духовную силу, а не от благодати исходящую. Например, святые мощи — это ведь тоже предметы. Мы веруем в их силу, но что это за сила? — Святые мощи — это останки тех людей, которые всю жизнь свою пребывали в общении с благодатью Божией. И по смерти их Господь ради славы Церкви Своей это благодатное присутствие сохраняет в их мощах и являет через них чудеса. Это не просто останки какого-то церковного человека, не просто предметы, которым мы вдруг придаем какую-то особую силу, мы почитаем их святынею в силу того, что им присуща благодать от Бога.

Если же идет речь о церковных предметах таких, как вода святая, просфоры, они освящаются сугубым чином в Церкви. Сами чинопоследования освящений преподаны через святых угодников Божиих, опять же через тех, которые имели благодатное общение с Богом. И поэтому все оказывается освящено жизнью православных людей, жизнью, исполненной Евангельского Завета и живым общением с Богом по вере, в Его благодати. Это важнейший критерий освященной вещи. Таковые вещи являются носителями благодатной силы в Церкви. Если же такового усвоения благодатной силы не происходит, а мы, тем не менее, приписываем вещи какую-либо силу, это есть язычество.

О "мытье" после Причастия

— *Мне говорили, что после Причастия грех мыться. Так ли это?*

— Опять же дело не в том, что мы будто бы "вымоем" Причастие... Кто может вымыть благодать Божию? Разве вода вымывает благодать? Другое дело, когда человек во время мытья может невольно захлебнуть в рот воды. Если захлебнул и проглотил — это ничего, потому что все равно все вовнутрь ушло... А если выплюнул обратно, в грязь, под ноги... По благочестивому обычаю Церкви после Причастия стараются, чтобы слюна не разбрызгивалась, не разбрасывалась. Мне приходилось наблюдать, как некоторые из нас после Причастия, приняв в себя Тело и Кровь Христову, тотчас восклицают: *"Слава Тебе, Боже!"* Если бы вы знали, сколько брызг при этом исходит. Возьмите зеркало, поднесите ко рту и начните говорить. И вы увидите, *что* делается на зеркале — все это брызги слюны. Особенно если вы Причастие потребили, все разбрызгивается — дело это неблагочестивое. Это признак явного неблаговения и неблагочестия. И поэтому есть в Православии обычай — после Причастия ничего не вынимать изо рта, не вкушать, а если что и вкушается, то соблюдают некоторые правила. Если мы

вкусили рыбу или мясо, то эти косточки не выбрасываются, а предаются огню или закапываются в непопираемом месте.

О суевериях в церковной практике

— *Подруга говорит: "Вот причащусь десять раз, двадцать пять записок закажу и излечусь". Ведь это тоже язычество в христианстве?*

— Почему же? Тут есть соблазн к язычеству, но можно это сделать так, чтобы язычества не было. Правильный или неправильный смысл в том, *на что* ставит акцент причащающийся человек — на Причастии или же на количестве ("*именно 10 раз*"). Если десять раз — самое главное для него, то пусть знает, что десять просто число, оно не освящается и поэтому само по себе силу никакую не имеет. А если я иду к *Причастию*, то важна воля Божия о моем исцелении или соблюдении меня в болезни.

"Двадцать пять записок закажу и излечусь". Если акцент ставится именно на числе "двадцать пять" — это язычество. А если на том, что эта записка будет прочитана, и двадцать пять человек искренним сердцем своим обратятся к Богу, священники ли, монахи ли, или это будут миряне, которых я попрошу по этим запискам помолиться. И по причине того, что искренняя просьба людская будет возноситься к Богу, и благодаря такому молитвенному церковному воздыханию случится мое выздоровление, случится что-то доброе — это подход церковный. И апостолы призывали друг за друга непременно молиться. Более того, Церковь вся живет только молитвою друг за друга, молитвою за нас святых, пребывающих в райских обителях, молитвою священников перед престолом.

Необходимы наши молитвы и за усопших, пребывающих в разных местах потустороннего мира. То есть только молитвы и только такое искреннее вспоможение друг за друга собирают нас воедино во Святом Духе. Поэтому, конечно же, дело вовсе не в магических числах, а в том, что человек, заказывая записки, старается как можно больше собрать членов Церкви ради своей просьбы. Он бы мог попросить и одного нищего помолиться. Но он попросил *сразу двадцать пять человек помолиться*. Мало того, он записки разослал в разные монастыри и попросил монашескую братию молиться за него. Смотрите, какой сонм молитвы ради своей немощи! Христианин собирает сонм молитвы, чтобы молитвою покрыть дорогого сердцу человека участием Церкви. Вот это православно, это нормально, более того — так и должно поступать.

О правильном понимании поста

— *Как поступить в таких случаях — посты стараюсь соблюдать все, но с каждого поста выхожу трудно, особенно в конце поста обостряются все болезни. После поста в течение месяца, а то и больше сижу на таблетках, уколах. Хотя посты очень люблю и жду их. Болею хроническим гепатитом, панкреатитом.*

— Пост — это сугубое действие, которое устраивает человеческое сердце к восприятию Божией благодати, к слышанию гласа Духа Божия. А поэтому пост лишь в том случае будет иметь свои плоды, когда он сердце человека приведет в такое настроение, при котором Духу Божию удобно будет поселиться в нем. Мы знаем, что Дух Божий, Дух Святой усваивается человеку не в той мере, в которой

Господь этого хочет (ведь мы знаем, что Господь хочет всецело вселиться в человека), а в той, в которой человек способен Его усвоить.

Чтобы обрестись в благодати Божией, нужно сначала прийти в правильное устройство сердца. Добродетель есть такое устройство сердца, которое низводит к себе благодать Божию. Пост бывает обычно трехсоставный: телесный, нравственный и духовный. Все эти три поста составляют пост как понятие. И поэтому если в итоге поста телесного усугубляются болезни, а в связи с этим человек начинает унывать, отчаиваться, душа, как говорится, не на месте, то приуготовливается ли сердце таким постом к содействию Божия Духа? — Нет. Соответственно, полезен ли такой пост? — Нет. Можно ли вкушать молоко, когда в этом есть медицинская необходимость? — Конечно, можно. Вместо этого можно поступиться какими-то удобствами жизни или воздержаться себя в другой пище и этим исполнить свой пост. Тут необходимо благоразумие как самого постящегося, так и наставляющего его священника.

Об отношении к "наглым и бесцеремонным" людям

— *Как вести себя по отношению к явно наглым и бесцеремонным людям? Можно ли их пресекать? Ведь добрых слов они просто не понимают...*

— Дело в том, что смирение и кротость по опыту всей жизни Православной Церкви обладает такую силою, которая достигает до глубины души... Даже до глубины души самого разнузданного хама проникает. А чем возможно проникнуть? Что это за сила такая, которая начинает действовать в смирении и кротости?

Авва Дорофей говорит: *"Смирением человек стяжевает благодать Божию"*. Святые отцы подтверждают, что ничем другим благодать Божию стяжать нельзя, кроме как смирением, отложением своей воли пред жизненными событиями, т.е. Промыслом Божиим. Человек, имеющий смирение, привлекает к себе такую благодать, которой он может достичь глубины души даже самого разъяренного человека. Таких случаев и фактов в Церкви встречалось очень много.

Более того, даже в нецерковных кругах мы знаем такие моменты. Совершенно раздраженный или обиженный муж идет к своей супруге. А жена любящая, сердечная, внимательная, несмотря на эту его совершенную раздраженность, начинает спокойно разговаривать с ним. Глядишь — через минуту куда и девалась вся его злоба. А через пять минут он уже совершенно успокоенный. Подчас же знают и мужья, любящие своих жен, что таким образом укрощается гнев жены.

Конечно, бывают исключения. Притчи Соломоновы много говорят о злой жене. Бывает такая жена, которую даже большой любовью и великодушием не растеплить и не растопить. Нередко встречаются и такие мужья. Но это уже, наверное, крайности.

Любовь преображает, она обладает этой удивительной силой. Кроме того, смирение не запрещает строгости, потому что смирением обретается любовь. А любовь в определенных случаях непременно должна быть строга, потому что без строгости порою невозможно отучить человека от греха, которому он навязан. Но чтобы строгость не уязвила, она должна быть от любви, ибо любовь не уязвляет, любовь не входит в отношения с самолюбием, она идет мимо него и проникает в

самую душу человека, потому что она любит душу, а не воинствует с самолюбием.

Осуждающий взгляд не ведает в человеке души, вообще не знает, есть ли душа в человеке или нет. Он знает, что в человеке есть масса всего, что можно осудить. И ловит это, буквально, мгновением взгляда, мгновением ока своего он вылавливает в человеке то или другое безобразие, по поводу которого ему теперь нужно вооружиться.

Это проявления падшей природы человека, это гордость, это осуждение. Так поступать нельзя, это грех, и грех тяжкий, который полностью выбрасывает человека из церковного общения с Богом, общения, единства с ближними.

Нужно всегда помнить: когда мы выпадаем из церковного общения, это значит, что мы выпадаем из единства, единодушия с людьми церковными. **Я уже не вместе с ними, а они с Богом. По этой причине и я не с Богом!** Поэтому нельзя так говорить: *"Я поссорился с кем-то, но пребываю с Богом"*. **Если человек потерял ближнего, то он непременно потерял и Бога**, потому что он не единодушен теперь с ближним, ибо ближний остался с Богом, а он потерял его. Значит, он и не с ним, и не с Богом. И если сердце будет это чувствовать, то человек обретет нрав церковный, нрав Христов.

О любви к Богу и к ближнему

— *Как правильно, по-христиански, совместить любовь к Богу и ближнему?*

— Заповеди о любви даны одним Богом, они хранимы и совершаемы одною Божественною силою. Заповедь первая — *возлюби Бога своего* и вторая — *возлюби ближнего своего*. Бывает человек Бога не знает, а ближних своих любит. Все люди, даже неверующие, имеют ту или иную привязанность друг ко другу. Если мы любим друг друга по привязанности, пристрастием, то наша любовь **связывает ближнего**, и мы это явно слышим и чувствуем. А любовь подлинная, которая обретается от Бога по благодати, высвобождает людей от страстного отношения друг к другу, от греховного обращения друг с другом. Одна любовь высвобождает, а другая, наоборот, — связывает.

Господь говорит: *"Потому узнают вас, что вы Мои ученики, как вы любите друг друга"*. Своими силами обрести настоящую любовь человеку невозможно. Она приходит только от Бога и Богом хранится, через понимание прежде всего того, что *ближние любимые Богом*, именно поэтому я их люблю. Они любимы Тем, Кого я больше всего люблю, и потому я люблю и их. Я больше всего люблю Бога, а Бог любит их. Вот так, думается, эти две заповеди сливаются в одну заповедь о любви.

Что значит "враги человеку домашние его"

— *"Враги человека — домашние его". Что значат эти слова и как они соединяются с заповедью любви к ближнему? Научите, как это сочетать?*

— В каком смысле домашние враги верующему человеку? Например, мы уверовали, уже почти воцерковились, стали обретать образ и характер церковного человека... Прежде всего это усвоение уставов Церкви, а значит, внешнего

благочестия, хождение на службы, исполнение поста, утренние и вечерние молитвы дома, христианская одежда... И вдруг открылось нам, что домашние наши вовсе не таковы, они совсем не изменились. Они, оказывается, очень сильно нас увлекают своими прежними манерами, характером жизни, словами, убеждениями, своей великой скорбью о нас. Сколько матерей сегодня скорбит по поводу своих воцерковленных взрослых детей! Причем матери искренне скорбят. Не услышать эту материнскую боль просто нельзя. Если ты нормальный человек, то ты услышишь эту материнскую боль. Если ты гордец в христианском звании, то *что* тебе материнские слезы...

...Мать в среду незаметно, осторожно подкладывает мне кусочек мяса, растертый до фасолевого состояния. И вдруг... я это обнаруживаю... Сколько праведного гнева, сколько возмущения:

— Да как ты, мать, смеешь так?! Ведь сегодня постный день!

Это ненормальный христианин... Это вообще из ряда вон выдающийся человек; его надо трижды окунуть в бассейн, чтобы он стал нормальным.

А ведь нормальное-то чувство услышит в этом *заботу матери*. Как же ей, еще не уверовавшей услышать те смыслы, которыми я сейчас живу? Сколько любви, сколько христианского смирения надо в себе иметь, чтобы понять, что она живет своими, пусть материальными, но материнскими смыслами, что она живет простотой и незатейливостью своего искреннего, изболевшего материнского сердца, своей заботы, она искренне радеет, она сколько слез выплакала оттого, что ее чадо не вкушало сорок дней ни мясного, ни молочного. Не слышать этого материнского участия нельзя. Настоящий христианин, слыша это радение о себе, в ответ своей любовью поймет и правильно откликнется на такое материнское неразумение.

Но может возникнуть более трудная ситуация. Особенно осложняется жизнь, когда домашние категорически вдруг заявляют: *"Вот что: или-или. Или церковь — или мы"*. Вот тогда... *"Если церковь, то вон из дома"*... Бывают и такие случаи. Вот в таком случае домашние невольно, а, может быть, и вольно становятся врагами. А бывает становятся и категоричными врагами.

Но, несмотря ни на что, нужно памятовать — если ты христианин, то должен обращаться с ними не по внешнему их поведению, а по заповеди Божьей: *"Чти отца своего, чти родителей своих"*. И вторая заповедь: *"Возлюби врага своего"*. А значит, имей чуткость понять их побуждения, их движения души, разберись, подумай: откуда, по какой причине такое возмущение, такое противление твоему воцерковлению? Не ты ли сам причина тому? Может быть, дело не в твоей церковности, а в твоём нраве? Тогда найдись, исполнись той премудрости Божией, которой ты бы смог как-то умирять, утишать и правильно обращаться с домашними.

О телевизоре

— *Можно ли смотреть телевизор?*

— В свою очередь, хочется спросить: а музыку слушать или читать художественные книги — классику, например, поэзию, можно ли все это? Или ходить в театр и т.д.? Можно ли все это?

Дело в том, что если человек необразованный, невежественный, бестактный, можно ли говорить о каком-либо благочестии и утверждать, что он ищет духовной жизни? Можно ли сказать, что этот грубый, хамоватый, капризный, обидчивый, весь сотканный из анекдотов, любящий всех уязвить, подколоть, подшутить человек движим любовью к Богу, следует Евангелию? Можно сказать о нем лишь то, что это душа, начинающая веровать, но совершенно невоспитанная, невежественная. Чтобы такую душу воспитать, нужно начинать не с чтения житий или наставлений Святых отцов ко благочестию. Для нее порой это невозможно, непостижимо. Она это не воспримет. Воспитанию и облагораживанию такой души как раз очень споспешествует чтение классической литературы. Произведения наших классиков, писателей, классическая музыка имеют воспитательно-облагораживающий характер. Но если человек вполне воспитанный и воцерковляется, живет Псалтирью, слышит красоту и радость псалмов, чувствует глубину и красоту стихир во время Богослужения, воспринимает мудрость наставления Святых отцов, то для него прикосновение к чувственным или душевным произведениям (пусть даже классическим) может оказаться отвлечением. Рассеивается тот дух, который он воспринимает во время Богослужения, в домашнем чтении, размышлении и памятовании о Боге, растворяется в посторонних, ненужных эмоциях. И он это чувствует.

Особенно захватывает чувственную сферу человека телевизор. Сегодня почти нет телевизионных фильмов, которые бы облагораживали чувства, возводили человека к духовному. Все телевизионные передачи, которые мы сейчас видим (даже хорошие, здоровые фильмы) имеют характер чувственный. И сила, с которой сейчас телевизор забирает внимание человека, настолько велика, что даже церковно-устоявшиеся люди невольно совращаются и, уткнувшись в телевизор, постепенно обмирщаются в своем душевном настроении.

В этом смысле телевизор для церковного человека — явление очень вредное. Но если человек новоначальный и находится на путях воцерковления (допустим, первые 5 лет), то фильмы православные, фильмы, которые раскрывают ему церковный кругозор, дают ему церковное образование (а таких фильмов сейчас создается много) могут ему помочь. Иногда довольно полезным представляется посмотреть по видео картины святых мест, например, о схождении Благодатного огня, увидеть, как живут православные люди в других странах. Причем камера иногда может подсмотреть такой момент жизни верующего человека, что мы как раз получим ту самую встречу с живым преданием Церкви, о котором мы недавно говорили. В этом смысле для новоначального человека православный телевизионный фильм может оказаться полезным.

О телевизионных новостях

— *А если дело касается новостей, последних известий?*

— Известно, что постоянно сменяющаяся политическая сумятица очень сильно отвлекает внимание человека. Помню, как однажды на чердаке своего дома я обнаружил кипу газет. Стало очень интересно, вытащил и начал смотреть, оказалось, газеты давние, еще хрущевского периода: Никита Сергеевич на всех

передних полосах газеты. Прочитывая эти газеты, я вспомнил, с какой страстью, с каким напряжением каждый день я бежал к почтовому ящику, прочитывал последние известия политических событий в стране, следил за всеми перепетиями того времени. А теперь с позиций нескольких десятков лет, когда все уже позади, я смотрю, как это все мелко, оказывается, было, как все это ничего не стоило, ничего не значило.

Следить за происходящими в мире событиями можно, но надо иметь *рассудительность, разумение*. Как относиться к информации, которая идет с экрана, если уж человек не может жить без телевизионных новостей? Быть очень осторожным, не всему со страстью верить, уметь отличать информацию от обилия налипшей вокруг нее разрушительной эмоциональной шелухи.

Чтобы этому научиться, нужно иметь длительные периоды полного исключения телевизора из своей жизни. Это прежде всего многодневные посты. Во время них даже последние известия нужно исключить. Потом появятся силы и годового поста от телевизора. Тогда только можно научиться рассудительности, ибо в ней основанием будет духовный опыт молитв и поста.

Дети и телевизор

— *А если ребенок требует телевизор, вплоть до скандала?*

— Относительно детей можно сказать то же, что я уже сказал относительно взрослых. Дети особенно впечатлительны. Воспитывать детей на телевизионных передачах — значит сильно урезать возможности научения ребенка к молитве. Нет ничего более мешающего молитве, чем чувственное впечатление. Каждый это, наверное, испытал на своем опыте. И поэтому ребенка надо особенно беречь от различных чувственных сильных впечатлений. Поэтому от всяких зрелищ, каких угодно — телевизионных, театральных или даже просто событийных в жизни — нужно беречь их взгляд.

Недаром те, кто приезжали из города, и пробовали в течение полумесяца или месяца пожить в одном каком-нибудь монастыре, ходить на службы, никуда не отвлекаться, постепенно приходили в особое устройство души, после которого не хотелось выбираться и ехать домой, потому что, оказывается, это настроение души свойственно и сродно ее чистой природе. Богодарованной природе души свойственно такое нерассеянное, нерассыпанное состояние. И когда душа, благодаря тому, что впечатления ограничены, это обретает, она становится свободной в дыхании духовной жизни.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ (БЛОК 4)

Об употреблении лекарств

— *Иногда верующие люди говорят, что пить лекарства — грех. Не пить лекарств, ну как же тогда лечиться?*

— Господь даровал лекарство и дал врачевание как дар. Искусство врачевания благословлено Богом, поэтому надо лечиться.

В житиях святых мы с вами встречаем описание святых подвижников, которые *ради благодати Божией согласны потерпеть болезни*. Но ведь для этого надо сначала ощутить эту благодать. Это дело не первого года и даже не первого десятилетия жизни в Церкви. Поэтому полагать, что будто бы ты уже достиг некоторой степени церковной святости, благодатной озаренности в такой степени, что теперь можешь ради ее сохранения не лечиться, не принимать лекарств, терпеть болезнь, будет совершенно неправильно, это будет признаком гордости или тщеславия. Если вы заболели, можно пойти и спросить благословения: "Как быть?" И если батюшка благословил лечиться, то, не сомневаясь, лечитесь.

О вредных страстях и привычках

— *Пожалуйста, скажите, что Вы думаете о курении, моде, почти оголенных людях — это же насмешка над человечеством!!!*

— Курение вредно физиологически. Курение вредно в душевном плане. Скажу по опыту нашего училища. У нас были такие моменты, когда поступающие в наше епархиальное училище выказывали искреннюю веру и искреннее желание, жажду к церковной жизни, более того, обнаруживали уже 2-3 летний стаж воцерковления, но, тем не менее, курили. Обещали исправиться. Мы их принимали, а потом они не могли понести условий жизни в Епархиальном педагогическом училище, т.е. ту строгость, тот характер церковного образа жизни, молитву, пост, послушания.

Что происходит с курящим? Когда начинаются трудности (по обстоятельствам жизни), то требуется утешение. Утешения может быть два: одно — в Боге — смиришься или потерпи Христа ради, и ты будешь иметь утешение от Бога, а второе — какими-либо земными средствами. Например, кабинет психологической разгрузки с зелеными бархатными стенами, с тихой музыкой.

Либо сауна (другое утешение) либо алкоголь — очень сильное утешение. Человек на данную минуту вполне утешается, забываясь алкоголем. Так и курение может оказаться одним из моментов, который несет "душевное утешение".

Часто люди говорят: "Вы знаете, я выкурю сигарету и успокаиваюсь. Пока сигарету не выкурил, я не могу работать, меня всего колотит". Что это такое? Это душевная болезнь. Человек не ведает, не знает о том, что действительное утешение он может получить именно в Боге, а вовсе не в куреве. И, наконец, это может быть душевным повреждением, стать страстью, т.е. он прибегает к курению не только в трудные моменты или минуты жизненных обстоятельств, но уже постоянно. Более того, 20 сигарет в день стало его нормой.

Страсть — это уже болезнь духовного порядка, это духовное повреждение. Поэтому в любом из этих трех случаев курение вредно.

Погоня за модой — это стяжание мнения окружающих людей, одобрения окружающих. А желание одобрения окружающих есть грех тщеславия. Такой человек живет уже не внутренним дарованием души, не нравственным чувством, в котором он бы имел нравственную независимость или нравственное достоинство. Он живет мнением окружающих людей и нравственного достоинства не имеет. Потере достоинства и способствует мода.

Это одно объяснение. Другое — человек от гордости, не столько от тщеславия, сколько от гордости прибегает к моде. От гордости — это значит ему хочется для самого себя и в самом себе быть выше других людей, лучше других людей. И тогда через моду он обретает эту возможность. Представим картину: какой-то новый фасон дубленок только стал входить в моду... А кто-то достал ее за 10 тыс. рублей. И уже идет в этой новенькой дубленке. Посмотрите на его грудь, на его осанку. Едва только он надел на себя эту дубленку, как переменялся. И вот в помещении ее нужно снять..., и как бы опустились плечи, и сразу все изменилось в интонациях, во внутреннем настроении — все стало совсем иное...

Видите, какая зависимость от вещи? Не от людей, а от вещи, и потому в этом смысле *мода — это уловка демонических сил*. Неудивительно, что по мере оскудения веры мода стала царствующим началом в жизни человека. Кто сегодня не дал дань моде? Когда-то русский народ платил дань золотом хану Батыю и многим другим ханам татарским. Ныне всяк человек через моду платит дань самому дьяволу.

Насчет оголенных людей. Вообще-то православному человеку грешно открывать тело свое для стороннего взгляда. Более того, особенно женщине запрещается (а мужчинам и тем паче) открывать свое тело для стороннего взгляда. Мы знаем с вами из Ветхого Завета, что вышло, когда Хам увидел оголенное тело своего отца. С тех пор грех Хама остается не меньшим, чем тогда. И поэтому человек, исполненный православного чувства или постепенно исполняющийся православного чувства, по мере воцерковления отходит от пляжей, от совместных бань и прочего, имеющего в себе необходимость частичного или полного обнажения тела.

Об употреблении спиртного

— *Можно ли употреблять спиртное? Если можно, то где и когда, и что можно пить? Можно ли в пост употреблять вино?*

— Это дело личное. Апостол Павел наставляет свое чадо пить вино ради здоровья. *"Впредь пей не одну воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов"* (1Тим. 5, 23). Хорошее вино — действительно дар Божий. Более того, в Псалтири сказано, что вино веселит сердце человека. Даже в монастырских уставах предоставлено в определенные дни употребление вина. Вино сухое или натуральное, слабо крепленое имеет свои естественные хорошие качества и свойства оздоровительного, воодушевительного характера. Но везде должна быть мера. *"Все нам позволительно, но не все полезно"*, — говорит Апостол Павел. А что значит *"не все полезно"*? Вот тут-то и требуется рассудительность и благоразумие, требуется мера. Более того, мера — это есть та середина, которая есть царский путь и которым стяжается Царство Божие. Не стать ретроградом, сверхправильным, не стать таким забитым христианином, который сам себя вообще забил окончательно, который под предлогом "православности" все лучшее забил в себе. И вот найти эту середину — это как раз и есть одна из важнейших задач, которые человек осуществляет в своей жизни. И Церковь в этом сильно ему помогает, особенно сменой постовых и не постовых дней.

Нужно иметь в виду, что пост, — с одной стороны, — физиологическое, т.е. телесное явление, а с другой — душевное и духовное. И значение поста

заключается не столько в том, чтобы молоко и мясо не вкушать, а прежде всего в том, чтобы не раздражаться, не обижаться, не возмущаться, не осуждать. А пища, которую предложено во время поста отлагать, является горячительной, т.е. через кровь возбуждающей чувственность. То же действие имеет и вино. Человек во время поста должен совершать свой духовный путь, а для этого необходимо следить за своим сердцем и за своею душою. И пост — это время особого наблюдения за своим сердцем. Все 365 дней человек (особенно новоначальный) не в силах хранить и наблюдать свое сердце. И лишь после 20 или 30 лет серьезного церковного жителства у него появляется этот навык. Поэтому Церковь в какие-то моменты позволяет ему расслабиться, но в определенные дни все-таки нужно собраться. Поэтому среда и пятница учреждены не только для того, чтобы мы скоромного не вкушали, это не просто вегетарианское отложение мяса и молочного ради оздоровления, но прежде всего, чтобы мы в эти дни *как можно меньше огорчали своих близких*. Следите за тем, чтобы не огорчить никого в среду и в пятницу, это будет по сути своей постом, воздержанием в страстях или же в своем нраве. Отложение мясного и молочного есть серьезный труд умерения чревоугодия, с которым тесно связаны плотские страсти. Эта смена постовых и непостовых дней, как раз позволяет постепенно, из года в год, находить ту середину, которая и является царским путем. Главным Помощником в этом будет Сам Господь в Таинствах Церкви.

О жизни христианина в современном мире

— *Что делать православному человеку работающему в организации, где одна из коллег насаждает вокруг оккультизм?*

— Часто оказавшись в обществе таких людей, мы вдруг исполняем страхом, что они что-нибудь сделают с нами. Святые отцы говорят, что надо избегать общества нечестивых. И не потому, что они смогут с нами что-то сделать, а потому, что мы можем соблазниться их навыками, их привычками, их характером или образом жизни. *Поэтому, если ты умеешь стоять в Христовом нраве, то никто для тебя не страшен*. А тем паче, если ты исповедуешься и причащаешься, то благодать церковная, благодать единокровия (а это значит церковное общение друг с другом), благодать молитвенная есть верный охранитель и оградитель от всякого навета вражия. И надо быть в этом уверенным. У человека это происходит с обретением веры, но в этом нужно быть уверенным с самого начала, поэтому идите прямо сквозь все подобного рода трудности.

О различении воли Божией

— *Как отличить волю Бога от внушений темных сил?*

— Воля Бога проявляется прежде всего в Евангелии. Все Евангелие — это воля Божия. Наставления и правила Святых отцов — это тоже все воля Божья. Все правила, которыми Церковь поставляет порядок жизни церковной, жизни нашей — это тоже есть воля Божья. И, наконец, все наставления вашего духовного наставника, который вас направляет в жизни по уставу Церкви, есть тоже воля Божья. Если вы научитесь эту волю Божью исполнять, то тогда услышите и дальше. Если к этому прибавите молитву и внутреннее внимание к Промыслам Божиим, тогда вполне откроется для вас и воля Божья.

О прелести

— *Что такое прелесть в церковном и мирском понятиях? В чем их различие?*

— Прелесть — это обман, который часто происходит с человеком, когда он *сам себя обманывает*. При этом человек не распознает этого обмана, он вполне искренне полагает, что пребывает в Боге, а в действительности он обманывается.

И в церковном, и в мирском понимании прелесть есть одно и то же явление. Причиной его является или рассудок, извращенный грехом, или эмоциональность, воспаленная страстью. Разница только в том, что человек, пребывающий вне Церкви, извращенное и воспаленное страстью приемлет как норму жизни. Поэтому, желая дать явлению сугубую в его глазах положительную оценку, в некоторой экзальтации восклицает — *какая прелесть!* — тем выражая свое сугубое восхищение.

Если воцерковленный человек продолжает пребывать в значительной степени в греховном рассудке и страстной эмоциональности, то он фактически пребывает в прелести, но не сознает этого, лишь только может узнать об этом из книг святоотеческих.

Распознать самообман возможно только церковным образом. По мере того, как человек действительно живет в Церкви и постепенно приобщается благодатных даров церковных, Свет Христов проникает в человека, в душу человеческую. Он-то и открывает неправду! Каждый из нас до конца не знает, *кто он есть по грехам своим*. Процесс познания себя можно уподобить тому, как мы с вами входим в темную комнату или незнакомый чулан. Если войти в темный чулан со спичкой, какая-то часть предметов осветится. Если же взять свечку, то уже *большая* часть предметов станет видима. А если с фонариком — еще больше, а если зайти с лампой стоваттной — совсем светло станет. Если же еще прибавить солнечного света, то, глядишь, уже и соринки, и мусор, и пыль — все откроется взору.

Так же происходит с человеком и в Церкви. По мере его воцерковления благодать освящает его внутреннее состояние, и благодаря этому он открывает, что, оказывается, весь грешен. Сначала при помощи "спички" открылось в нем его греховное естество, потом при помощи свечи, потом пространство греховное осветили фонариком, потом — лампой стоваттной, а потом — и киловаттной. А когда солнечный свет отверзется — рождается Покаянный Канон Андрея Критского. Но до того момента, пока это освещение Светом Христовым не произойдет, душа человека пребывает в темноте, а значит — в прелести.

Все нынешнее состояние наше, по словам святителя Игнатия Брянчанинова, все это есть прелесть. Освободиться от прелести возможно только действием благодатных Даров Христовых. Другого Света, которым можно бы было это увидеть, нет.

Об отношении к художественной литературе

— *Книги, собранные мною раньше, теперь не занимают меня, что делать с ними? Например, "Мифы народов мира", два тома.*

— Когда я воцерковлялся, то в первый год своего оглашения предал огню многое из своей библиотеки. Тогда еще ничего не зная о Православии до крещения, я собирал всякую восточную литературу, но почти ничего не прочел, был занят работой с людьми, времени читать особенно не было. Потом, через пять лет после крещения, я часть своей библиотеки просто снес в букинистический магазин, через десять лет другую часть библиотеки отправил туда же, а самую дорогую часть просто раздал знакомым людям.

Ну и что теперь? Готовясь к лекциям, я с великой скорбью сожалею о той или иной книге, которую отдал, продал, подарил и теперь не имею. Теперь мне надо ее найти, а она где-то в библиотеке, да еще и не в каждой ее найдешь. По основной специальности я биолог и педагог, и сейчас в занятиях с детьми мне потребовалось много биологических книг, которые раньше у меня были. Теперь они стали такие дорогие, что денег на них не найти. А вот нет теперь этих книг, все раздал.

Бывает, например, нужен Достоевский... Очень бывает нужен Пришвин со своими удивительными описаниями природы. Иногда бывает нужен даже Лев Толстой, для того, чтобы показать величие, красоту художественного слова. От Церкви он отошел, это факт печальный, но от Бога он имел художественный талант, у него был непревзойденный дар слова. Игнорировать это, а потому выбрасывать никак нельзя.

Сам по себе художественный талант не может быть попираем. Описание природы, описание характеров человеческих, разве это не может быть нами воспринято с пользой для души?

Поэтому в отношении к библиотеке, к книгам необходима разборчивость, рассудительность. Церковный человек должен быть умудрен самою премудростью Божией, которую просто распознает, различает добро и зло, но не смешивает все в одну кашу.

Поэтому мой совет: к библиотеке относитесь благоразумно. Если сейчас нет нужды, но стоит на полках литература, которая освещает жизнь разных сект, или же разъясняет аномальные явления, или, например, мифы Древней Греции, то эти книги, конечно, можно оставить. А откровенно оккультные и сатанинские книги должны быть просто преданы огню. Этим мы совершаем решительный шаг отмежевания от всякой нечисти.

Книги художественные, классику, ту самую драгоценную классику Православной России, классику прошлого и позапрошлого веков, надо сохранить. Сейчас они, эти книги, возможно, не читаются, потому что внимание сердечное обращено к книгам православным. Но потом придет время, и вы почувствуете нужду в том, чтобы не только свое общение с Богом осветить Светом Христовым, но и свое общение с природой. Светом Христовым надо осветить свои отношения с людьми, со своей профессией, с явлениями физическими, химическими, математическими, с явлениями литературными, музыкальными, изобразительными. Важно не выкинуть это все, не отсечь от себя, не превратиться в некую околоравославную мумию, внешне имеющую только вид православный, в действительности оставаясь человеком скудным, необразованным и неблагоприятным.

Нужно быть благоразумным. Следует памятовать о том, что Господь *всякого* призывает *Ему Одному ведомым путем*. Кто знает, кем тебе придется служить Церкви? Может быть, как раз эти книги тебе пригодятся для учебы. Ты будешь учителем или наставником детей или родителей. Либо у тебя будут свои собственные дети, которых надо будет по этим книгам научить той же физике, математике, живописи или еще чему-то вполне полезному. Надо быть широко образованным, ведь не каждый из нас станет на путь полного отречения от мира, на путь монашества.

Монаху-отшельнику, может быть, это и не очень надо. Хотя, с другой стороны, посмотрите, какая разница между монахом образованным и необразованным. У образованного монаха свое служение в Церкви, особое служение, очень важное на сегодняшний день. И у необразованного монаха тоже есть свое служение в Церкви,

которое тоже особое и очень важное на сегодня, но это *разные служения*. Откуда ты знаешь, что у тебя служение именно необразованного монаха и именно отшельника? Более того, неизвестно вообще: есть ли благословение нам быть отшельниками сейчас. Именно исходя из этого, не надо так категорично ко всему относиться. Помните, что жизнь церковная — это, как говорил авва Дорофей, золотая середина, царский путь. Это средний путь, и вот найти эту середину, т.е. найти эту меру своего отношения ко всему миру, который сотворен от Бога — задача православного человека.

О различении периодов воцерковления

— *Нужно ли стараться определить, к какому периоду в данный момент принадлежит душа, или только трудиться, и все управится?*

— Безусловно, надо осознавать, на каком ты этапе находишься, потому что если ты без этого осознания идешь, то может оказаться, что ты взялся за дело, которое не принадлежит твоему возрасту. Так часто люди сегодня схватываются за труд Иисусовой молитвы и начинают изо дня в день творить определенное число... Труд молитвы для них заключается в том, что человек берет определенное число молитвы Иисусовой и начинает в этом упражняться. Но если сердце в смирении не приуготовлено, если опыта послушания церковного нет, труд может оказаться напрасным.

Что такое послушание?

Если каждый христианин это — воин, то послушание — это подчинение приказу. В чем разница между армейским приказом и церковным? В церковном — это не просто подчинение, но подчинение, исполненное верою человека. Человек верует, что приказ этот есть благословение Божие, и поэтому подчиняется ему. Только такое подчинение является послушанием. Поэтому слово "послушание" принадлежит только Церкви. Это сугубо церковное слово, и оно обозначает обязательное присутствие веры.

О духовной рассудительности

— *Когда задают вопрос о вере, о церковных догматах, не могу дать короткий точный ответ. Опираюсь на знание истории, на прочитанные книги, но ответ подобен выстрелам не в мишень, а вокруг нее. Как избавиться от этого? Почему простые и ясные слова мои непонятны вопрошающим?*

— Дело в том, что способность к духовной рассудительности (а это как раз об этом речь) требует времени для того, чтобы развиваться. Если у нас нет рассудительности как дара, то надо этому научиться. Значит, соответственно нужно положить труд. И тогда по дару рассудительности вы будете точно чувствовать, о чем спрашивает вопрошающий. Если точно знаешь, о чем идет речь, то точно будешь на вопрос отвечать. Причем надо иметь в виду, что дар рассудительности непременно исходит из точного и ясного знания учения Церкви Христовой. Если вы точно знаете Символ Веры, его значение и содержание, то тогда и ясно ответите. Точно ответить обычно удается по двум причинам: одна — это чуткость, распознающая предмет вопрошания, о чем спрашивают, а вторая — опыт и знания церковного учения и духовной жизни. А соответственно и знание Святых отцов, достаточно ясная (не многознание, а яснознание) точность знания. Над этим надо много специально трудиться.

Когда мы читаем книгу или беседу святого подвижника, то находимся под ее впечатлением. Но если нас спросить, о чем мы читали, то обнаружится, что мы

воспроизводим именно *свое впечатление*. А в точности сказанного мы не уловили, мы теряемся. Мы уловили только впечатление. Оно для нас достаточно ясное, но это *ясность впечатления*, а не *ясность мысли святого*, тем паче Евангелия, которое мы читаем. И поэтому, чтобы этой ясности достигнуть, необходимо над прочитанным специально трудиться. Прочитав первый раз, нужно вернуться еще раз к этой же главе, выделить из нее существенное для себя. Существенное для себя человек может выделять только по тому, *чем* он сейчас жив, и далеко не всегда он может выделить существенное по его правильному значению. Он выделяет то, чем он *сам* жив, и что он *сам* знает. Поэтому при чтении важно прежде всего уловить не то, что на тебя произвело впечатление, будучи прочитано тобою, твоею самостью, а найти точное понимание того, что же хотел сказать святой, книгу которого ты читаешь.

Это сугубый, специальный труд. Лишь на этом пути можно обрести дар рассудительности. Без такого труда сам по себе этот дар может посетить только по действию чрезвычайной благодати Божией. А при естественном содействии Божией благодати человек может обрести этот дар лишь большими своими трудами. Об этом-то труде я и говорил, когда объяснял о необходимости навыка размышления над Священным Писанием или над трудами Святых отцов.

О внешнем поведении

— *Можно ли женщине, сидя в кресле, положить ногу на ногу?*

— Наверное, многие знакомились с исследованиями психологов, которые изучали мимику, позу, осанку человека и их связь с душевным устройством. И знают, что душа прямо связана с телесными проявлениями. Недаром, когда мы смотрим на иконы, то сразу (если не первый год в Православии) обнаруживаем православную осанку — особый изгиб спины. Это явно видно. Примечательно то, что если нецерковный художник попытается эту осанку скопировать, то так и не сможет это сделать. Настолько душа руководит телом, настолько тело отображает душу, что даже неплохой художник, видя глазами явную линию кротости и смирения, пытаясь вывести ее своею рукою (пребывая при этом несмирным душой и некротким сердцем) не может этого сделать. Эта линия у него не получается. И поэтому точную копию "Троицы" Андрея Рублева, например, так никто и не написал. Это невозможно, если нет настроения Андрея Рублева.

Мы видим, что душа прямо отображается в физиологическом настроении человека. Мы это легко распознаем. Посмотрели на лицо ближнего утром и говорим: "Что-то ты плохо выпался, или же у тебя плохое настроение." Т.е. это означает, что мы непроизвольно считываем то, как внешняя физиология отображает настроение души. А тем паче осанка, поза — все это тоже отображает. Поза "нога на ногу" — это известный признак самодостаточности и гордости.

Об использовании косметики

— *Можно ли женщине подкрашивать глаза, губы, делать маникюр хотя бы перед работой, если там такая обстановка, что надо быть в форме?*

— Женщина воцерковляющаяся до какого-то определенного момента не может не краситься. Она и кается, она и исповедуется, она сознает, что это нехорошо... Но, вместе с тем, она отдает дань миру сему, дань той самой моде, тому самому изобретению, которым враг рода человеческого улавливает людей в зависимость друг от друга... Люди становятся рабами друг друга, а значит, рабами страстей, хотя должны стать рабами

Божьими. Поэтому необходимо было бы от всего этого отказаться. Возможно ли это сразу? — Конечно, нет. Как это сделать? — Каждый поступает по-разному. Некоторые, сразу узнав об этом, тут же отсекают. Первый месяц на работе приходится перетерпеть невесть что: и насмешки, и унижения, и резкое падение престижа, и даже понижение в звании.

Известен случай, когда воцерковляющаяся женщина, потеряв внешний вид, свойственный ее сотрудникам, через два месяца потеряла и свою должность. Именно по этой причине она стала "несвоим" человеком. Пошли разные противления, неприятности, и в результате ее понизили в должности. Но приходится через это потерпеть. Исповедание Христа при встрече с миром будет всегда связано с такими скорбями.

О венчании после нескольких лет супружества

— *Скажите несколько напутственных слов людям, не могущим решиться на венчания после долгих лет совместной жизни, чтобы облегчить сомнения.*

— В нынешнее время очень много людей, прожив в супружестве 10-20, а то и 30 лет, приходят к венчанию. Некоторые из них очень сильно смущаются, но затем венчаются, когда фактически почти вся жизнь прожита.

Таинство венчания — это обретение благословения Божия, обретение Его благодатного покрова. Таинство венчания — это начало возможности превращения семьи в домашнюю церковь. Это еще не домашняя церковь, но начало этой возможности. В домашней церкви люди пребывают друг с другом в единомушном церковном, домашнем общении. Нет более трудного общения, чем домашнее. В храме мы можем какое-то время с человеком пообщаться, а потом, когда это станет для нас неприятно, сбежать от него до следующего воскресения. И уверены, что с этим человеком мы точно уже не встретимся хоть какой-то период. Всегда есть выход — убежать домой. Даже работая в церкви, какое-то время в течение дня человек с сослужителями не встречается.

А дома, к сожалению, никуда не убежишь. Если не убежишь, то значит всякое нагнетение или же нестроение в отношениях никуда не уходят, они накапливаются, и человек должен с ними что-то делать, каким-то образом с ними справиться. Все это вместе составляет очень непростые условия жизни современной церковной семьи. *Поэтому домашняя жизнь семьи - это жизнь в подвиге*, в постоянном, бесконечном подвиге, подвиге смирения, подвиге терпения, подвиге постоянного хранения единомушия друг с другом в духе и истине. И если мы сумеем сохранить в семье мир, благодатный мир со своими домочадцами, и по любви будем иметь попечение о их спасении, тогда мы совершим подвиг.

Обращаясь к Таинству, брака семья получает благодатную Божию помощь. *В каком бы возрасте люди ни приняли благословение Божие на совместное жительство, именно с этого момента начинается Домашняя Церковь, начинается воцерковление семьи.* Это очень важно. Поэтому ни в каком возрасте венчаться непоздно.

Супружеская жизнь, прожитая без венчания, является грехом. Сказано, что блудные грехи лежат на вас и на чадах ваших, на наших детях. Таинством венчания эти грехи прощаются и человеку, и его детям. Поэтому даже взрослые дети высвобождаются венчанием из-под бремени прелюбодейного греха родителей. Это очень важно. Многие наши взрослые дети не могут сформировать атмосферу своих семей только по той причине, что их родители прожили без венчания. Известно множество случаев, когда после венчания родителей и у

детей налаживалась жизнь. Родителям по 70 лет, а детям — по 40, и у них налаживалась жизнь. Таинство венчания имеет огромное значение для последующих поколений.

О канонизации Царя-Мученика

— *Сейчас идет очень серьезный спор относительно канонизации Царя-Мученика Николая II. Как Вы относитесь к его канонизации?*

— Я сам лично почитаю его как святого Угодника Божьего. Думаю, что не за горами и официальная его канонизация.

В чем же основной эпицентр спора? В характере жизни Царя.

Церковь имеет свой подход к освящению, к канонизации святых, к объявлению того или иного человека святым. И при этом немаловажно личное отношение каждого члена Церкви к тому или иному Угоднику Божию. Недаром немало святых угодников, которые признаются святыми, но местночтимыми, они по всей Церкви не объявлены святыми. И, тем не менее, к их мощам прикладываются, у них просят помощи и получают ее, т.е. немаловажным является еще и личное отношение человека к святому, и опыт этого обращения, и характер.

Важнейшим моментом при канонизации является тот факт, что Церковь прославляет в лике святых непременно тех людей, которые исполнили своею жизнью Завет Христов, Завет Евангельский. Так, Царь Николай II своею мученическою кончиною, своею верой, с которой он шел на свою Голгофу, исполнил вполне две заповеди Божии — о любви к Богу и о любви к ближним, к своему народу. Что еще нужно смутителям, противникам его канонизации?

О поведении в светском обществе

— *Находясь в светском обществе на приеме, на ужине, необходимо ли креститься или нужно совершать внутреннюю молитву?*

— Огорчать не должно никого. Что такое не огорчать ближнего? Это значит не искушать его, чтобы я не стал причиной его согрешения. Я ему что-то сказал, а он вдруг раскричался. Что он этим делает? — Грешит. Кто виноват? — Я. Кто подал повод к огорчению? — Я. Кто из нас более согрешил: он ли, вдруг разгневавшийся, раскричавшийся или разобидевшийся, или я, который его искусил?

Сказано: *"А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской; горе тому человеку, через которого соблазн приходит"* (Мф. 18, 6). Отчасти это относится, вероятно, и к детям. Но не в меньшей степени это относится вообще ко всякому человеку, младенцу или же ребенку в духовном смысле. Любой человек, который мной был искушен, впал в обиду, раздражение или же в возмущение, или еще хуже — в ненависть, а после наделал еще массу всевозможных грехов — эту ненависть распространил на других людей, от него воспламенилась в раздражении еще целая цепочка людей. В результате грех умножился многократно. Почему так произошло? Кто виноват в том, что человек не потерпел мою язвительность, мою злобность, или же мой укор, или же мое надмение, или же мое нахальство, или же наглость, или же мое давление, или еще что-то. Кто его в это искушение ввел, кто не проявил чуткости, не разглядел, что его силы на пределе, что он

дальше не потерпит и не понесет меня... Кто не разглядел? — Я. В ком не было чуткости? — Во мне.

Поэтому уместно всегда пользоваться таким очень простым правилом, которое ведет к глубокой работе над собой, очень внимательному отношению к своим поступкам: "Не огорчай, не искушай ближнего своего". И когда я прихожу на светский прием, куда я не мог не прийти, и на ужине вкушаю, то никто не должен смущаться внешним проявлением моей православности. В этом-то и заключается мое православие.

Иное дело, когда возникает необходимость исповедать Христа. Вот тут уже встань до смерти. Или даже мученической смертью, или же какими-либо страданиями, или болью исповедуя Христа, это совсем другая ситуация, другое обстоятельство.

О жизни христианина и начальствовании

— *Может ли верующий человек быть начальником на производстве?*

— Вполне. Если взглянуть на тысячелетнюю историю России, то можно увидеть, что в ней был определенный чинопорядок. Особенно строгое, стройное чиноначалие наблюдалось в светлейшие и лучшие времена расцвета Российской державы. Тогда Россия была царственно руководимой. Царь был самым большим начальствующим лицом, в его власти находилась вся Россия. Поэтому православный начальник — это норма гражданского устройства государства.

Только в этом случае оно сохраняет и соблюдает то чиноначалие или ту иерархию, которая отображает иерархию Небесную. Ведь Ангельские миры, все девять чинов Ангелов расположены в чиноначалии. Недаром и сама Церковь тоже устроена в строжайшем чиноначалии. Епископ, а далее за ним благочинный, а за ним — священники, миряне, а миряне в своих чинах — староста, директор завода, начальник участка, смены, цеха... И если все это устройство православно, то оно отвечает тем чаяниям (о которых все мы радеем и желаем) о том, чтобы наше государство стало, как и прежде, православным. "Хочешь быть старшим, будь всем слугою", — говорит Священное Писание. Значит, радей о всяком здравии своих подчиненных — телесном, душевном, духовном. И не только во время работы, но и вне ее.

И в заключение

Заканчивается наша беседа в паломническом рейсе, а тернистый путь ко спасению души, наше движение ко Господу продолжается.

Воцерковляться, становиться церковным человеком — это означает не только хождение в храм, не только чтение молитв, не только регулярное участие в Таинствах, это означает прежде всего изменение греховного своенравия в нрав Христов.

Да дарует Господь всем нам искренним покаянием, теплою молитвою, дерзновением, всем, чем богат опыт нашей Православной Церкви, возродиться в своем нраве, обрести послушанием воли Божией, слышание Его Промыслов, чувство Божия благословения, обрести решимость следовать за Христом в течение всей своей жизни, исповедовать Его не столько словами, сколько

поступками, чтобы, по слову Евангелия, просветился свет наш пред человеками, и они, видя Христов нрав, Христов образ действия в этом мире, прославили Отца нашего Небесного.

КОНЕЦ